

*Пира
Мокреба*



 **Парус** / 4/1991



Сергей МИНАЕВ
Фото Елены АДАМЧИК

Отечество. Добро. Справедливость.

Парус

Всесоюзный журнал
для подростков

Издается с июля 1972 г.

В номере

Время по Горбачеву

Алексей ШАУЛЬСКИЙ. В наследство — крики сатаны 2

Работа над ошибками

Светлана ШИДЛОВСКАЯ. «Не стреляйте в пионервожатую...» 4

Свободная территория 8

Ищу друга 18

За линией огня

Ирина ХАЛИП. Когда молчат солдаты 20

Предъявите права!

Виктория ПЕТРОВА. Сицилианская защита 23

Испытай себя

Сергей КВИТКЕВИЧ. ...А север тянет, как магнитом 24

Парт-рет

Александр КУЛИНКОВИЧ. Монархия: кто на новенького? 27

Почтовый ящик «Паруса»

А глаза-то вокруг — разные... 28

33 не счастья

«Наша жизнь — есть то, что мы о ней думаем» 30

Стихотворная тропа

Татьяна КОНОВАЛОВА 32

Авторский лист

Ирина АНДРИАНОВА. Токмаков переулоч. 8 мая 34

Повесть

Два шага вперед!..

Нина ПРОКОПЧИК. А серый волк мне сват и брат... 44

Не как все!

Лариса ЛАРИНА. Немножко колдовства, и результат — на лице 47

«Music novosty» Стенгазета 50

ФИО

Чесь ДУДА-ВОРОНИЧ. «Не ненавижу свою фамилию!» 56

И вспоминая старину... 60

10 уроков большого тенниса 62

Игротека 63

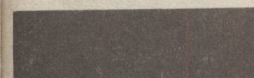
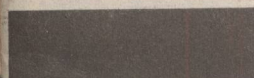
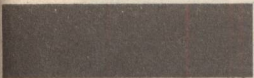
Обратная связь

Читатель — ЭВМ — читатель 64

На первой стр. обложки фото Андрея ГАВРОНА

Здесь, на поле, напротив названий публикации — номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оценки за оформление публикации. Спасибо вам!



4 / 1991



А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе: имя и фамилию (это — если считаете нужным);

возраст; где учитесь или работаете.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красочной, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями.

В НАСЛЕДСТВО —



населения. «Расплачивается» китайской свининой. Привыкшие всегда шутить рыбинцы так комментируют: «Китайцам самим миллиарды народу своего, поди, не накормить, так, наверное, нам тушенку из морских свиной крутят». И с аппетитом съедают эту тушенку, гордо приговаривая: «За столько лет в первый раз ем мясо, купленное у себя в Рыбинске».

С давних пор было у рыбинцев святое — Волга. Гордые молодые мамы носили сюда своих чад и купали. Купались в реке с конца мая и по сентябрь. Вдобавок Волга кормила — у рыбаков круглый год не переводилась свежая рыба. Лет шесть назад ее было в реке предостаточно, а до войны, говорят, и стерлядь тут ходила. А предприятия сливали и сливали в Волгу свои отходы. Из водохранилища плыли в Волгу отходы Череповецкого химкомбината. Никто уже не обращал внимания на открыто выведенные к реке

Городок вроде ничем не примечателен, нет здесь особых памятников истории и архитектуры. Разве что на карте близ Ярославля синее пятно — Рыбинское водохранилище. Да кто-то помнит чехарду с переименованием Рыбинска в Андропов, а затем возвращение исторического названия. А между тем для страны Рыбинск важен: здесь судостроительное, моторостроительное и другие предприятия, мебельный комбинат, спичечная фабрика, кабельный завод... Хотя Москва не так уж далеко, перемены обходят рыбинцев стороной. Народ здесь, как и в прежние годы, смирный. А мог бы и бузить. О еде говорить не приходится: мяса не бывает, даже табличек «мясо» нет в магазинах. Правда, новый Совет решил выдавать рыбинцам по килограмму мяса в месяц на душу



КРИКИ САТАНЫ

сточные трубы, по которым ежедневно сочилась в Волгу смерть.

Видимо, существует и у рек предел терпения: река не выдержала. Всплыли позапрошлой весной брюхом кверху дохлые рыбы, всплыли вместе с густыми пятнами мазута. А тут еще, как специально, сломались очистные сооружения городской канализации и молокозавода. С Волги улетели даже чайки. Теперь им нечем поживиться. Голодные чайки белым облаком с небес опускаются на городские помойки. Лишь изредка одинокая чайка пролетит над берегом, заглушая пронзительным криком гудки теплоходов.

В самом центре городского пляжа — сточные трубы, по которым в Волгу хлещет чуть разбавленный мазут. Пацанье называет этот сток «токсикоманом»: постоишь тут, и начинается подташнивать. А по пляжу теперь, как

солдаты оцепления, шерятся плакаты: «Купаться категорически запрещено, вода в реке опасна!». Вообще это ловко придумано — вешать такие предупреждения: если кто отравится или заболеет — сам виноват! Это мне напоминает анекдот про летчика-филантропа, который, прежде чем бомбить объект, посылал радиogramму: «Поберегись». Мы с детства привыкаем не нарушать запреты и не жаловаться. И пусто на пляже в июльскую жару.

А ведь Рыбинск — это еще только верховье Волги. Что же делается в Волгограде?!

А что будет лет через пять? Наше поколение получает в наследство «мусорный ветер, дым из трубы, плач природы, крик сатаны», как поет группа «Крематорий». А что мы оставим своим детям?

Люди уже угробили Аральское море, Припять, Финский залив.

На краю пропасти Байкал, Ладога, Черное море, Каспий и, теперь уже ясно, — Волга. Но ведь надо же хоть что-то делать! Неужели мир погубят не атомные войны, не СПИД, а наша собственная халатность?! Экологическая катастрофа произошла, мы живем в экстремальных условиях, сами того не понимая. Еще немного такой жизни, и мы все будем похожи на ту рыбу в Волге... Может, аршинными буквами печатать под заголовком «Ваши убийцы» фамилии тех, кто травит нас? Вот они: начальник городской сети канализации Брехов, начальник ПУВКХ Ильин... «И отравленный дождь падает в гниющий залив, а мы все еще смотрим в экран, мы все еще ждем новостей...»

Алексей ШАУЛЬСКИЙ

г. Рыбинск,
Ярославская область



«НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПИОНЕРВОЖАТУЮ,

**МОЖЕТ, ОНА
ВПОЛНЕ
ХОРОШИЙ
ЧЕЛОВЕК!»**



Пионерская организация пала. В то погожее октябрьское утро, когда мы приехали в Стрый, от нее остались рожки да ножки. Дом пионеров переименован в Дом ученического творчества, и церковь, в лице местного священника, окропила его святой водой. Пионерские игры переведены на украинскую тематику. Музей боевой и пионерской славы выброшен на чердак. В одной школе возникло экспериментальное «Ученическое братство», в другой — родители сделали капличку, а в младших классах повесили иконки...

Словесные бои за пионеров были. Вели их взрослые люди; а сами пионеры (многие из них) послушно сняли красные галстуки и надели крестики на цепочке. Пионерская организация пала не в 90-м году, а очень-очень давно, и давно уже существовала здесь просто по традиции — как печатный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Для каждого пионера волнующий (смею утверждать) прием в «ряды» заканчивался в тот роковой час, когда приходилось соприкасаться с настоящим делом. То есть пока шла говорильня «Пионер — ребятам пример», все было в порядке. Но, допустим, стоило заняться сбором металлолома, а потом увидеть его ржавеющим сначала на школьном дворе и совсем «догнившим» на заводском, — наступало просветление в пионерских мозгах, которые отныне были уже совсем не пионерскими, хотя и числились по разряду оных. Оставалось дожидаться никого уже не волнующего момента приема в комсомол, где не было даже таких дел, как помочь октябрятам в заплетании косички и застегивании пуговички. Но по-прежнему все «числились по разряду». Эта статистика давала повод одним дядям и тетям благородно рапортовать, другим — благородно роптать: «Заморочили, заполитизировали детей», «Не отдадим коммунистическому Антихристу свое потомство!» А по сути, пионеры и не были политической организацией. По форме — может быть. По сути — никак нет. Иначе оказали бы хоть какое-то сопротивление. Или поцапались бы между собой.

И тот камень, брошенный в окно Стрыйского горкома комсомола, брошен был не детской рукой. Его запустила тяжелая мужская длань. Камень пробил двойные стекла и ударился в дверь, за которой сидела третий комсомольский секретарь (по школам) Таня Григорчук. Таня работает секретарем не очень давно, решает живые проблемы живых людей и не тратит время на перекладывание бумажек. Лет пять-десять назад ей цены бы не было. А скорее, не было бы самой Тани — «система» таких не терпела, и они выскакивали из нее, как пробка из бутылки шампанского. Или становились «как все». Таню в Стрые уважают. То один, то второй друг советует ей бросить партбилет, бросить работу, а пока не выходить из «этого будинка» затемно и не возвращаться домой глухими тропками.

Тот камень брошен не в Таню. Он брошен в былое лицемерие, в неустроенность бытия, в разворванное время, в свою неспособность хоть во что-нибудь верить.

Лично мне этот камень видится астероидом, запущенным на орбиту опять же не сейчас. Он вращается над головой нашего человека, задевая его и делая ему больно.

Жить с ощущением, что вокруг твоей

головы летает увесистый булыжник, — это щекочет нервы, черт побери, и стимулирует инстинкт самосохранения. Хочется заслониться... может, надеть шапочку двойной вязки... или каску... И это в то время, когда пала не только пионерская организация...

Раньше сознание опиралось, например, на такой тезис: «Широка страна моя родная». Теперь все четыре слова под большим вопросом. Развалились и другие слова, и появилось такое чувство, что тебя обманули.

Никто не успел заметить, как произошла мгновенная реакция замещения: вместо «Широка страна моя родная» — «Мой родны кут*, як ты мне милы». Вместо «В победе бессмертных идей коммунизма мы видим грядущее нашей страны» — «Браття, пора нам станути в ряд, стяг пластовый пидийняти — славу України придбати!»** К сожалению, я не владею другими языками народов СССР, но надеюсь, что меня дополнят те, которые владеют. Советский «Титаник», казавшийся таким могучим, погружается в неизвестность, а людям порой не за что ухватиться. Разве что за спасательный круг в виде национальной идеи, своего «милого кута»... Какое-то время это заставит людей держаться вместе, помогать друг другу, отгонит страх. А потом?..

Спаскруг, увы, — средство подручное, и сидя на нем, производить материальные блага как-то неудобно.

И так, свято место пусто не бывает: вместо пионерской организации небывало быстро, четко и, я бы сказала, весело на Западной Украине стало налаживаться национальное движение пластунов.***

Боюсь переврать и ошибиться в своем рассказе о пластунах, поэтому предоставляю слово им самим.

ДРУГ МИКОЛА — НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ХАНАС, МАСТЕР СТРИЙСКОГО СПТУ-16:

— Пласт был развит на Украине в начале века, а в 30-е годы ликвидирован Польшей. Его традиции сохранила диаспора в Канаде, США, Австралии, она же заинтересованно наблюдает за тем, как здесь возрождается организация. Цель ее — воспитывать полноценного, всесторонне развитого человека, утверждать среди молодежи Украины пластовый способ жизни, наивысшим содержанием которого является служение Богу и Украине, Основа Пласта — принципы христианской морали. Служение Украине выражается в изучении истории края, его языка, обрядов, обычаев, культурных традиций, природы; жизнь в соответствии с этим знанием.

Пласт состоит из независимых станиц. Такие станицы есть в Ровно, Ивано-Франковске, Тернополе, Луцке, Львове, Стрые, Киве, Хусте. Четыре уклада: 1/ сеньорат; 2/ 30—18 лет — уклад старших пластунов; 3/ 18—12 лет — уклад подростков; гуртки по 6—10 человек, курени по 3-4 гуртка в каждом; 4/ 12—6 лет — уклад новичков; рои по 6—10 человек, несколько роев составляют

* Кут — уголок (бел.).

** «Браття, пора нам стать в ряд, флаг пластовый подняти — славу Украине добыти!» [укр.].

*** «Пластун» — старое кубанское казаческое название разведчика.

гнездо. Так что пластуном нельзя стать даже за год. А чтобы попасть в организацию, надо выдержать испытание: знать пластовую клятву и пластовый гимн; верить в Бога, молиться; говорить по-украински. Желающих много. Они ходят к нам на занятия, надеются все-таки, что их примут в Пласт (хотя обряда посвящения у нас еще не было и мы не имеем ни одного посвященного пластуна). Когда родители приводят ко мне своего ребенка, я не проверяю, какого он вероисповедания и какая у него национальность. У меня есть и русские ребята.

Пласт использует многие элементы скаутского движения. Гуртки специализируются. Есть гуртки, которые отдают предпочтение конному спорту, радиоделу, велоспорту, горнолыжному спорту... Материальную помощь Пласту оказывают частные лица и организации, предприятия. Но зарплату никто никому не платит. Пласт держится на энтузиастах.

Каким мне видится будущее пионерии и комсомола? Я не противник этих структур. Если они будут притягательными, дети сами придут в них. Я за то, чтобы комсомол был нашим конкурентом, оппонентом. Пусть дети выбирают, где им лучше.

БОГДАН ГАСЮК, СОТРУДНИК ФИЗИКО-МЕХАНИЧЕСКОГО НИИ АН УССР/г. Львов/:

— Движение пластунов началось во Львове позапрошлым летом при непосредственном участии академика, директора НИИ, народного депутата Оухновского. Уровень подвижничества во Львове высок. Условие — согласие с родителями и содружество с ними. Мы считаем, что школа должна учить, но не воспитывать. В нашей организации дети занимаются самовоспитанием. Нет поблажек никому, даже девушкам: ставить палатки и разводить огонь должны уметь все.

Конечно, самое интересное происходит, когда пластуны выезжают в летние лагеря. Ночь принятия клятвы, утренняя молитва, спортивные состязания, загадки тайны... Причем, у каждого куреня — по-своему. Коллектив живет по законам банды. Очень жесткие принципы: пластуны не должны лениться, пить спиртное, курить. Я до того, как вступил в Пласт, безуспешно боролся с курением, а теперь бросил это занятие совершенно безболезненно.

Да, джентльменство не водится, потому что у юношей — свой курень, у девушек — свой. Но мы стараемся, чтобы в походы они ходили вместе, чтобы женились. Мы уже сыграли свадьбу Кобы /Запятая/ и Крапки /Точка/ — пластуны, как правило, дают друг другу необходимые прозвища. На свадьбе пьяных среди наших не было. Вообще нас пить не заставляют: знают, что я пластун, и относятся с уважением.

Конечно, Пласт — это на всю жизнь. Это способ жизни. Что касается комсомола... Я был секретарем комсомольской организации своего института. В 89-м году мы ее распустили. Мне кажется, если комсомол уйдет вниз, к подросткам, начнет работать, как мы, то в него обязательно вольются свежие силы. Те, кто живет коммунистической идеей, должны иметь свою организацию.

Но мы против политизации детства. Уже были попытки использовать Пласт в политических целях. Они провалились. Мы принимаем

участие только в общенациональных акциях. Надеемся, что Пласт будет зарегистрирован Верховным Советом Украины, что его признает международное скаутское бюро. Сейчас на Украине около шести тысяч пластунов, хотя, конечно, массовой эта организация не будет. Такое мое мнение.

Хочу к этим монологам подключить видеоряд. Ханас — вышитая сорочка, красивая украинская речь, красный велосипед /красный!/. Богдан — баскетбольный рост, зеленая форма, шнурок со свистком, пластовый значок — лилия вплетена в трезубец.

Они националисты?! Нормальные люди, или я в этой жизни чего-то не понимаю. Очевидно, надо различать, на что направлен национализм, на достижение и расширение свобод — для всех — или на их подавление.

Давить пионеру Гасюку и Ханас, похоже, не собираются.

Н у, а теперь садитесь поближе, я расскажу вам сказку.

Жили-были очень бедные дедушка и внук. Бедные они были, надо полагать, оттого, что их страной правил мерзкий дракон. Однажды через поле, на котором трудился дедушка и внук, проскакал славный богатырь, желая сразиться с драконом и дать мальчику и старику хорошую жизнь. Битва шла при закрытых дверях, а наутро на крыше драконова замка появился глашатай и сказал: «Народ, радуйся. Дракон победил». Прошло время, и очередной славный богатырь направил свои стопы к замку, чтобы сразиться с чудовищем. И снова — битва при закрытых дверях, а наутро: «Народ, радуйся. Дракон победил». Надоело мальчику. Взял он какое-никакое оружие и сам пошел к замку. Битва состоялась. Дракон был неспортивен и быстро сдох, рассыпался в прах под молодым напором. А победитель решил осмотреть «квартиру». Чего тут только не было! Короче, было все. А главное, никто не мешал всем воспользоваться, что мальчик и сделал с преобладающим удовольствием. Правда, он заметил, что на его руках отрастают когти, тело покрывается чешуей, по-рыбы округляются глаза и чешется то место, откуда растет хвост. Наутро сквозь сон он услышал: «Народ, радуйся. Дракон победил».

Вот и сказке конец.

Есть и другой финал, ничем особенно не мотивированный, разве что молодостью героя: мальчик увидел, что растет хвост, испугался, засовестился, вышел к людям и предложил разделить драконовы богатства поровну.

Не вполне ясно, что происходит после всеобщего ликования. Тут могут быть разные варианты. Пусть их «просчитывает» кто-нибудь на досуге. Нам суть важно превращение нормальных людей в драконов.

/На передвижной фотовыставке «Те десять лет» можно было проследить эволюцию лица Хрущева: от детского простодушного, доброжелательного взгляда вначале до мутных нездоровых глаз в конце карьеры — но не жизни, там другое лицо/.

Считаю, корень многих бед таится в первой части знаменитой формулы «Убить дракона». Убивать кого бы то ни было — страшно опасно

для того, кто убивает. И французские революционеры, и наши, отечественные, а еще раньше прогрессивный царь Петр, борющийся с варварством варварской методой,— все становятся в итоге драконами, чудес не бывает.

Но как же иначе?..—спросите вы, потому что и вы, и я, и все мы, одна шестая часть суши, не знаем, как же иначе — без широкого кровавого следа, без топора, веревки и маузера. Нам неведома, например, американская «революция» — ну, ясно, мы же не в Америке. И «бархатные» революции не про нас...

К сожалению, там же, в Стрые, во Львове я видела, как, кляня Ленина, действуют поленински — жестко, оправдывая целью выбор средств. Пишу об этом с болью. Да, хочется, чтобы новые люди нашли новые «методы», а они — ищут, стараются и тем не менее остаются пламенными революционерами, если не с Лениным в башке, то все-таки с наганом в руке /метафора/.

Вспомним: камень, разбивший окно горкома комсомола, — это тот самый булыжник, оружие пролетариата, которым били стекла дворцов и частных лавочек в 17-м.

Переименование улицы Ленина в улицу Тараса Шевченко так, что теперь в Стрые две улицы и обе Шевченко, — этот абсурд оттуда же.

Как и снос памятников.

Памятник Ленину снесли задолго до того, как я погожим октябрьским утром приехала в Стрый. Посреди красивого города валялись куски цемента, стояли подмошти, с которых демонтировали облицовку, торчал старческим зубом в небо ободранный постамент. Я еще до поездки знала, что памятник снесен, и мне хотелось увидеть здесь, на этом самом месте, хотя бы зеленую площадку, качели, веселый детский поезд...

Снесли в Стрые еще один памятник. Я даже не могу описать, как он выглядел. Сказали: мальчик с галстуком. Может, из-за галстука и убрали? /Кстати, все делается по закону — решением народной власти, избранной демократическим путем и нареканий среди населе-

ния не вызывающей/. Это был невеликий памятник маленькому человеку — тринадцатилетнему Грише Медведю, чей отец стал здесь первым председателем колхоза, коммунистом. За отца Гришу и убили. Был ли Гриша героем? Не знаю. Однако факт убийства существует, как существовал сам Гриша Медведь, заложник и жертва политической борьбы. А памятник ему был поставлен на детские деньги, собранные по школам города и района.

Я спросила Николая Михайловича Ханаса, входящего в состав местной рады, человека мне симпатичного, интеллигентного, умного, доброго, что он думает о жизни и смерти Гриши Медведя. Николай Михайлович сказал, что ничего о нем не слышал.

Ну правильно, это ведь «не наша история» — большевистская, а большевики тоже любили и изучали историю выборочно.

Хотя история одна. Она не может быть ни чьей-то, ни одной политической партии или системы.

И пусть Грише будет хорошо хотя бы на том свете...

Пластуны утверждают, что они вне политики. Пионерия объявила себя организацией не политической и не коммунистической. Комсомол всерьез занялся коммерцией... А между тем политика лезет изо всех щелей, ею все больны... И сколько раз уже бывало, что сады растили милые аполитичные идеалисты, а плодами пользовались в лучшем случае проходимцы. И сколько раз бывало, как нормальный человек превращается в дракона, и молодые люди, не пожившие, не понявшие, не развившиеся, становились зубьями дракона.

Мне тревожно. НЕТ ГАРАНТИЙ.

Нет гарантий, что кто-то из моих новых знакомых не повторит судьбу Гриши Медведя. А кто-то — наоборот.

Светлана ШИДЛОВСКАЯ

Минск-Львов-Стрый



Свободная территория

БОУКА МЕДА
(ЛЮБИТЕЛЯМ СЛАДКОЙ ЖИЗНИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ)

Как-то лежат Малые редколлеги на берегу синего моря у разбитого корыта. Загорают и мечтают о чем-нибудь вкусеньком.

...Неожиданно на берег выбрасывает бочку. На крышке у нее написано: «Мед сладкий. Оптимисты всех стран, обжирайтесь!»

— Фу ты, — чавкнул Джимми, меланхолично окапывая песком живот.

Вдруг из бочки выскакивает какой-то черный субъект с фотоаппаратом.

— Ты кто? — спрашивают одуревшие редколлеги.

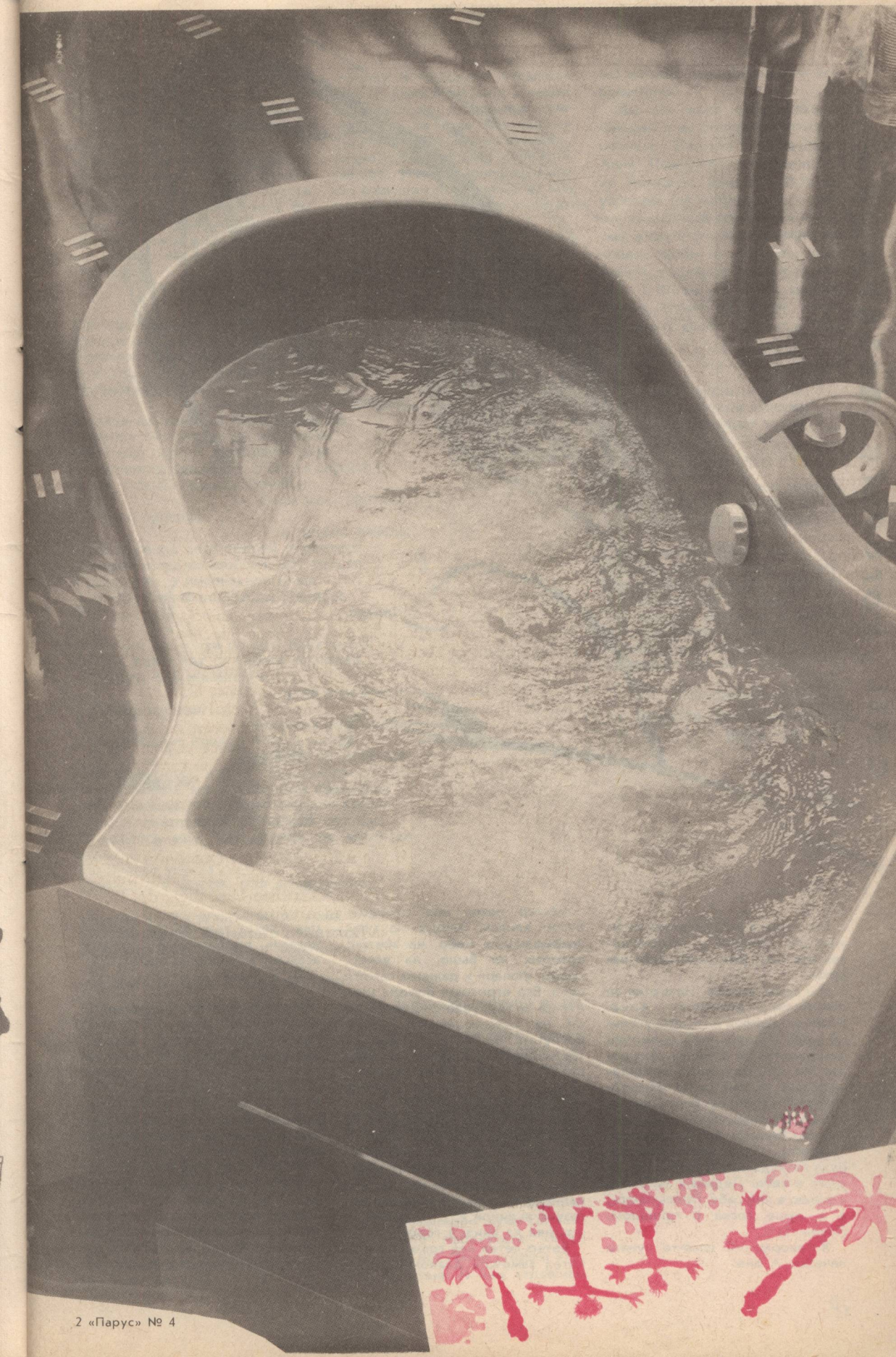
— Я здесь живу, — говорит, — в бочке. В каждой бочке меда живет кто-нибудь противный.

И все Малые поняли, что перед ними — сама Тень оптимизма. А почему с фотоаппаратом? А потому, что из бочки.

— Фотоаппарат, конечно, волшебный, — сказала Тень. — Я исполню все ваши желания, если вы мне объясните, что такое оптимизм. А то, я смотрю, вы больно знающие... О 'кей?

/Продолжение на стр. 11/







СЕРГЕЙ МАШЕНКО '91

Сны, сны, сны... Веселые, кошмарные, никакие и необыкновенные. Сны, которые возвращаются.

Мы опять в кафе. Напротив за столиком — девушка Анна. Длинные волосы и гитара; уголки улыбающихся глаз и ямочки улыбки. Мы не спешим. Я говорю ей: «Может, сама представишься?» А она мне: «Город, который строился тысячелетия, от первобытных пещер до современных блоков. Храмы, дворцы, трущобы... Седая полоумная старуха /откуда она взялась?/ зовет меня к себе. Подхожу поближе и узнаю в ней себя. Просыпаюсь, а в душе тоска о прошлом. Почему?»

Я говорю: «С чего-то нужно начать». А она:

«Ветер летел над городом. Ветер злился. Злился на тучи, закрывающие небо, на звезды, которых не было, на вечер, город, фонари и даже на самого себя. Его огромная борода цеплялась за верхушки деревьев, но он не останавливался, чтобы распутать ее, а резко дергал. Тогда деревья качались и скрипели, а Ветер летел дальше, оставляя в тоненьких ручках-веточках огромные клочья седых волос. Он злился на деревья и на свою бороду, но больше всего — на людей, на эти маленькие черные точки, которые копошились где-то далеко внизу. Он набирал полную пригоршню колючих льдинок и, дико завывая, швырял их вниз, в город...»

Ветер летел над городом и не хотел замечать девчонку, кото-

рая где-то там, внизу, топтала ногами пропитанный дождем асфальт и сочиняла стихи.

— Это ты?

— Да.

Наверное, нужно представить. Хотя я не знаю... Это Аня Панкратова. Словом, человек. Но который сегодня занимает кусочек места в нашем «Кафешантане» и внутри нас. «Зачем?» — спросите вы. Не знаю. Может, чтобы подарить нам всем что-нибудь разное. Каждому свое.

Я как-то неосторожно обронила: «Читатель должен тебя понять». Был взрыв:

«Господи, да ничего он /читатель/ мне не должен!!! Ведь только очень счастливый человек может по-настоящему по-

нять другого. Остальные чаще всего испытывают чувство зависти, досады или разочарования.

Пусть для кого-то мои мысли и моя жизнь покажутся просто красивой сказкой. Я даже не обижусь, если кто-то скажет /или подумает/, что я просто «шизанутая», но если хотя бы один человек услышит в них что-то свое, поймет меня, почувствует, значит, все-таки я не зря стараюсь.

* * *

Октябрь нежданно пожаловал гостем,
Потертую шляпу повесил на гвоздик,
Оставил в прихожей сырые ботинки,
А плащ, словно сотканный из паутинки,
Небрежно швырнул

колченогому стулу на спинку
Клочок паутины на окна набросив,
Украсил беззубую старую Осень.
На улице серо, а в комнате сыро.
— Зачем ты пришел? — у него я спросила.
А он, усмехнувшись, ответил:

— Сама ведь просила.

Но я не просила.

Я просто хотела,
Чтоб шумное лето скорей пролетело.
Я осень когда-то любила, вот только
Соседи несут новогодние елки,
А в доме моем поселился Октябрь
надолго.

Смешная девчонка ко мне приходила,
О том, как живу, у порога спросила.
— Живу, как живется, —

я ей отвечала, —

Большие заботы,

большая усталость...

Прости, но от прежней меня

ничего не осталось.

Она помолчала, потом улыбнулась:

— Ты знаешь, все это Октябрь придумал.
Ведь помнишь, ты в прятки когда-то играла
И стать капитаншей отважной мечтала.
И кажется мне, что другую ты вовсе не
стала.
Ты просто устала.
Сказала и в детство мое возвратилась.

Октябрь исчез незаметно из дома.
Колочая вьюга ворвалась в квартиру,
Зову я на елку друзей и знакомых.

...И лишь на окне у меня паутина...

О ней: 20 лет, двое детей,
пишет стихи, чтобы сыграть их на
гитаре. Говорит — счастлива.
Живет в каком-то своем мире.
Снов.

Это о ней.

«О себе? Конечно, могу, только
вряд ли поймете, потому что
для одних — Ф. И. О., возраст,
место работы, семейное положение
и... достаточно. Для других —
чем живешь, как пишешь. Для
меня, скорее; как и о чем
думаешь. Ведь у разных людей
даже отношение к черной шляпе
на столе — разное. Ветер, мечты,
ассоциации, воспоминания —
это ведь тоже Я.

Живу в каком-то странном,
еще не известном миру измерении.
Засыпаю, а сознание путешествует
по еще неоткрытым /или вообще
несуществующим/ планетам.
Я говорю: сон. Приснилось.
Но они, живущие в моем сознании
независимо от меня, назовут сном
то, что я считаю реальностью».

Сквозь горячий кофе пытаюсь
сформулировать: «Но ведь там
темно и страшно. В темноте не

мы живем, тем кошмарнее его
появление.

Мы так мило побеседовали.
Сегодня я не отличалась красноречием.
Сегодня я слушала. Анну Панкратову.
Маленькую, но большую девочку,
которая успевает так много: любить
мужа, удивляться собственным
деяниям, видеть сны и вскакивать
по ночам, чтобы их записать,
улыбаться людям, восхищаться
миром, а потом — все это,
вместе взятое, играть на гитаре,
запутавшись в своих волосах
и чувствах.

* * *

Я в сказки почти не верю.
Они — атрибутика детства.
Следы неизвестного зверя
Неясно видны на снегу.
А мне сундучок суеверий
От бабки достался
в наследство,
Он заперт, а ключик утерян,
Тот ключ я найти не могу.

Следы неизвестного зверя
Пусть в сказку укажут дорогу,
Где встретят, поверят, помогут,
Ответят на все «почему».
Там настезь распахнуты двери,
И люди иначе не могут.
И мой сундучок суеверий
Окажется там ни к чему.

Компанию Анечки
в «кафе» поддерживала
Вика ЧАЙКО

— Оптимизм — это... э-э... — подал из-под
живота голос Джимми. — Оптимизм, это когда
человек не будет вешать нос, даже если
Земля начнет на Луну падать. Я даже думаю,
что это врожденное.
— Жизнерадостный дурак? — вскрикнул
уточнила Тень.
Знаете, тень всегда спорит с человеком...
Джимми обиделся и продолжал окапывать
ся.

(Продолжение на стр. 12)

Если у меня спросят:

— Ты счастлива?

Я отвечу:

— Да.

Тогда меня спросят:

— А почему?

И я скажу:

— А почему бы нет?

Я.

Битлы поют: «Возьми эти сломанные крылья, чтобы взлететь. Всю жизнь ты ждал этого момента, чтобы подняться».

Растрепанный парнишка шестнадцати лет — Влад. Я ввалилась к нему домой с замерзшей на морозе улыбкой. В комнате Влада повсюду разбросаны папки с отпечатанными на машинке листами — просто масса папок. Это сочинения жутко таинственного мага Кастанеды, который был современником не то инквизиции, не то «Битлз». Начала листать что-то с середины — сложно, непонятно...

— Влад, скажи, ты что, в это веришь?

— Я верю в переселение душ, то есть в то, что человек живет на Земле несколько жизней, и в следующей он исправляет ошибки предыдущей. В инопланетян, параллельные миры. И еще в силу человека: почти любой из нас без помощи техники может попасть в другие миры, летать. Только уметь надо.

— Уметь летать? Ну, если появится Воланд и поможет...

— А вот если человек может найти точку опоры только в себе? — встрепетнулась Оля. — Скажем, уйти в монастырь...

— Это, конечно, выход, — опять поддал голос Джимми, — но не оптимизм. Во-первых, погоми, что не каждая монашка, как известно, верит в бога. А во-вторых... Принято считать, что отшельники отказывают себе во всех радостях жизни, чтобы возвыситься духом. По-моему же, если человек заключает себя в такие узкие рамки, дух становится жалким и фанатичным... — подняв целую песочную тучу, вспыхнул Джимми.

НЕВИДИМ И СВОБОДЕН

— Зачем же? Я сам еще точно не понимаю как, но знаю, что это возможно. Буду знать все — расскажу. Я научусь обязательно. Представляешь — никаких материальных ограничений. Можно воплотить все, что придумает. И делать все, что захочется. Полная свобода.

Точно, как у Булгакова, — «невидима и свободна!» Летишь, куда хочешь! Замечательно! Все враги остаются там, внизу. А здесь ветер, Солнце, звезды. Летишь! Летишь над...

Жаль, но поверить не могу.

Я и сама люблю помечтать, но вера в такие безгранично светлые перспективы даже вызывает зависть.

— Нет, серьезно? Летать?

— Ну, конечно.

Влад смотрит на меня, как будто я не понимаю простых вещей. Как это — не уметь летать?! Или хотя бы не верить в такую возможность...

— Тебе эти знания помогают в реальной жизни?

— Реальная жизнь — что именно? Работа и учеба в училище мне абсолютно центральны, мне было все равно, что выбирать.

— Ага, был тебя не «заедает». За себя ты отвечаешь сам. А когда появятся жена, дети?

— Разве это то, что обязательно нужно иметь? Я предпочитаю свободу.

— Но всякое может случиться... Тебе ведь только шестнадцать лет.



— Я хочу быть монахом.
Просто и со вкусом. Такого поворота я не ожидала. Даже вздрагиваю:
— Монахом?!
— Да. Пусть другие ерундой занимаются. Тут я даже не вздрагиваю, а давлюсь.
— А что ты называешь ерундой?
— Конечно, не все ерунда. Это зависит от того, что сделать в жизни главным.
— И у тебя...

Вот и осеклась. Как можно задавать человеку вопрос, на который сама даже не пыталась никогда ответить.

Действительно, вопросик: что считать в жизни главным. Неизвестно еще, что считать жизнью. У каждого свой путь. Влад любит магию. Главное для него сегодня — читать, знать больше, знать все. Он себя чувствует учеником вечности. Я восприняла его как поэта. В наше время редкий человек бросит очередь за фирменными лаптями ради того, чтоб хоть немного оторваться от земли. Один выберет себе для достижения неба науку, другой — музыку, поэзию, работу. А Влад, думала я, решил попробовать самый прямой путь.

— Я не боюсь смерти, — говорит он. — Даже если я сделаю глупость, у меня еще будет время все переиграть в «следующей серии».

Влад улыбнулся. Он взял со стола одну из белых папок сочинений таинственного мага

не то темного средневековья, не то «осветленного» родного столетия... Белая папка с белыми тряпичными завязочками...

Я вздрогнула, потому что в какое-то мгновение мне показалось, что Влад держит в руках чьи-то сломанные крылья.

О мистическом оптимизме с Владом очень мило побеседовала
Ольга ТОМАШЕВСКАЯ

— Мне тоже нравятся деятельные натуры, но не взрывоопасные, — страшивая осевший песок со своего шезлонга, пробурчала Наташа. — А еще мне нравится журнал «Америка». В нем все герои — обстоятельные, деловиты. И спокойны, кетати. Приятно, когда знаешь, что хоть где-то есть человек, который что-то может сделать...

Тут Малыш забыли об исполнении желаний и устроили настоящую перепалку, в которой досталось и белым, и красным, и оптимистам, а Джими больше всех.

(Продолжение на стр. 17)

Деловой
ОПТИМИЗМ

ЕСТЬ
ЛИ У ВАС
ПЛАН?

Мы хотим представить вам три деловых людей. Они смотрят на жизнь с определенно трезвым оптимизмом и, как видно, свой ШАНС упускать не собираются. Письма, которые мы вам предлагаем, это своеобразные жизненные сценарии, конспекты на будущее. Ведь, как известно, настоящие деловые люди, прежде чем что-либо предпринять, всегда составляют план. У кого-то из наших бизнесменов это только проекты, придуманные действия или мысли. Кто-то уже просто зарабатывает деньги, реализуя идею. Как бы то ни было, все эти люди настолько твердо не собираются «падать», что могут позволить себе во всеулышание философствовать о своих грядущих победах. И это при нынешней-то жизни, когда со всех сторон сыплются жалобы на наличие полного отсутствия!.. Виват! Что еще можно сказать? Активная жизненная позиция — это скорее +, чем —.

Помните любимую реплику героя мультфильма «За 80 дней вокруг света»: «Есть ли у вас план, мистер Фикс!» — «Есть ли у меня план? О, да, у меня есть план!». О'кей. Тогда начнем.

Я написала сценарий моей жизни...

Еще примерно лет пять зарабатываю деньги на рынке.

Буду продавать рассаду помидоров весной, летом — черную смородину, осенью — яблоки, сливы. Если я буду видеть, что мне не хватает заработанных денег на дело, которое собираюсь открыть, то возьму из колхоза, в котором работает папа, 15 поросят. В колхозе они намного дешевле, чем на рынке. Выкормлю их молоком, комбикормами, корнеплодами, посаженными на участке. Помещение для поросят есть. Эта работа займет 10 месяцев.

Когда у меня соберется примерно 50 тысяч, я их пушу в оборот. Сниму помещение для детского кафе. Там будет примерно семьдесят мест, зеркала, красивые игрушки, музыка. Моё

кафе будет дарить детям праздник.

Продукты буду возить из деревни, экологически чистые, выращенные только на органических удобрениях.

Конечно, одной трудно работать. Папа и мама помогут. Я думаю, что мы будем застрахованы от банкротства: во-первых, у нас свои продукты, и, во-вторых, хотя в моем кафе все недорого, я думаю, оно будет приносить доход.

И тогда я буду покупать картины.

А сейчас я собираюсь стать медсестрой; может, со временем, — врачом. Как это свяжется с коммерцией? Во-первых, медик — гуманная профессия, она учит общению с людьми, во-вторых, случается столько нечаянных бытовых травм, и очень важно оказать правильную медицинскую помощь...

Вот пока что и все.

С уважением

СНЕТКОВА Лилия,

г. Витебск



ОБЛАДАТЕЛЬ

ТОГО, ЧТО

НАЗЫВАЕТСЯ

УСПЕХ

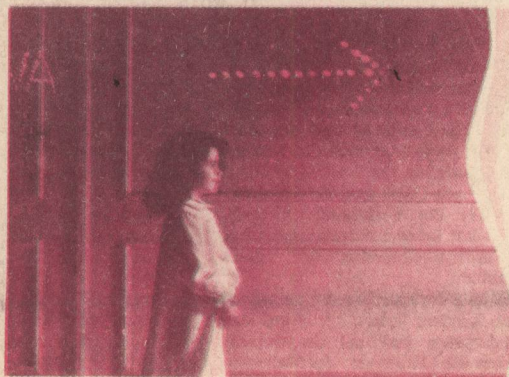
ТАК, ВЕРОЯТНО,

ВСЁ И БУДЕТ...

Сначала было беззаботное шумливое детство, но вот в 12 лет, после месяца летней практики, я получил первые заработанные деньги. Это были МОИ деньги. Конечно же, я их безбожно истратил в первую же неделю. Но шло время, я умнел, становился взрослее. Стал налегать на учебу, увлекся английским языком. И вот я уже в институте обучаюсь азам социологии и управлению строительством. Это была незабываемая пора в моей жизни: первые встречи с деловыми людьми, общение с ними, первые попытки формирования начального капитала...

А затем была школа ме-

Я - ХОЗЯИКА КАФЕ...



неджмента, где я смог окончательно познать законы бизнеса, где получил практические советы и предложения. Там же я изучил конъюнктуру рынка и разобрался в его стратегии, приобрел дополнительно кое-какие навыки бизнесмена, пригодившиеся мне в дальнейшем.

Вскоре после окончания школы менеджмента я почувствовал, что мне уже пора заняться бизнесом. И я открыл свой кооператив. Главным моим правилом тогда было: «Мое предприятие должно уметь маневрировать, и если сегодня, например, я занят строительством теннисных кортов, то завтра, если появится спрос, я буду организовывать производство полиэтиленовых пакетов». Должен признаться, что это правило не подвело меня, и вскоре у меня уже появились возможности вкладывать свои деньги в ценные бумаги акционерных обществ.

Сейчас моя фирма развивается дальше, и я стал обладателем того, что называется успех.

Дмитрий ВОРОНЦОВ,
г. Братск

СОБАЧИЙ БИЗНЕС

Решила вот поделиться своим бизнесом, если так можно это назвать.

Я вот уже около семи лет держу трех собак: двух сучек и одного кобеля, породы афганские борзые (между прочим, самые модные сейчас собаки). Каждую сучку я вяжу, случаяю, скрещиваю, в общем, выдаю замуж, 1 раз в год. Приносит каждая 10—13 щенков. Идут они по 3500 рублей — суки и 3000 рублей — кобели. Значит, в год я имею со своих девочек по 70.000. Да, забыла совсем про кобелька. Я его тоже женю, но почаще, чем сучек: каждый месяц, и за одну вязку беру по 2.000. В год — 24 тысячи рублей.

Ну, как, нравится?! За один год я получаю около 100.000.
P.S. Мне 18 лет.

г. Калининград

P.P.S. Когда мы показали это письмо знатоку многих, в том числе и «собачьих дел», старшине Фасту, он усмехнулся и заметил: «Делите все на два, это и будет правда»...





ЗАВТРАК С ГЕНСЕКОМ

Встреча с главным разведчиком мира была назначена в ресторане минской гостиницы «Юбилейная».

Кстати, знаете ли вы, что в Европе всего-навсего 32 профессиональных разведчика мирового уровня (так, по крайней мере, утверждают они сами)? В Америке их куда больше — там счет идет на тысячи.

Но это профессионалов. Любителей-разведчиков хоть пруд пруди — в 150 странах 16 миллионов.

Правда, называются они — скауты. Но скаут, в переводе с английского, это разведчик и есть.

Чтобы не опоздать на встречу, встать пришлось до восхода солнца. Расчет был точен: рабочий день «фарцы» еще не начался, а при виде моей черной куртки квадратного «омоновского» покроя швейцару инстинктивно захотелось забыть и уснуть.

Сознаюсь сразу: больше ничего детективного в материале не будет. Из разведанных мне передали лишь визитку: «Жак Морельон, Всемирное Скаутское Бюро, Секретарь Генеральный».

— Г-н Морельон, — произнес я на недоуточном английском, — трудно стать Генеральным секретарем?

Г-н Морельон чуть не поперхнулся бутербродом, из которого состоял его завтрак.

— Что вы, сущие пустяки. Я, например, до этого получил степень доктора юридических наук, работал лет 20 в Красном Кресте — поездил от Чили до Вьетнама. Потом объявили конкурс на замещение моей нынешней должности. Было много кандидатов и был комитет по подбору, в который я послал заявление и краткую справку с описанием своего профессионального опыта. Я подписал контракт на пять лет, который в положительном случае может

продлеваться. Не знаю, как у вас, а у нас это происходит так...

— Угу, — удовлетворенно буркнул я и попытался представить, как у нас подписывают контракты с генеральными секретарями. Но воображения хватило лишь для следующего вопроса. — Так Вы «освобожденный работник»?

Оказавшийся рядом переводчик посмотрел на меня укоризненно и попытался перевести этот пустячный советский «штамп» как «являетесь ли вы профессионалом, посвящающим своей работе полный трудовой день?»

— Да, я считаю, что когда движение становится достаточно массовым, надо перекладывать груз ответственности с плеч добровольцев на спины профессионалов... Но вы, я вижу, пока слабо представляете себе структуру скаутской организации.

И г-н Морельон мгновенно изобразил мне эту структуру на трех листах из блокнота, которые я теперь бережно храню в отдельной папке как автограф Генерального секретаря.

— В Советском Союзе уже есть одна массовая детская организация с не менее симпатичной схемой... тьфу, структурой, — поправился я. — Но результаты ее работы еще более схематичны.

— Тому, что пионерская организация внешне похожа на скаутскую, удивляться не стоит, — не удивился Генсек. — Ведь пионерия и произошла от скаутинга. Но отличий между ними много. Главное, это, конечно, то, что пионерская организация — массовое движение, а в скаутинге существует сравнительно строгий отбор. А вообще... Есть разница между движением молодых и движением для молодых. Пионерам даже еду в лагерях готовят взрослые.

SCOUTING



Если бы мы захотели, тысячи людей завтра же стали бы здесь скаутами: для этого надо было бы просто завязать скаутский платок вместо пионерского галстука. Правда, кому нужны пионеры в скаутских платках?..

Мы получили благословение вашего правительства. Теперь неплохо было бы заняться про-

The World Organization of the Scout Movement



Что они хотят изменить, я спрашивать не стал, потому что уже знал главный закон скаутинга:

«СДЕЛАЙ СЕБЯ САМ»

Последним вопросом в блокноте значилось: «Г-н Морельон, Вы оптимист?» Но задать его я не успел: Генсек, оставив на столе недопитый стакан молока, был таков. На ходу рассыпаясь в извинениях, он летел к выходу, в конференцзал... Председательствовать.

А и слава богу, подумал я, что есть люди, у которых не остается ни времени, ни желания на каверзные вопросы самому себе.

Наверное, с такими и ходить в разведку.

Эрнест ШУР

Оформление

Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

похлеще, чем наши пионеры. Оруэлл ошибся?

— Если вы откроете Большую Советскую Энциклопедию 1976-го года издания, в статье «скауты» прочтете описание тех же монстров, о которых писал Оруэлл: хулиганов, буржуа, участников военизированного движения. Но скаутинг на самом деле — независимая организация независимых людей, главной целью которой является поставить подростка на путь самовоспитания... Скаут может иметь любые политические взгляды. Но! Пока скаут носит скаутский платок, он не занимается политикой... При этом скауты твердо знают, что они хотели бы изменить в мире.

пагандой идей, идеалов, принципов, ценностей скаутизма. А они — поверьте старому скауту — не так уж и плохи.

Как бывший пионер я почувствовал себя несколько ущемленным.

— Г-н Морельон, вы, наверное, помните роман Оруэлла «1984», в котором скауты выглядят еще

В это время Тень скромно стояла в стороне. — Неужели вы и в самом деле думаете, что все знаете об оптимизме? — И, победоносно обведя взглядом пришибленных и растерянных Малых редколлег, с достоинством и фотоаппаратом скрылась в бочке, которая через мигновение вновь плескалась в волнах Мирового океана.

(Окончание на стр. 18)

НИШТЯКЪ

Богатство —
это не деньги,
а образ жизни.

Мы победим холода и болезни
Мы оживим всех мертвецов
Мы уничтожим людей

бесполезных
Мы довершим дело отцов...
«Звуки Му». П. Н. Мамонов

Итак, ура! А почему бы и не так? А почему бы и не ура? Все в кайф! — как говорили поэты, все будет в кайф — как говорили полчища поэтов. Весь вопрос в том — будет ли? Ответ каждый день разный, куда ни посмотришь, везде поводы либо для оптимизма, либо наоборот. Среднего нет, бросает из жары в холод.

Пессимист нам близок и понятен — это реалист. «Но что движет оптимистом?» — вот вопрос, достойный «Ништяка».

Не может же он — оптимист — всерьез верить в заверения о светлом будущем. Особенно сейчас, когда на нас наступает (и уже почти наступил на горло) рынок. Нет, день завтрашний не повод для жизнерадостного трепетания.

Но, может, настоящее подвигает нас на оптимизм? Да, тут есть на что опереться — на веру в то, что хуже уже быть не может. Это такое национальное изобретение: пессимистический оптимизм. Выглядит он так: сидит мужичок, обхватив голову руками, и радостно обкладывает матом окружающую его среду. Но что-то светлое еще в душе (и в бутылке) осталось, и это в него надежду вселяет.

Однако есть еще оптимизм панк-рокеров. Они пытаются показать людям, в какой те грязи, и для этого сами в грязь валяются. Такая лечебная оптимистическая грязь.

«Ништяк» тоже решил внести свой вклад в теорию оптимизма. Нужно верить не в сегодня, не в завтра, а... во вчера. Что толку с уверенностью смотреть в неизвестное будущее и подышать с тоски в настоящем? Будем с оптимизмом смотреть в прошлое. Прошлое лучезарно. Нас ожидает блестящее прошлое...

P.S. Сегодня «Ништяк» не будет давать кулинарные рецепты. В конце концов, нужно же показать, что варит у него не только плита, но и котелок.

Панк А. ЛАЗАРЕВ

На песке остались лишь разбросанные
снимки «сполароид»... На память.
— А ведь он прав, этот плоский, — гаркнул
Джимми. — Оптимизм — такая вещь, что ни
одного рецепта на него не выпишешь. Зато
каждый может найти себе оптимизм по вкусу.
Так вот и появилась на свет эта «Бочка
меда» — «оптимизмизнутая Свободная террито-
рия».

Сотворив ее, МР посмотрела на плод трудов
своих и ужаснулась. А посоветовавшись
с собой, решила немедленно объявить конкур-
сы на лучшую идею СТ. Пишите нам. Победите-
лей ждет приз — право присесть у нашего
разбитого корыта.



1068 Каждый раз, читая опубликованные в журнале письма, прихожу в легкий ужас: один режется, другой колется, третий пьет. И это, 12—15-летние! Через год приду к таким же подросткам и буду учить их английскому и французскому. Не хочу, чтобы во время моих рассказов о Лувре или Нотр-Даме они думали о том, «где бы снять клевого чувака» или достать бутылку. Надеюсь, этого добыюсь. Но хочется помочь и тем, кто пишет в журнал...

Марина, 21 год,
г. Пятигорск

1069 Пипл! Может, это признак слабости — подобные «открытые» письма. Но я действительно боюсь не справиться... Жесточайший депрессняк, крыша едет. Люблю рок, блюз, Систему, свой несчастный Питер. Откликнитесь, если вы не склонны к дидактизму и поняли меня. Иногда письмо друга в п/ящике, как глоток кислорода...

Сида, 24 года,
г. Ленинград

1070 ...Самое сокровенное занятие — сидеть за режиссерским пультом. Я звукорежиссер и звукооператор группы «ЧМК» [наверное, и не слышали о такой!]. Иногда подбрасываю группе свои тексты или мотивички. Но чувствую — не так что-то в нашей работе. Хотел бы задать кучу вопросов и получить массу советов от того, кто сам пишет музыку или стихи и считает себя компетентным в роке.

Виктор, 21 год,
г. Череповец

1071 У меня все внешне благополучно — окончила школу, поступила. Правда, совсем не туда, куда хотела — испугалась большого конкурса. Зато мама очень гордилась, что дочь ПОСТУПИЛА! Да и для меня в то время

важно было хоть куда-нибудь поступить, чтобы не казаться хуже других. Теперь уже на втором курсе. Не люблю свою будущую профессию, но... хожу в институт и плыть, плыть по течению. Родители не особо докучают, есть друзья... И все же моя жизнь совершенно бессмысленна. Я — паразит уже потому, что ничего не делаю... Почему нельзя дарить жизни! Я бы подарила свою Сахарову, Федорову или еще кому-нибудь, кому не хватает одной на все дела.

Кристина, 19 лет,
г. Душанбе

1072

Мы — три «фанеры». Одна «летает» над Парижем, вторая — над Лондоном, а третья — над Амстердамом... Не везет во всем, даже в мелочах, не говоря уже о чем-то серьезном. Окончили школу, вроде учились нормально. Но так и не поступили — пролетели. Познакомились с ребятами, а они на третий день пропали... Что делать, не знаем — невезучьез замучила. Неужели мы одни такие! «Фанеры», откликнитесь, посоветуйте, как поменьше «пролетать».

Фанерки Таня, Ольга,
Наталя, 17 лет,
г. Волгоград

1073

Больше всего люблю природу. Иногда приходишь в лес, посмотришь на споманные деревья — так жалко... Кажется, что оно машет ветками и просит о помощи... Обожаю собирать грибы и наблюдать за муравьями — они такие забавные... Хотел бы создать клуб по переписке с любителями природы...

Михаил,
г. Усть-Ишимск

1074

Возможно, на фоне общих бед и любовных трагедий мое письмо покажется несерьезным. Понимаете, у меня жизненных целей — сотня. На час, на день, неделю, месяц, год... Но все это так сиюминутно! Где же та вершина, ступеньками к которой должны все они стать! Лестница уходит в никуда, и чем больше ступенек, тем легче упасть. А может, эта лестница сама куда-нибудь упрется! Или столкнется с чьей-нибудь другой, и дальше — вместе! Может, так и встречаются люди! Может, в такой встрече главная наша цель!

Наталя, 18 лет,
г. Калининград

1075

Представьте, сидите вы дома. И вдруг, неожиданно к вам приходят гости, а в холодильнике — шаром покати. Не отчаивайтесь, напишите мне. Сообщу рецепты «быстрых» блюд и кучу всяких советов. Например, как держать квартиру в чистоте, как всегда выглядеть на отлично, как правильно воспитывать собаку. Могу поделиться и адресами сверстников из зарубежных стран.

Костя, 14 лет,
г. Свердловск

ЕЩЕ РАЗ ПРО...

1076

Моя история проста — про несчастную любовь. Но не мою, а наоборот, ко мне. Долго не решалась бросить его, не могла прозреть жалкое: «Не люблю». Когда-то мне самой сказали такое — помню свое состояние, потому и жалела. Но однажды решилась... Понимаю, что поступила жестоко, что поступила жестоко, но ведь играть в любовь тоже не выход. Так поймите вы — брошенные, нас — бросающих.

Надя, 17 лет,
г. Пермь

ВОЗВРАЩАЙСЯ

1077

...Когда родилась, брату Степе было 3 года. Вскоре родители разошлись. Мы с мамой уехали из Молдавии, а Степа остался с отцом. Больше мы ни разу не виделись. А хотелось бы... Степа, вспомни свою маму Избаш Анну и меня — Надю!

Надежда, 17 лет,
272041, Одесская область,
Бечевский р-н,
с. Нерубайск,
ул. Ленина, д. 39

1078

Однажды, еще под следствием, меня под расписку отпустили домой. Тогда и произошла эта проклятая ссора с девушкой, которую люблю. Больше мы не встречались — на следующий день был суд, и меня отправили в колонию. Я ей успел написать лишь одно письмо: кто-то украл адрес. Может, она и ответила, но меня перевели в другую колонию...

Ольга, отзовись! Прости, ладно!

Михаил Минтузов,
г. Могилев, п/о Вейно,
УЖ-15/15 «Н»

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

1079

Мечтаю побывать в Одессе, но, к великому сожалению, у меня нет даже

знакомых там. Одеситы, отзовитесь!

Светлана, 18 лет,
Хабаровский край

1080

Жду писем от тех, кто увлекается английским, испанским, шведским.

Илона,
г. Тбилиси

1081

Здорово, братишки и сестренки! У меня, обычного меломана, возникло желание побольше узнать о советском панке. Отзовитесь, сведущие в этом. Прежде всего интересует Егор Летов и «Гражданская оборона». Надеюсь получить тексты песен, фотографии и записи. Помогите рокеру, братва! Элис Хардоков, 16 лет, 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 7, кв. 117

ФАН-РЫНОК

Меняю информацию о «Любэ», Сандре, Маликове, Преснякове, Кузьмине, Малинине, Минаеве, Токареве, «Машине времени», БГ, «Бригаде С» на фото и материалы о советских металлистах и харддовых группах. Рома, 680032, г. Хабаровск, ул. Клубная, д. 20, кв. 31

У меня собрана большая коллекция материалов и фотографий о рок- и поп-исполнителях. Меняю ее на информацию об Алле Пугачевой.

Ольга,
211413, г. Полоцк,
ул. Фрунзе, д. 34а, кв. 11

ФАН-КОНТАКТ

Шестнадцатилетняя девушка из Австрии и большая фанатка Мадонны. Хотела бы переписываться с советскими сверстниками, разделяющими мое увлечение. Мой адрес:

Alexandra Leitner,
Johannesteldstr 12/3
6111 volders / tirol
Austria

На мой взгляд, самая красивая и талантливая певица в мире — Сандра. Для ее поклонников высылаю ее адрес:

Sandra Greth
c/o virgin
Herzogstr-64
8000
München 40

Если кто захочет написать мне — пишите по адресу: 463014, г. Актюбинск, ул. Тургенева, д. 100, кор. 1, кв. 27, Грачеву Николаю

1082

Знаешь, «Парус», мне стыдно за мое поколение. Почитаю опубликованные письма — ужас. Одна плачет, что у нее, видите ли, никак жизнь не сложится — цвет волос не подходящий. Другому имя его не нравится... Конечно, это проще считать, что не ты сам, а твое имя виновато во всех проблемах. Если бы меня звали, например, Нимдиудорой или Пеллагей, не думаю, что ко мне резко изменились бы отношения окружающих. Нет, не верю, что имя может стать причиной разрыва с девушкой... О себе: самая серьезная утрата за 16 лет — смерть Цоя. Люблю интересных людей, густое и птичье молоко. Только не понимаю, почему птичьей! Может, объяснит кто!

Кристина, 16 лет,
г. Ижевск

КОМПЛЕКС-КЛУБ

1083

Мои подруги говорят мне: «Везучая ты, Оксанка. Годик, два — и на конкурс красоты можно — там все такие высокие». Но я не жду ничего хорошего от своего высокого роста — 178 см. Пока с ним куча проблем. Даже парня у меня из-за этого нет...

Оксана, 16 лет,
г. Кызыл

ПИСЬМО-РАЗОБЛАЧЕНИЕ

1084

Я хочу обратиться к некоей Инге, из г. Златоуста, написавшей в Челябинский еженедельник «Комсомолец» письмо под названием «Надоело быть доброй...» До чего оно меня поразило! Ведь первая половина слова в слово списана. В «Парусе» № 1 за 1990-й год под рубрикой «Ищу друга» Мартин из г. Львова [№ 908] писал о том же!

Инга взяла чужое письмо, чужие слова и мысли, чистенько переписала (даже порядок слов не изменила), добавила 2—3 ничего не значащих фразы и пожалуйства — готова публикация... Какая нечестливость!

Под письмом Инги оставлен домашний адрес. Надеюсь, многие, как и я, возмущенные ее поступком, напишут ей с презрением и гневом и объяснят, что плагиат — тоже воровство! Те, кто не читает «Парус», окажутся обманутыми: ведь, отвечая Инге, они, по сути дела, отвечают Мартину...

Напечатайте хоть отрывок из моего письма, пусть Инга и всем таким, как она, станет стыдно!

Мария,
г. Усть-Катав

КОГДА

МОЛЧАТ

СОЛДАТЫ

Ленинградский Дом офицеров — здание громоздкое, словно бабушкин комод или «мерседес» тридцать шестого года. Да только как представить без него Литейный!

Я всегда любила пробежать по Литейному проспекту в мои досадно редкие приезды в этот город. Но, признаться, Дом офицеров всегда меня пугал. И не столько архитектурными своими излишествами, сколько обилием офицеров, входящих и выходящих. Почему-то офицеров я всю жизнь побавлялась: за каждым из них мне виделась вся невыносимая мощь армии, и что-то холодное, роковое незримо присутствовало рядом с ними. Чем дальше в лабиринт коридоров уводила зеленая ковровая дорожка, чем больше попадалось навстречу звезд, больших и малых, тем настойчивее пробивалось сомнение: да здесь ли он, этот комитет солдатских матерей!..

На площадях бы его искать, у штабов и военкоматов! Там, где вскипает стихийный митинг, где заплаканные женщины с портретами парней в траурных рамках встают на пути колонн призывников.

Но офицеры точно указали повороты и дверь, за которой оказался стол, длинный, будто взлетная полоса. И женщины за этим столом. Друг напротив друга. Они говорили, перебирали какие-то бумаги.

И таким странным и неожиданным показался и этот длинный стол, и эти женщины, что не сразу удалось заметить единственного среди них мужчину-военного. Правда, присутствие его в какой-то мере проясняли медицинские эмблемы в петлицах. Впрочем, немного позже появился и второй. Но тот был в штатском, и узнать, зачем он здесь, удалось не сразу.

Комитет этот — руководящий орган добровольного общества социальной защиты военнослужащих срочной службы «Солдатская мать». И каждый четверг здесь — день приема. С пяти до восьми. Женщины, сидящие за столом по одну сторону, — активистки и члены комитета. Именно к ним приходят советовать,

просить помощи или просто сетовать на жизнь те, кто находится по другую сторону стола. Что же касается двух таинственных мужчин, тоже в комитете, вопреки его названию, состоящих, то загадок, выяснилось, никаких.

Человек в форме — военврач Цой. К нему матери просто в очереди стоят за консультацией — с ходу может ответить (назови только диагноз), пойдет сын в армию или нет, а если с отсрочкой, то с какой. Дело свое знает в совершенстве. Второй, который в штатском, — Петр Глущенко, юрисконсульт комитета, полковник юстиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры военного и международного морского права Военно-Морской Академии. И совершенно не могу умолчать о том, что Глущенко законы знает так, как дай нам бог знать хотя бы таблицу умножения.

Любопытно, что же это за бумаги, которыми так по-нашему, по-советски, в навал накрыт стол!

Подхожу, беру один из пронумерованных листков — первый попавшийся. Письмо...

«От матери погибшего военнослужащего Обухова Вячеслава Александровича Обуховой Инны Владимировны».

И будто током ударило.

«Мой сын, Обухов В. А., 1970 года рождения, был призван в армию 15 июня 1989 года Октябрьским райвоенкоматом г. Ленинграда и направлен во Владимирскую область. Потом его отправили в Польшу, в десантно-штурмовые войска, где он прослужил до 15 июня 1990 года и был переброшен в г. Уссурийск».

Из Польши я получила только одно письмо и больше писем от

сына не получала до самой его гибели. Я пошла в Октябрьский райвоенкомат узнать, что случилось с моим сыном, почему он не пишет, они сказали, что все в порядке, и дали адрес г. Уссурийска. 9 мая я дала телеграмму сыну — и снова никакого ответа. 9 июля получила телеграмму из части, где сообщалось, что мой сын пропал без вести 4 июля во время марш-броска. 12 июля я вылетела из Ленинграда в Уссурийск. В войсковой части меня проводили к замполиту, от него я узнала, что мой сын дважды в письменном виде обращался к нему с просьбой о переводе в другую часть по состоянию здоровья. Он потерял в весе с 86 до 55 кг, был сильно истощен и находился «в странном состоянии» — со слов капитана Кошелева С. А. Почему замполит и капитан Кошелев не смогли перевести моего сына! Они ответили, что этим вопросом занимается центр — Москва, а не они.

По возвращении в Ленинград 21 июля я снова дала телеграмму в часть с запросом о своем сыне, а 31 июля нашли скелет моего сына с автоматом в пятидесяти метрах от конечного пункта марш-броска. Вторично я вылетела в Уссурийск, и в прокуратуре мне показали фотографию моего сына с пробитым черепом, открытого плащ-палаткой. Мне выдали кости сына и свидетельство о смерти, в котором причина смерти не установлена.

Мой сын, уходя в армию, говорил мне: «Тебе за меня стыдно не будет, я честно отслужу». И вот в 19 лет... Я убедительно прошу расследовать причину и обстоятельства трагической гибели моего сына».

Письмо, как это ни печально, одно из многих. Можно даже сказать, типичное. А значит, и смерть, как это ни страшно, — только одна из многих. Типичная. И то, что будет дальше, тоже для комитета типично. Его работники отправят письмо в военную прокуратуру с требованием провести расследование. И его проведут.

— Предположим, некий абстрактный военнослужащий, — объяснял Глуценко, — недоволен существующими в части порядками: то ли дедовщина достала, то ли командир попался с интеллектом компостера и примитивностью изобретения Стечкина. Так вот, совершенно естественно, что абстрактный этот новобранец однажды может пожаловаться на невыносимую жизнь, как в детстве, маме — кому же еще! А мама письмо в руки — и в комитет на Литейном. Наши активистки тут же отправят два письма по разным адресам: одно — в прокуратуру (ту самую, военную), второе — командованию части. Это чтобы все были в курсе. И знаете, чем чаще всего заканчиваются подобные истории! Юного правдоискателя переводят в другую часть. И начальству спокойнее — а то «зело языкастый» попался боец, и сам он не в обиде.

Недавно в окрестностях Ленинграда милиционер застрелил человека. Рыбака-браконьера. Милиционеру чуть не руку пожали и спасибо сказали. Так их, браконьеров чертовых, пусть в родную нашу экологию не лезут. Не пуцать — и любыми сред-

ствами! Да только убитый браконьер прапорщиком оказался. А значит — под защитой комитета. Комитет вмешался, и оказалось — дело-то не совсем чистое. Виновный наказан. В тюрьме. Это так, к слову, «о победах» комитета «Солдатская мать»...

Наше уставшее, измученное общество испытывает нынче почти болезненное неприятие каких бы то ни было примет бюрократизма. И я, признаться, все больше проникая в бумажную суть работы комитета, надеюсь, ждала, что вот сейчас мне скажут: это, мол, не главное, всего лишь переписка. А главное у нас...

И кто-то встанет, подаст сигнал, прервутся диалоги, и все покинут этот дом. Затрепещут на петроградском ветру транспаранты, хлестнет по Дворцовой чья-то гневная речь... И хлынут митинговые толпы...

Но мне продолжали показывать письма, ответы, рапорты каких-то номерных инстанций. Сетовали на нерасторопность почты. Говорили о силе учета, о внимании и обязательных людях. И я ясно видела: комитетчики всерьез верят в силу закона и в безусловную действенность служебной переписки.

Да как же так! Без митингов, демонстраций и гололовок! Чего-то добиться! У нас!

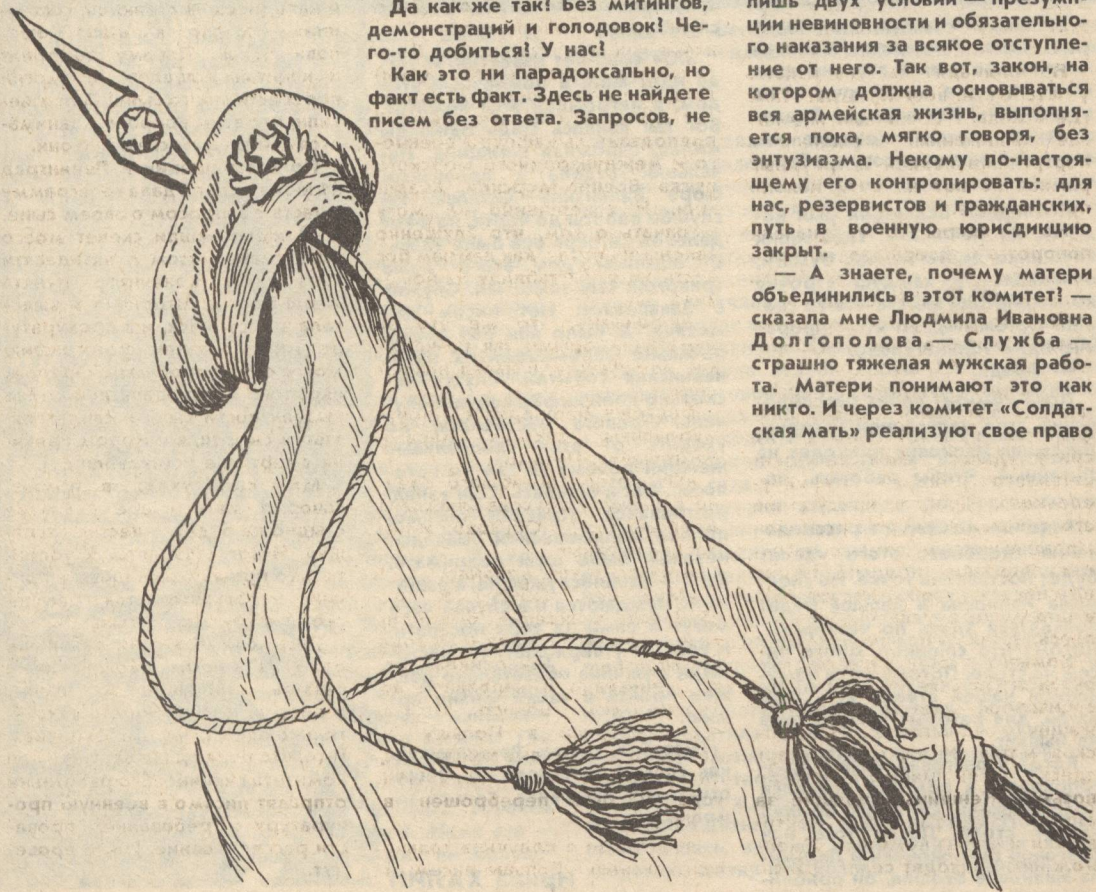
Как это ни парадоксально, но факт есть факт. Здесь не найдете писем без ответа. Запросов, не

достигших цели. Дел, не доведенных до конца. Спокойные и деловые женщины без криков и истерик пишут четко и ясно. Каждая фраза, каждое слово в запросах выверены с консультантами высшего класса. В каждом конверте — сигнал тревоги. И где-то военный прокурор-безупречно исполнит свой долг перед законом, следовательно пересмотрит закрытое дело, и какой-нибудь в беспредельно далеком гарнизоне нерадивый командир после долгого и мрачного раздумья все-таки вспомнит, что он — Командир.

Так в чем загадка успеха этого комитета! Ведь вроде нет за ним, к примеру, штаба округа, а тем более — Генерального (штаба, разумеется). Тем не менее проигранных сражений не имеет. А может быть, загадка постоянного успеха именно в столь непривычном сочетании слов: Комитет... Солдатских... Матерей... И в своей работе он рассчитывает на чью-то честь и совесть, которые всегда где-то есть.

Не так уж много они и хотят, эти женщины, — всего-то навсего соблюдения закона. Для того, чтобы любой закон действовал, необходимо соблюдение всего лишь двух условий — презумпции невиновности и обязательно наказания за всякое отступление от него. Так вот, закон, на котором должна основываться вся армейская жизнь, выполняется пока, мягко говоря, без энтузиазма. Некому по-настоящему его контролировать: для нас, резервистов и гражданских, путь в военную юрисдикцию закрыт.

— А знаете, почему матери объединились в этот комитет! — сказала мне Людмила Ивановна Долгополова. — Служба — страшно тяжелая мужская работа. Матери понимают это как никто. И через комитет «Солдатская мать» реализуют свое право



хотя бы как-то защищать своих детей от беззакония...

Сын Людмилы Ивановны из армии не вернулся. Погиб на Байконуре — там служил. Людмила Ивановна до сих пор не может понять — как все это могло случиться!

Из войсковой части пришли два письма. От командира и его заместителя. Очень похожие — скорбные и сухие. О том, что в части случилась беда. Столкнулись две машины. Вспыхнул пожар, взорвался бензобак. Спасти из огня ее сына не удалось.

Причина гибели в этих письмах называлась одна, но обстоятельства... Будто разные истории рассказывали офицеры. С чего бы вдруг!

Но самой непостижимой загадкой оказалась приложенная к одному из писем фотография злополучной машины. Никаких следов огня, ни единого пятнышка копоти.

Куда бы Людмила Ивановна обращалась, в какие бы ни стучалась двери, ей всюду говорили почти одно и то же: «Сочувствуем вашему горю. Но ваши сомнения лишены оснований». Письма официальные. Все по форме. Все четко и ясно. Какая же тут загадка!

Тайны Байконура пополнила еще одна. Людмила Ивановна поняла, что есть в этой истории какая-то черта, за которую ей не проникнуть. Как нередко бывает в таких случаях, военные инстанции заняли круговую оборону.

Последней надеждой был комитет на Литейном. Полковник Глушенко долго изучал бумаги, вчитывался в каждую строчку командирских писем, что-то сверял. Потом подвел итог, проронив одно только слово:

— Бред...

Пока комитет ведет расследование этой запутанной истории, Людмила Ивановна приходит на Литейный. Чтобы работать, помогать.

Рано или поздно и в расследовании скорбного этого «дела» будет поставлена точка. Но Людмила Ивановна и дальше будет появляться здесь по четвергам. Потому что слишком много писем на столе. Потому что в измученной нашей стране есть еще люди, для которых чужого горя не бывает.

Когда я разговаривала с Долгополовой, в комнате появился подполковник. Он долго бродил вокруг стола. После того как разговор был окончен и Людмила Ивановна отошла, он прибли-

зился и интимно-таинственно проговорил: «Вы не особо бабские разговоры слушайте. Сами же понимаете, это все единичные случаи...»

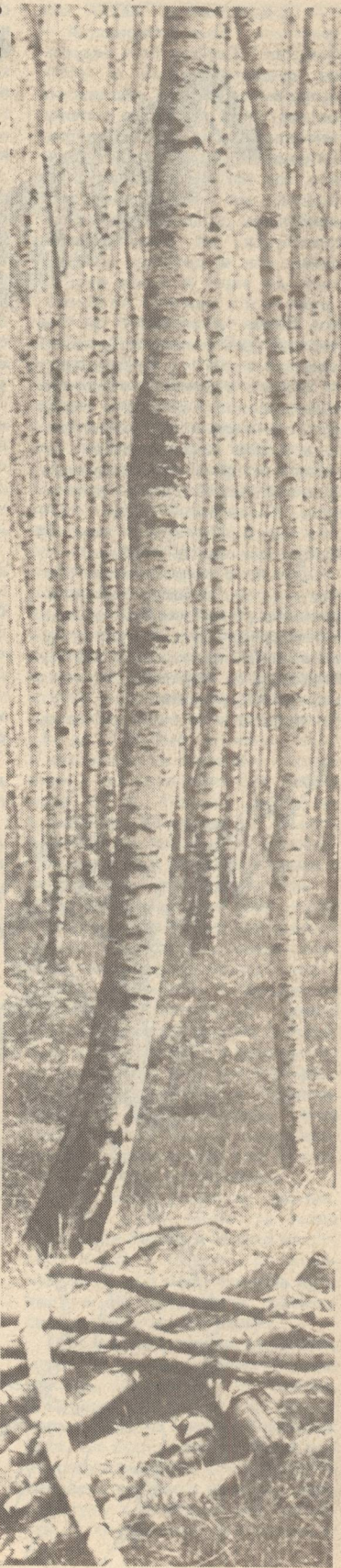
И он ушел. Исполнять и дальше свой служебный долг...

Активистки комитета не слишком оптимистично взирают в будущее. Они уверены, что необходимость в существовании комитета отпадет лишь тогда, когда перестанут нарушаться нормы законодательства, регулирующего условия прохождения действительной службы. Иными словами, когда армия станет профессиональной, где отношения будут строиться и на экономической основе, и каждый солдат или матрос будет получать за свою тяжелую и опасную работу соразмерно труду, а не эти... ну, как их... стыдно произнести... в общем, 5.70.

Но до профессиональной армии дожить — не поле перейти. Так что сегодня работа комитета «Солдатская мать» продолжается, расширяется география. Я верю им, этим женщинам, и те, кто приходит к ним по четвергам, тоже верят, и парадные подъезды относятся к ним с особым вниманием. Значит, все продолжается — жизнь, работа, служба...

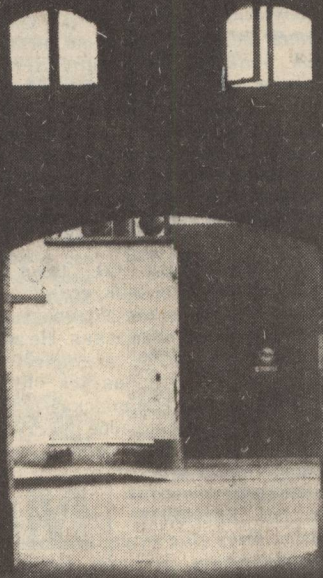
...От сына нет известий. И тогда идет мать в помпезный этот дом, в негромкий этот комитет. Вот так явилась сюда однажды милая, скромная женщина. Начальник отдела в проектно-бюро Валентина Хохлова. На службе работы до черта, но в тот далекий четверг она была здесь. С обычной для этого дома тревогой: сын замолчал. Служит в Закавказье. Нет писем два месяца. А было как раз время печально запомнившихся нахичеванских событий. Спустя несколько дней информацию получила. Тревога рассеялась, но уходить от этих хлопотливых женщин почему-то так не хотелось... Вот и осталась. Сын узнал, разгневался. Прислал письмо, полное мальчишеской бравады: незачем было шум поднимать. Они — военнослужащие, в защите не нуждаются и в случае чего могут и сами за себя постоять. И вообще утверждает, что настоящий мужчина обязательно должен пройти в своей жизни армию.

Гневайся, сынок. Рассказывай, как славно жить солдату. Пиши, отчитывай, красуйся. Только не молчи...



Ирина ХАЛИП

СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА, ИЛИ КАК НЮРА ПОСТОЯЛА ЗА СЕБЯ



Таганрогская Нюра уже «отсидела», вышла и, в общем-то, наладила жизнь. А историю свою попросила напечатать в назидание другим. И зазря, мол, претерпела, да выдюжила, не сломалась, как некоторые хлюпки, которым от всего плохо и от всего жить не хочется.

А письмо вот такое:

«Шла я один раз домой через парк от подруги. Пристали двое, «пошли», говорят. Я сразу догадалась, о чем они, и напугалась, конечно. Ну, притворилась больной, они и поверили. Отделалась пинком под зад. С тех пор с собой всегда таскала нож, на всякий случай. Через полгода примерно опять шла через парк, но уже вечером. Стемнело. Тут навстречу семь пацанов вываливают! «Пошли» и «пошли» — и под руки меня... Короче, когда я освободила руку, достала с горем пополам нож и всадила одному в спину изо всей силы, которая была. (Как потом выяснилось, получилось на 6,5 см). Его оттащили пацаны, а меня побили. Пришла домой в невесть каком виде, маме все рассказала, она меня понимает, мы с ней подруги (и живем только вдвоем). А вскоре — повесточка! Оказалось, мать той «жертвы» заявила. Я, мол, бандитка, а Юра ее ни за что ни про что искалечен.

Его друзья на допросах сказали все, как было, только якобы ничего плохого на мой счет они и не помышляли — просто пройтись-прогуляться хотели, свежим воздухом подышать. А мать Юркина еще кучу всякой фигни приплела. В принципе, половина правды была на их стороне — изнасилования, конечно, не было, зато было ранение (по словам мамаша «ни с того, ни с сего»). Но ведь я защищалась! А если бы меня по кругу пустили?!

...Дали мне девять месяцев колонии. Юрочка тоже свое получил — от моих друзей. Мама его — соответственно. И больше никуда уже не жаловалась.

Такая вот история. Напечатаете — спасибо, не напечатаете — плевать. А менты мне на всю жизнь враги».

Поначалу я даже не поверила: постояла девочка за себя, молодец, а ее в колонию? Но наши юридические консультанты посоветовали взглянуть на историю без эмоций при, так сказать, холодном рассудке. Нюру нашу никто не насиловал. Формально даже попытки как таковой не было — она же всаживает в спину нож. Судя по сроку «отсидки», нанесла она тяжкое телесное повреждение. В результате вполне возможно, что Юрка на всю жизнь останется инвалидом. Казалось бы, дураку понятно, зачем ее тянули вглубь парка. Но ведь нельзя выносить приговор за то лишь, что у человека на уме. Эдак мы далеко зайдем. Потому и существует в Уголовном кодексе статья — превышение пределов необходимой самообороны влечет лишение свободы до года.

Эта же история выглядела бы совсем иначе в свете закона, начни насильники конкретные действия — валить на землю, рвать одежду и т. д. Не сомневаюсь, что Нюра была бы оправдана. Законодательство допускает защиту женской чести и достоинства вплоть до лишения жизни напавшего преступника. Помню нашумевшую историю. Девушка по глупости пошла с двумя парнями в их квартиру. Там незнакомцы начали истязать свою жертву. Спротивляясь, девушка вбежала на кухню, схватила нож и всадила в одного из мучителей. Позже суд признал ее невиновной, хотя преступника откатать не удалось.

Так что же, ждать, пока тебя изнасилуют, и лишь тогда защищаться? Нет, ждать не стоит. Но должна существовать вполне конкретная угроза твоему здоровью, жизни или половой неприкосновенности.

Угроза реальная, а не та, что лишь вынашивается в мозгу преступника, вырывает, или, может, нам это только мнится. Не стоит ждать, пока на тебя опустится топор нападающего — достаточно, что его уже взяли в руку. И если тебе угрожают ножом, заточкой, кастетом — ты вправе защищаться до последнего...

Кстати, Нюрина история довольно нетипична. В криминальной практике последних лет такой состав преступления как превышение необходимой самообороны — редкость. Жертвы, как правило, не сопротивляются, не кричат, не вырываются, не выражают протеста. Другая крайность поведения. А может, действительно, в жертвы выбирают тех, кого легко морально подавить, а не таких бойких, как Нюра, на которую напоролась наверняка случайно?

Таганрогская Нюра могла бы даже стать героиней не только местных тусовок, если бы не вот такая юридическая каверза — интенсивность защиты превзошла интенсивность нападения. Не знаешь, правда, то ли досадовать, что не дождалась Нюра нужного момента, то ли радоваться, что-таки дождалась. А Фемида между тем подсказывает, что нож в ее кармане — уже само по себе преступление и также может караться лишением свободы до года. Вот и думай, спасет тебя в нужный момент оружие или наоборот — подведет.

Трудно жить без пистолета, это верно. Но с пистолетом может быть еще хуже. Как забыть ту трагедию, происшедшую в Минске! Вечером на бульваре, на скамейке сидела парочка. Подошли двое подвыпивших ребят, попросили закурить. Ответом им были выстрелы... Одного из тех парней спасти так и не удалось.

Защищался ли владелец пистолета? Едва ли. Будучи частным детективом, я бы квалифицировала его поступок как умышленное убийство. Не вникала в следственные подробности дела. Но непонаслышке знаю горе семьи погибшего, отнюдь не злодея, не рецидивиста, обычного парня, который только начинал после вуза работать инженером и не успел еще взрастить своего первенца.

Все-таки сицилианская защита — не доблесть. Тебе слово, а ты — в глаз? Тебе пригрозили, а ты досрочно расквитался? Не случайно по закону немислима необходимая оборона при вымогательстве, шантаже, оскорблении, как ни отвратительны нам эти преступления. Стоит ли присваивать себе функции шерифа? Пусть за тебя постоит закон. За тебя, пока не поздно. За, а не против.

И все-таки что делать, когда на тебя нападают? Придают ли уверенность нож в кармане, камень за пазухой? Если уж откровенно, сама подумываю держать при себе если не газовый баллончик, то хотя бы баллончик дихлофоса — авось да подействует. Но из личного опыта могу сказать, что меня всегда выручало такое простое и безобидное оружие, как... крик.

Преступники предпочитают покорных и молчаливых.

А мы предпочитаем закон, гарантирующий нам право самой жестокой защиты. И это право за нами. Тем более, если учтен чей-то горький опыт.

**Виктория ПЕТРОВА,
частный детектив**

А профессиональные работники прокуратуры готовы вас выслушать, дать совет, прийти на помощь каждый четверг с 15 до 18 часов по минскому телефону 26-44-31. Звоните, пишите!



...А СЕВЕР

испытай себя





Дайте звездам омут,
Пусть остынут в нем...

[Туристская песня]

Началось это в 1978 году. Три восьмиклассника — Витя Лутов, Борис Конопляник и я, ваш покорный слуга, — вырвались в свой первый самостоятельный (без преподавательской) поход. У деревни Песочное, где берет начало река Неман, связали плот и решили спуститься вниз по реке километров на сто. Плот получился убогий: плыть на нем можно было только по колену в воде. Неудача нас не смутила: мы и так отлично провели время, прожив два дня в шалаше, гоняясь с нехитрым гарпуном за рыбой, собирая грибы, купаюсь и загорая под августовским солнцем.

Потом были и другие турброски. А вскоре меня призвали в армию. Там и Борис надел солдатские сапоги.

Снова компашкой мы собрались лет через шесть. Лутов к тому

Большая половина нашей группы добиралась на Кольский самолетом Минск — Мурманск. Далее, на соединение, уже поездом. Почти всех ребят из той половины я никогда не видел (недостатки организации). И вот встреча на вокзале. Обычные рукопожатия:

- Витя...
- Аня...
- Володя...

Неспешно, оценивающе приглядываемся друг к другу. Вроде незнакомцы «кладутся на душу». Ну, я, Витя и Борис — известно: десять лет проучились в одном классе. Короче, на все сто доверяли друг другу. А вот другие!..

Вообще когда собираешься с кем-то в рискованный путь, нельзя без доверия. Оно будет крепиться каждым ходовым днем, каждым словом поддержки, каждой улыбкой понимания, каждым разделенным пополам сухарем. И пусть ты сначала еще путаешь имена, но уже каким-то шестым или седьмым чувством улавливаешь, что этот Толя или Володя не подведет, не бросит в критической ситуации. Ибо зачем тогда идти на «полярку».

ДЫХАНИЕ СЕВЕРА

Первые километры маршрута.

— Вон, видите: каменный зуб, — Витя Лутов (он вел группу) тычет в пространство лыжной палкой. — От него вправо — наша дырка.

Полтора часа вверх по склону, и мы на седловине. Короткий отдых — и теперь уже вниз. На спуске «наловили зайцев»: то один, то другой делали «голованогги». Сказалось отсутствие хорошей лыжной подготовки.

Особенно дался в ноги переход через Умб-озеро — это километров десять открытого пространства, где бражничал ветер. Стужа даже через рукавицы прихватывала пальцы.

Аня Явид и я начали отставать от основной группы. Командир попытался помочь.

— Не надо, Витя, догоним. Слава богу, еще видно.

— Хорошо, — он кивнул. — Только не стойте долго — замерзете.

— Сергей, у тебя конфеты остались! — спросила Аня.

— Нет.

— А сухофрукты!

— Все прикончил на привалах. Правда, где-то в кармане рюкзака должен быть неучтенный шоколад. Пошарь, — рюкзак снимать боюсь, знаю: сниму, уже не заброшу на плечи.

— Нашла...

Делим. Заедаем снегом и дальше идем уже без остановок.

«В ДОМАХ НА КУРИНЫХ НОГАХ...»

По берегам Умб-озера — большой лес. Деревья низкорослые, много засохших. Ну что ж, хоть дрова под боком. Но, с другой стороны, в пейзаже было что-то гнетущее, будто попал на другую планету.

Владимир Высоцкий пел: «Распрекрасно жить в домах на куриных ногах»... Ну, здесь не на куриных и не на ногах. Просто избушка. Их таких

ТЯНЕТ,

КАК МАГНИТОМ

времени стал опытным туристом и альпинистом. Он и предложил:

- А рванем в лыжный...
- Куда!
- На Кольский полуостров, в Хибины.
- Заметано, — согласились мы.

ТЕБЕ ПОЛОВИНА И МНЕ ПОПОЛАМ

На станции Апатиты мы выгружали из вагона рюкзаки и лыжи. Вот тут случайный попутчик, глядя на наш скарб, и поинтересовался:

- И куда же вы, ребята!
- Да вот, рассчитываем попутешествовать по здешним местам.
- Это хорошо. Но позвольте совет: не останавливайтесь на привалы под снежными козырьками, а то почти каждый год кто-то гибнет в лавинах.

Ничего себе напутствие на начало маршрута...



ВОСЬМОЕ МАРТА

разбросано по Хибинам много. Иногда в них сеются рыболовы или охотники, иногда устраиваются на ночлег и туристы. Приятно чувствовать заботу людей, которых ты никогда не увидишь и которые не подозревают о твоём существовании: вот на окошке заварка для чая, на полке немного крупы, пачка «Беломора». Попользовался, тоже оставь запасок. Возможно, она кого-то спасет.

Но не всякая избушка вместит ораву из девяти человек. Набрели и мы на такую малюпагу. Сунулись внутрь. Куда там. Решили ставить палатку. Но Витя Смоленчук и Володя Солянский не согласились спать вместе со всеми:

— Для чего тогда избушка! — и ну топить печку.

Сергей Стацевич тихонько заметил: — Они сначала так натопят, что будут выбегать на мороз, чтобы остыть. А под утро врежут дубаря.

Так и получилось.

Вообще люди Севера, обустранивая свой быт в тундре, не организуют «запретных» зон. Пожалуй, пользуйся на здоровье. Только не свиньяч.

ЧЕРНИКА И КРУЖКА ПИВА...

Разгребали снег под палатку и — о, чудо! На промерзлой до звона земле между калеными зелеными листочками — ягоды! Черника! А вдруг волчьи! Отнесли к факту подозрительно: первым не удержался я — очень уж захотелось чернички. Кто-то мрачно пробубнил:

— Если минут через пятнадцать не загнетса — попробуем и мы.

Но не прошло и минуты, как и остальные хрустели ягодами. Почти в каждой ягодине внутри была ледышка. Тем не менее, они имели приятный кислото-сладкий вкус. До сих пор не могу дознаться, что же мы ели! Но если живы, значит, съедобное. Правда, не эта ли «черничка» вызвала позже дику жажду!

На участке за Умбозерским перевалом пришлось поработать. Пот жег глаза, и сушило, как после фунта сеledки. Я уже знал: хлебнешь воды — будет еще тяжелее. Терпел из последних сил. Тогда начинались питейные галлюцинации: взору живо рисовались то кружка пива на белой скатерти, то литровая банка молока. И пить хотелось до челюстных судорог.

В группе была девушка — Аня. Наш заведующий хозяйством. Девушка в походе — это гарантия уюта в палатке и рыцарских взаимоотношений.

Я бы не сказал, что представительница слабейшего пола была слабейшей. Ее красный рюкзак постоянно мелькал где-то впереди.

Утром восьмого мы наперебой поздравили завхоза и двинулись вперед по вязкому снегу, оставив торжественную часть на вечер.

Тут командир объявил:

— После перекуса сделаем траверс двух перевалов.

Я, признаться, встретил это без энтузиазма. Трезво прикинув свои возможности, отказался от траверса — зачем быть обузой для других! Со мной в лагере осталась Аня.

Она приготовила ужин и самозабвенно колдовала над праздничным тортом: банка сгущенного молока, слой печенья, банка сгущенного какао... Торт выросал на глазах.

К вечеру появились ребята — хмурые, немногословные. Оказалось, что Витя Смоленчук упал со склона, ушибся, сломал лыжу. В горах бывает всякое. И тут Аня показала и свои лекарские способности. Она смазала йодом Виткины раны и ссадины и перебинтовала.

Вот так праздник! Никто толком и не распробовал торт. Только на следующее утро командир подарил завхозу большого надувного зайца.

ИМАНДРОВСКИЕ МУТАНТЫ

Мы на острове. Стоит избушка, а в ней рыбаки.

— Поместимся! — спрашиваем.

Отвечают — поместимся. Сюда, мол, однажды набилось аж 18 человек, и ничего.

— А что за рыбу вы тут ловите!

Оказалось — сига.

— Раньше, конечно, рыбы было больше, — рассуждал молодой рыбак. — Сейчас травят ее разными отходами. Недалече озеро Имандра, так там вообще ловятся мутанты: сига с тремя глазами. Возьмешь его за хвост, трянешь — и чешуя сама отваливается. — Вздохнул: — Больно смотреть...

Вот так вот. Как-то мы прикидывали, куда уехать из Белоруссии, из-под черного крыла чернобильской ката-

строфы. Где найти в Союзе экологически чистые места? Думали — Алтай. Оказалось, нет: рядом Семипалатинск — ядерный полигон. Хибини! Опять промашка. Мончегорск, что размещен на Кольском полуострове, один из наиболее загрязненных промышленными выбросами городов страны. А на бывшей базе геологов здесь, в Хибинах, нам сообщили, что километрах в полутора рудник по добыче искусственных алмазов. Загружают в шахту графит, мощный взрыв — и готово! Радиационный фон в несколько раз выше допустимой нормы. Правда, за воду, сказали, не волнуйтесь — чистая. Надолго ли!

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ!

Виктор внимательно вглядывается в карту, раз за разом бросая взгляды на стрелку компаса.

Пока везет: ветер не в лицо, а боковой. Так идти значительно легче. Особенно, если не первым.

Где-то рядом перевал. Но где! Перепутались сто направлений! Компас! Карта! Помогут, если ухватишься глазом за какой-нибудь ориентир. Но сквозь завихрения просматривались только камни какого-то склона.

Промажнулись: перевал остался где-то в стороне. И мы постепенно понимаем, что идем черт-те куда.

— Ладно, — командир втыкает палки в снег. — Ночуем здесь.

Снова режем снежные блоки, ставим стену. Рванул порыв — и она валится. С упорством маньяков продолжаем строить...

Утром увидели, где угнездились. Оказалось, устроили бивак на площадке, окруженной крутыми склонами. Мало того, с них сошли две лавины и обе чуть-чуть не дотянулись до нашего ночлега.

А с хребта снова поднимала белые флаги пурга...

...Несмотря на блуждания, мы полностью прошли намеченный маршрут. Беда хоть и бродила по нашим следам, но так и не догнала группу.

Куда двинем в следующем году! Сказать трудно: Витя прикидывает разные варианты, да только ни на одном из них пока не остановился. Но это обязательно будет Север. Он снова, как магнит, притягивает нас.

Сергей КВИТКЕВИЧ



МОНАРХИЯ. Кто на стороне?

Далеко ушло то смутное и непонятное нам время, когда Россия жила со словом и именем Божиим — великая, дикая и безумно талантливая Русь. В 1917—18 годах это время остановилось, пришли «избранники народа», и вместе с трагической смертью Романовых завершилась монархическая часть истории России.

Сейчас значительная часть россиян надеется, что круг истории замкнется и вернется к жизни модель до 17 года. Кто-то пророчит анархию, кто-то монархию; что ждет наше пока еще Отечество — неизвестно.

Своейственной нам ностальгия толкает сейчас многих к попытке возрождения былой славы, былых символов Российской империи. Мечта о сильной руке, единстве, детское влечение к «яты» и мутярующим птникам — все это тоска по былому. Появилась масса различных политических партий, ратующих за установление монархии, большинство их образовалось в результате дробления патриотических партий. Как между отдельными группами, так и между рядовыми членами нет единства по поводу смысла и цели монархии. Каждый судит по-своему.

Зачем Руси монарх? Не станет ли он очередным тираном? И чем он будет лучше предшествовавших «немонархов»? На этот вопрос уже ответил Владимир Кириллович Романов — нынешний глава семьи Романовых, проживающий сейчас в эмиграции во Франции. В интервью журналу «Огонек» Владимир Кириллович говорит: «Монархия — это единственная форма правления, совместимая с любой политической системой, поскольку предназначение монарха — быть высшим арбитром. Монархия не нуждается в культуре личности. Культ личности нужен диктаторам, а монарх, если можно так сказать, величина почти постоянная. Фигура монарха — фигура символическая. Это может быть одно лицо, потом другое».

Так думает Владимир Кириллович — условный монарх России. К сожалению, всем нам долго показывали дореволюционную, царскую Россию только в грязно-краватном свете. Нынешние монархисты видят идею далеко не так, как сам вероятный монарх, т. е. Владимир Кириллович. Я разговаривал с молодыми людьми — представителями двух разных монархических организаций. Московский «Союз за национальное пропорциональное представительство» (руководитель неизвестный Смирнов-Осташивили!!!) представлял мужчина лет 30, слегка пьяный, но очень любезный и обаятельный. «Союз» добивается пропорционального представительства всех национальностей в законодательных органах, науке, культуре, искусстве и т. д.; план-максимум — установление абсолютной монархии. Вспомнив о нашумевшем судебном процессе, где руководитель «Союза» Смирнов-Осташивили обвинялся в разжигании национальной розни, я позволил себе остановиться в том, насколько национально-пропорциональным будет представительство наций в общественной и политической жизни. Мой собеседник успокоил меня: «Мы абсолютно ничего не имеем против евреев,

для нас главное, чтобы человек любил Россию». Однако на вопрос, собираются ли они сделать монархом Владимира Кирилловича, или монарх будет избран Собором, он мне ответил: «Нет, только не Владимира Кирилловича, мы против него самого ничего не имеем, но он женат на еврейке...» Далее рамок национального вопроса наша беседа почти не проводилась. Кстати, по некоторым данным Романов женат вовсе не на еврейке, а на грузинской княгине Багратион-Мухарской. Да и вряд ли антисемитизм можно считать философией монархии.

Такая же «неувязочка» с национальностями и у второй организации. Ленинградская партия «Православное монархическое единство» — организация, образовавшаяся в результате раскола ленинградской «Памяти». Молодой человек, одетый в форму юнкера с манерами дореволюционного студента, с самого начала объявил, что на «должность» монарха может претендовать только Владимир Кириллович. «При монархии нет лишнего баллабства. Будет порядок и единство России и в то же время свобода бытия, как хочется, на благо России», — единодушное мнение представителей обеих организаций. Можно, конечно, ко всему этому относиться несерьезно, но сами деятели монархизма настроены весьма решительно.

«Союз за пропорциональное представительство»: «А вы знаете, что все сейчас практически к гражданской войне идет... Есть такая организация «Российский общевойсковой союз» — это монархически настроенные офицеры, курсанты, ведущие пропагандистскую работу среди воинского состава. И я думаю, что в случае чего армия сможет пойти за сторонниками монархизма, это в России».

«Православное монархическое единство»: «Мы возрождаем казаки отряды, куда принимаем всех желающих юношей. Их обучают рукопашному бою и владению холодным оружием бывшие воины «афганцы».

Как видно, на будущую гражданскую войну уже делаются ставки, что уже совсем грустно. И еще, как потомственной военной казак (я считаю, что это национальность) не понимаю, как можно «принимать в казаки» по собственному желанию. Хотя лично меня не может не радовать, что казаки как символ России не канули в Лету. Как и во многих партиях, идея здесь явно возвышенной реальности, и особенно ярко это видно в различных между представляемыми Владимиром Кирилловичем и самих сторонников русской монархии.

P. S. Когда я прощался с молодым юнкером из Ленинградского «Православного монархического единства», он учтиво поклонился и поцеловал руку моей спутнице. Это порадовало. Может быть, с возрождения внутренней культуры и стоит начинать монархистам?

Александр КУЛИНКОВИЧ

А ГЛАЗА-ТО ВОКРУГ — РАЗНЫЕ...

Волну откликов вызвало письмо «гопачки из Казани» «Стальные глаза», опубликованное в № 8 за прошлый год. Мы рады, что волна эта — чистая. Многие читатели предлагали девушке помощь. Предлагали искренне. И все же... Из опыта знаем: вспышка альтруизма быстро проходит, когда начинаются простые житейские проблемы. Давайте это тоже примем к сведению.

...Девочка просит услышать ее. Просит совета. Для чего? Чтобы не остаться одной. Одиночество — это самое страшное. Если человек написал такое письмо — это уже неплохой человек. Незнакомая девчонка! Беги из этого общества! Ищи других людей! Их мало, но они есть! Иди к ним навстречу. Ошибайся, но иди. Тех ошибок, что уже сделала, ты не повторить.

В. ШИПКО

Р. С. Если хочешь, напиши мне письмо. Мой адрес есть в редакции.

Ей хочется видеть «добрые глаза». Да где же ты их увидишь? В своей волчьей стае, что ли? Не ищи их там, милая, не ищи зря. И колония тебе не поможет. Ну отсидишь ты, выйдешь, а дальше что? Вот тебе мой совет: уезжай из Казани. А наклейки уже убирают. С помощью операции... По-моему, лучше самой решать проблему, а не сидеть, сложа руки.

ПОЛИНА, 15 лет

Здравствуй, «гопачка из Казани»! Что-то в твоей истории похоже на мою. И это «что-то» было дорогой туда, где я сейчас нахожусь. Тоже была своего рода «группировка», только не гопата, а карманники. Вот в какую среду я попал — одиннадцать лет мне было. Я стал карманником-профессионалом, мне это нравилось. Я видел в этом самоутверждение. Все шло красиво! А потом нас «замели» — и закрутилось колесо... Тюрма, ВТК. Не буду описывать тебе все.

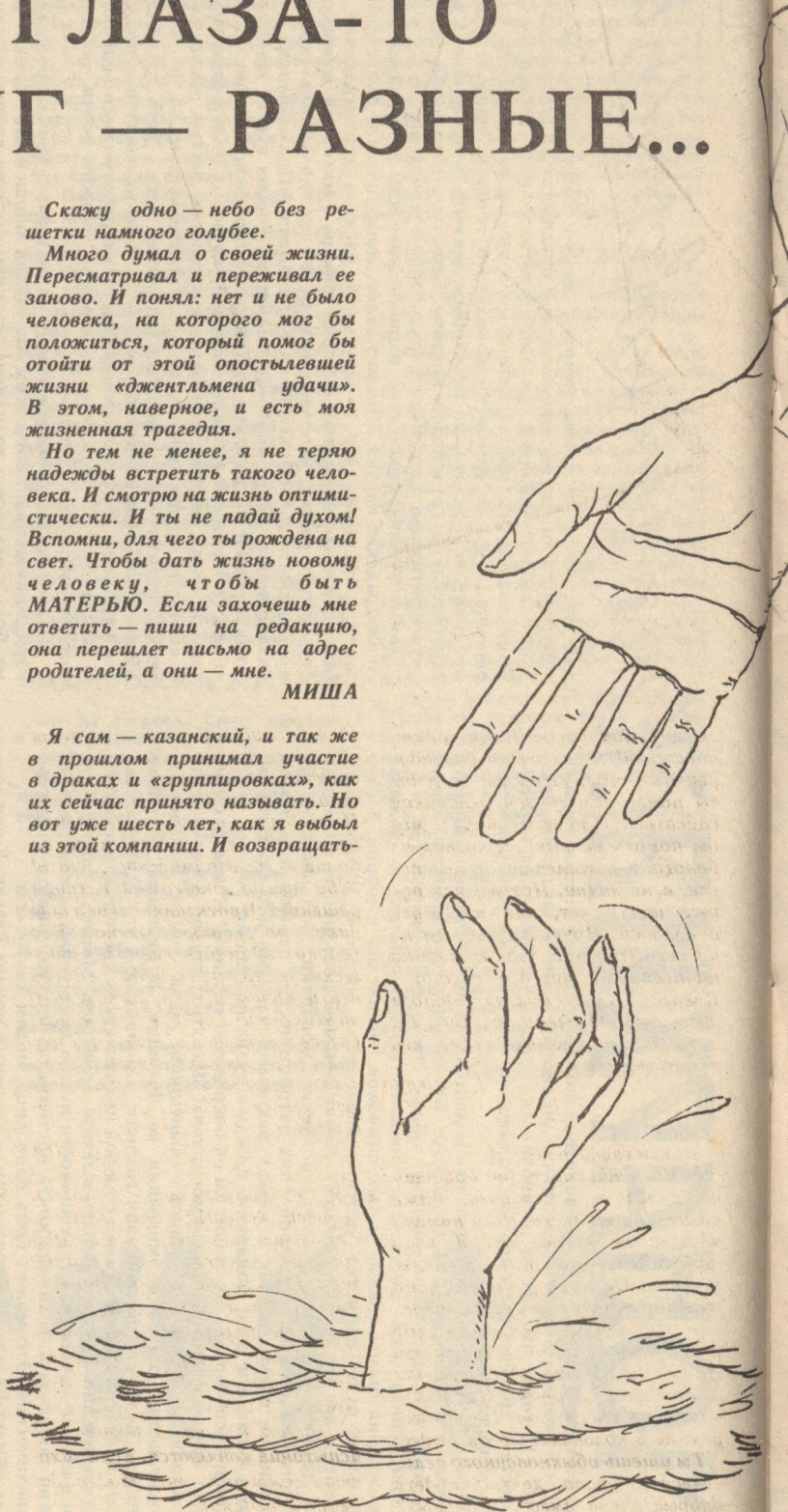
Скажу одно — небо без решетки намного голубее.

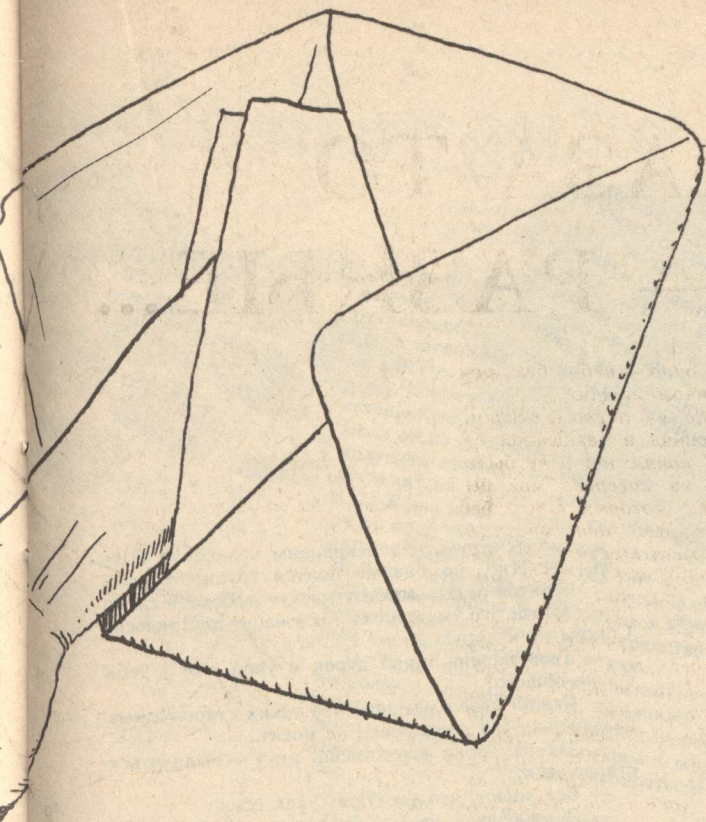
Много думал о своей жизни. Пересматривал и переживал ее заново. И понял: нет и не было человека, на которого мог бы положиться, который помог бы отойти от этой опостылевшей жизни «джентльмена удачи». В этом, наверное, и есть моя жизненная трагедия.

Но тем не менее, я не теряю надежды встретить такого человека. И смотрю на жизнь оптимистически. И ты не падай духом! Вспомни, для чего ты рождена на свет. Чтобы дать жизнь новому человеку, чтобы быть МАТЕРЬЮ. Если захочешь мне ответить — пиши на редакцию, она перешлет письмо на адрес родителей, а они — мне.

МИША

Я сам — казанский, и так же в прошлом принимал участие в драках и «группировках», как их сейчас принято называть. Но вот уже шесть лет, как я выбыл из этой компании. И возвращать-





Я никогда не была в такой или подобной ситуации. Но я хорошо представляю себе, что это значит для юной, неокрепшей души. Я не хочу, чтобы ты пропала в этой «гопате». Поэтому прошу: напиши мне. Я постараюсь помочь тебе — словом, а может, и делом, если получится. Только не отчаивайся! Люди всегда нужны в этой жизни. Такие, как ты, — тем более. Пиши! Мой адрес: 630112, г. Новосибирск, ул. Красина, д. 45, кв. 131, Золотовой Анне. Я люблю слушать рок-музыку, читать, писать стихи и рассказы.

В Казани, да и в других городах, группировки — это средство существования. Если ты не гопник — значит, чмырь, чушок, дерьмо собачье. Я это деление ненавижу! В итоге — одиночество. Но мне легче, потому что я еще верю во что-то. И девочку из Казани хочется согреть. Хотя бы словом.

Господи, помоги ей!

МАРИНА

Мы думаем только о себе, о своей шкуре. В жизни я встречала мало добрых, отзывчивых людей. Но они есть. И надо сделать так, чтобы их было больше. Надо делать добро самому.

Незнакомка из Казани! Если ты писала от сердца, то ты, я уверена, добрый, чувствительный человек. Жизнь, может быть, не так уж прекрасна, как в песне поется, но и умирать из-за этого не стоит. Я предлагаю тебе свою дружбу от всего сердца. У меня тоже мало радостей в жизни. И никто меня не понимает, но ты, я думаю, поймешь.

НАТАША, 16 лет

...Запомни, ты нужна людям. А они — тебе.

СЕРГЕЙ

ся не собираюсь. Есть задачи поважней! Я бы очень благодарен был тебе, «Парус», если бы ты помог нам с этой девочкой списаться. При ее желании я мог бы помочь ей выкарабкаться из болота. К сожалению, по переписке, а не лично. Потому что вот уже шесть лет, как нахожусь в колонии. Но пусть вас это не пугает. Поверьте, что это письмо написано от чистого сердца. Впереди еще долгая дорога по жизни. И очень хотелось бы хоть чем-то помочь тем, кто в этом нуждается.

АЙРАТ

Мой-то мир прост: без кабаков и лихих гулянок. У меня есть отличный, надежный друг, я честно работаю и честно отдыхаю. И ты для меня — нормальная девочка! Да, вот так, и никак больше. Не вздумай нос вешать! Тебе нужна поддержка в твоём решении? Протягиваю тебе свою руку, подставляю плечо. Вот только задумайся сначала хорошенько, сядь дома одна, отбрось все и подумай: а действительно ли ты хочешь порвать с прошлым, со всей этой гнусностью, в которой сейчас барахтаешься?

Если да, то «Парус» поможет тебе меня найти. Стану тебе братом.

САША

Здравствуй, девочка!

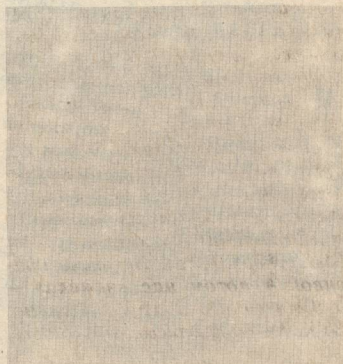
В моем письме ты не найдешь ни слова жалостливого, даже намек на жалость. Но и намек на зло не встретишь. Я хочу помочь тебе — искренне, по-человечески. Не только советом, но и делом. Я ведь сам прошел через все это — бары, ночлежки, где черт ногу сломит. Выбрался. Нашел такой путь, и все ниточки с прошлым порвал. Но рвать пришлось восемь лет. Не в лагерь, не в колониях. Среди людей.

Ты ищешь обыкновенного человеческого тепла, хочешь видеть добрые глаза вместо стальных? А о каком мире ты мечтаешь?

Я не сомневаюсь — найдется человек, который полюбит тебя. Есть еще на свете люди, для которых любовь — не пустой звук. Только вот что: ты должна быть с этим человеком открыта. Он поможет тебе очиститься от брани, от дурных привычек. Но ты должна будешь ему в этом помочь. Главное — не сломайся до конца! Рано или поздно все испытания кончатся. Если захочешь — напиши мне. Мой адрес будет в редакции.

НАТАНИЭЛЬ

Рисунок Александра
КОРШАКЕВИЧА



«Наша жизнь — есть»

Читатели все чаще упрекают нас за публикацию «слезных» писем и тут же рассказывают о своих неудачах, как правило. Неудача, в отличие от большинства несчастий, зависит от нашей неуверенности или неуменья разобраться в себе. Она исправима, если этого — захотеть! Мы попытались слегка домыслить типичные истории из нашей почты, выделить главное в них, и получилось, что вывод (вернее, выход из знакомой ситуации) стал напирать как бы сам собой...

ШПАРГАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ: Если бы каждое несправедливое слово оставляло следы, мы бы все ходили перепачканные.
Вильям ШЕКСПИР

ШПАРГАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ: Воспитание дано человеку именно для того, чтобы скрывать свои истинные чувства в том случае, когда они неуместны.
Виктория ТОКАРЕВА

Как только в класс приходит новенькая, Марина тут же собирает учебники и перебирается к ней — шефствовать. Все уроки с последней парты летит морзянкой торопливый ее шепоток. Мы знаем: всем нам достанется! На перемене новенькая еще больше дичится. На кого-то смотрит с опаской, на кого-то — с нескрываемым удивлением: «переваривает» информацию. Но проходит денек-другой, и все, конечно же, выясняется. Опять Марина про каждого такого наговорила!!! С нею по-прежнему в классе стараются не общаться. И в первую очередь — новенькие.

Валя считает, что искренним человеком быть нелегко, но она не боится трудностей. Не боится резать «правду-матку» любому в глаза:
— Ты где это умудрилась так ужасно постричься? Совсем не к лицу!

— Твой парень такой дурак и урод, что у тебя с ним общего?

— Скажи своей мамаше, что таких старомодных пальто уже лет пять никто не носит...

— Ты на уроке все тянешь руку — выделиться стараешься...

— Все знают, что ты упрям, как осел!

— Обижаясь на меня? За правду? Лучше бы мне соврать? А вот я не умею...

Мы как-то пытались ей объяснить, что бесцеремонность обычно граничит с хамством. А искренний человек — это тот, кто искренне старается никому не портить настроение по мелочам. Но Валя не слушает:

— Трусики! Боитесь быть перед собою честными...

А может, она права?

ШПАРГАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ: Хорошими людьми становятся больше от упражнения, чем от природы.
ДЕМОКРИТ

Мое горе в моем характере. Терпеть не могу притворяться. Вот сегодня пришла к маме и сразу, в открытую:

— Ты, конечно, непустишь меня на дискотечку?

— Нет, — говорит, — ты всю неделю мне обещала порядок в своих вещах навести.

— Но, мама, впереди воскресенье, сделаю!

— Нет, — говорит, — ты неделю назад обещала.

— Но ведь это несправедливо, лишать меня отдыха! Непустишь — совсем убирать не буду...

Так вот поговорили...

А сестра у меня — лисичка. Противно слышать:

— Мамочка, тебе надо сейчас помочь?

— Хочешь, за хлебом сбегаю?

— Посмотри, правильно я задачу решила?

— А теперь мне можно в кино?

И, представьте, ей все разрешают, чего ей хочется. Придираются только ко мне...

то, что мы о ней думаем

Вчера позвонил Сергей — беда! Не сдал очередной экзамен. Еще раз такой провал — и ему грозит отчисление. Срочно тащу друга на лекцию по психологии. Все то, что нам «по теме», конспектируем вместе:

1) Человек не в состоянии в один и тот же момент сконцентрировать внимание на двух разных мыслях. Если он на экзамене думает только о том, как бы не получить двойку, знания, сколько бы он ни учил, отступят на второй план...

2) Ваша цель — снять свою напряженность, а для этого надо уменьшить, снизить значимость происходящего. Думайте о чем-нибудь другом. Приятно! Можно петь про себя самую любимую песню. Девушкам хорошо бы взглянуть в зеркало и «подправить» косметику. Безотказное средство — элементарный кистевой эспандер в руках...

3) Перед тем, как войти к экзаменатору, сделайте несколько «спортивных» движений. Нет такой возможности? Тогда напрягайте попеременно различные группы мышц. Для окружающих это совсем незаметно, а вам поможет «собраться», «включиться».

4) Прежде чем тянуть билет, медленно вдохните и еще медленнее выдохните. Еще и еще раз. Это снимет предэкзаменационную дрожь. Теперь — за билет!

Сам я всегда сдаю по этой методе и ни разу не получил балл ниже заслуженного. Целый час убеждал в этом Сергея. Но, боюсь, бесполезно — поплелся друг в очередной раз писать «шпоры»...

ШПАРГАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ: Любое препятствие можно преодолеть лишь настойчивостью.
Леонардо да Винчи

Когда мне подарили яркую детскую книжку на английском, я никак не мог дождаться, когда, наконец, начну изучать этот язык. Пока дождался — остыл. Классе в девятом решил: «Возьмусь!» Не вышло: подкатили ответственные соревнования по баскетболу, все свободное время тратил на тренировки. На первую же зарплату купил комплект английских пластинок, но... сломался проигрыватель. Пока его чинили, увлекся чем-то другим. Засветила зарубежная командировка — срочно записался на курсы интенсивного обучения. Поездку вдруг отложили — занятия прекратил. Ну, никак не хватало времени...

Очень хочется изучить английский. Вот когда выйду на пенсию...

ШПАРГАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ: Истинной дружбой могут быть связаны только те люди, которые умеют прощать друг другу мелкие недостатки.

Жан де ЛАБРЮЙЕР

А вот мы с моим лучшим другом почему-то то и дело ссоримся. Но, слегка поостыв, я сажусь и пишу список его недостатков. Рядом — список его достоинств. А завтра пишу список своих достоинств и недостатков. Потом вычеркиваю из обоих списков одинаковые слова. Остается-то, в общем, много — то, из-за чего и ссориться-то, в общем, смешно...

Оформление Татьяны ЦАРЕВОЙ

По «не счастьям» дежурили
Алексей ВОРОНИК и Тамара САХАЩИК

Татьяна КОНОВАЛОВА

Автор этой поэтической подборки — минчанка. Родилась в 1967 году. Окончила училище электронщиков, мехмат Белорусского государственного университета. Сейчас работает в НИИ ЭВМ.

Как видим, перед нами обычный жизненный путь последовательного «физика». Однако анкета в данном случае еще ни о чем не говорит. Стихи Татьяны Коноваловой, на наш взгляд, — лучшее доказательство того, что вечный спор «физиков» и «лириков» беспредметен. Поэзия живет не где-то вовне, а внутри нас, и когда однажды вдохновение коснется своим крылом заветных струн, — рождаются вот такие строчки.

«...отпечатки пальцев, стучавшихся к богу»

ЭТО — Я!

Разметавши раскосые звезды,
Прыгну в небо, лишенное света,
И возьму для себя псевдоним
Ослепительно-дерзкий «К. Омета».

Пробегу по путям
Планетарных натужных вращений,
Прокричу вам о зверствах
Атеизма, любви и крещений.

Буду млеть, извиваясь,
И капать, и плавиться сальцем,
За Луну зацепляясь
Искровавленным сломанным пальцем.

Прыгну в небо совсем не затем,
Чтоб быстрее закрутилась Земля,
А чтоб стало понятно для стен:
«Это — я! Это — я! Это — я!»

СТИХОТВОРЕНИЕ О БОРЬБЕ РАСЧЕТЛИВОГО РАЗУМА С НЕИСТОВСТВОМ ОДИНОКОЙ ДУШИ

Как будто тучка,
Как будто мошка,
Парит над свечкой
Рябая кошка.

Как будто хочет
Рябая кошка
Убавить пламя
Свечи немножко.

Так ум холодный,
Как кошка, праздный,
Все гасит свечку
Души опасной.

Но бесполезно!
Но бесполезно!
Дымятся крылья
И хвост облезлый.



В который раз под душем фонаря
Стою и свету подставляю руки.
И с красных рук, невидимо горя,
И с красных рук, невидимо горя,
Стекают за день выцветшие звуки.

Урчу от счастья, искренне любя
Ночной фонарь в безлюдном, тихом месте,
Куда бегу от мира, от себя,
Чтобы побыть с другой собою вместе.

Когда не сплю, бываю только здесь,
А в снах придумываю города и страны,
Картины, чувства, мысли и людей,
Считающих меня не злой, а странной.

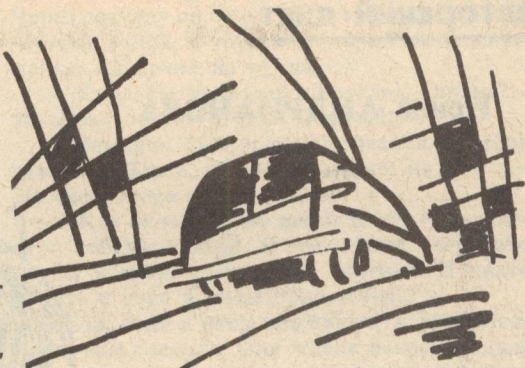
Сейчас придумаю себе любовь,
Гнеущий страх и шуточку с пошлинкой,
Раскрашусь в жизнь. А стану под фонарь —
И растворится краска в свете липком.

Оформление Александра КОРШАКЕВИЧА

Черный плед натягиваю на голову,
Музыку в наушниках — на полную громкость.
Не вижу зеркало и посуду столовую,
Не слышу города морозную ломкость.

Считаю часы с циферблатом светящимися.
Все, конечно. Мир улетает в пространство.
На долгие годы, под гору катящиеся,
Погружаюсь в поющее черное царство.

От меня в ваш мир — только провод наушников.
Последнюю связь обрубая безжалостно.
Выплываю в форточку. Мимо кафельных
нужников,
Матерящихся запахом, пролетаю радостно.



Я завтра утром стану доброй:
Поверю в роскошь куцей елки,
В зеленый цвет и ярко-желтый
Покрашу павшие иголки.

Земную боль скрипящей двери
Уменьшу маслом из лампадки,
Переложив от батареи,
Спасу от смерти шоколадку.

Души второе отражение
Не прогоню я, став покорной.
И в благодарность за решенье,
Ко мне природа станет доброй.

Мое измученное ухо,
Что тишины устало ждать,
Начнет улыбчивая кошка
Хвостом украдкой щекотать.



Слезящийся провод исходит искрами,
Мой след — спиралью по звездному фону.
Меня нагоняет пространствами мглистыми
Рука: «Испугалась? Тебя к телефону».



Я выхожу на каждой остановке.
Крадусь к тебе в ночной подъезда согреться,
В почтовый ящик опустить письмо,
На грязный пол глядеть — не наглядеться.

Я выхожу на каждой остановке.
Сажусь на снег, ведь вмиг не догадаться,
В какой из всех домов огромный город
Вместил тебя. Без злости, может статься.

Я выхожу на каждой остановке.
Чтоб дверь твою обнять и щель в дверях
Закреть собой, как амбразуру дзота!
Ты снова заболел на сквозняках.

Я так давно молюсь об остановке,
Я так хочу к тебе, чтобы согреться,
Я так хочу... Когда же остановка?..
Когда же вновь о стук споткнется сердце?

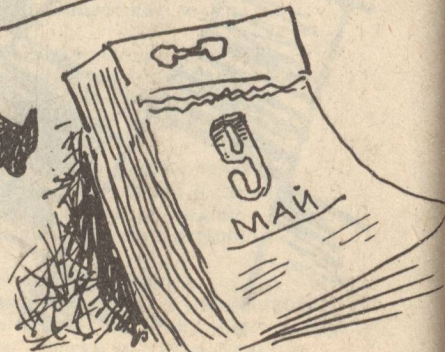
Ирина АНДРИАНОВА



ПЛАН

ТОКМАКОВ
ПЕРЕУЛОК. 8 МАЯ

Повесть
ЧЕРТ



ГИЗ

Квартира давно стала вонючей: в ней не убирались, наверное, месяцев семь. Не мыли полы, не выметали слежавшуюся грязь из-под мебели, шторы тоскливо висели, пропитанные уличной гарью и пылью; одежда, скомканная, нестираная, невыглаженная, валялась повсюду. Неделями о ней не вспоминали.

В кухне стоял кислый, въедливый запах дешевых сигарет «Стрела»: именно их курила последний год Эльза. К плите в засохшей корке десятков наслоений — молока, кофе, супа, брызг горелого сливочного и подсолнечного масел — не хотелось приближаться...

Эльза проснулась восьмого мая в шесть часов утра — небывалый случай — и лежала с закрытыми глазами, представляя квартиру в полном блистательном запустении. Сегодня Эльзу ждал подвиг: ей предстояло проделать генеральную уборку — так она решила бесповоротно недели две назад. Сегодня у Эльзы вообще намечался тяжелый день.

Она, наконец, встала, натянула замызганный старенький халат, влезла в бесформенные, рваные шлепанцы, вышла в серую кухню. Там закурила и сунула под водопроводную струю чайник с рыжими боками. Происхождение рыжины было то же, что и корки на плите.

В глубине квартиры хлопнула дверь. Отец.



Через секунду он с красными глазами, всклокоченный, седой, в трусах и старой заношенной майке, выскочил на кухню.

— Куда ты дела мою Розалию, дрянь?! — закричал отец. — Куда?! Отвечай!

— Замолчи, фазер, не надрывайся, — лениво ответила Эльза, шмякнув чайник на плиту. — Не твоего ума дело.

— Как не моего ума дело? Как?! Розалия — моя собственность! Я ее купил, заработал потом и кровью! Отвечай, скотина! И хватит курить с утра в моем присутствии!

Эльза, стоя к отцу вполоборота, внимательно за ним следила. Она ждала некоего, одного ей знакомого момента, когда можно было наступать. В какую-то долю секунды Эльза поймала этот момент и заверещала:

— Не смей подходить ко мне, старый ублюдок! Я не отдам тебе Розалию! Чтобы ты ее пропил со своими подружками! А-а-а, зна-аю! Ты забыл, какой сегодня день, папашка дорогой! Тебе плевать на этот день и на все! Ты синеглазок своих обожаешь! Вот и иди, иди, катись, вали, уматы-ывай!!!

Отец стоял у двери и слушал ее проникновенный монолог. Потом, когда в затхлом воздухе кухни истаял заключительный надрыв Эльзы «ывай!!!», отец подтянул с треском трусы и уже тихо, но все же злобно сказал:

— Не ори, дура. Не ори. Помню я, какой день. Ко мне сегодня гости придут.

В планы Эльзы никак не входили отцовы гости. И она снова закричала:

— Какие гости?! Какие?! Посмотри, глаза-то разуй, везде срач! Ты будешь убирать?! Ты — это дерьмо вылизывать?! И потом, папашка, ты сегодня не имеешь права быть здесь! Веди гостей к своим синеглазкам!

— Какая же ты дрянь выросла, вот стерва. Мне, родному отцу, указываешь, как себя вести и где быть? Это ты сегодня смотаешь отсюда, чтобы духу твоего не было, а я посижу с нормальными людьми, с гостями. Могу я по-человечески посидеть здесь с людьми?

Эльза все время наблюдала за отцом: в свои шестнадцать лет она была опытной скандалисткой. Ни одно его движение, всплеск, намек, срыв не ускользали от ее пытливого внимания. Сейчас Эльза почувствовала: отец сдается, он иссяк, еще одна маленькая атака, и он исчезнет, испарится из квартиры, как сон, как утренний туман.

— Если ты не вернешь к вечеру Розалию, я сообщу в милицию, что ты — воровка, — хмуро подытожил он, повернулся и прошлепал в свою комнату.

Через пару минут Эльза уловила звук гитары — до, ре, соль, до — и прелюдию Баха вслед за плоскими до, ре, соль. Отец всегда, как они поскандальят, играл классическую музыку. Здорово у него получалось, так здорово, что Эльзе хотелось плакать, сидя на шатком обшарпанном табурете в грязной кухне.

Она вернулась в свою комнату, открыла форточку, щелкнула клавишей магнитофона. Во. Класс. Поп-группа «Блю систем» — громко, мелодично, взбадривающе. Ей, Эльзе, никак

нельзя раскисать под отцовские гитарные страдания, ей вообще противопоказано раскисать: она — железная, нестигаемая девочка.

...Когда отец ушел, Эльза не слышала. Попила чаю с бутербродом, потом умылась — она многое делала наоборот; налила в ведро воды и пошла искать тряпку для мытья полов. Давным-давно тряпок таких в доме не водилось. По крайней мере уже год — ни тряпок, ни порошков, ни всяких там приспособлений для мытья раковин и унитазов. Так, отец купит пару кусков мыла в месяц, и ладно. Трусы, колготки, лифчик постираешь — и слава Богу. А тут — половая тряпка...

Эльза выдвинула нижний ящик своего шкафа, вытянула из вороха барахла мятую рубашку — еще год назад эта рубашка в яркую клетку, с погончиками, застегивающимися карманами нравилась Эльзе — и бросила в ведро. Рубашка потонула в мутноватой воде мгновенно, как корабль с пробитым днищем.

Эльза решила открыть окно — все же свежий воздух бодрит, дает стимул к желанию убираться, как учили в детстве: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья».

Окно медленно распахнулось. Эльза взобралась на подоконник и уставилась на двор — на детские грибочки, песочницы, чахлую первую зелень и каких-то двух мужиков, беседующих неторопливо, по-соседски у подъезда.

Солнца не было. Было некое мягкое, теплое, волнующее состояние в природе. Ощущение большого солнца где-то близко, рядом. Вот-вот оно разорвет серебристые тучи и порадует мир личным присутствием. Вот-вот... Пора бы уже. Все-таки весна, восьмое мая, предпраздничный день и еще эти — наши лучшие друзья: солнце, воздух и вода.

Серебристые тучи сковали небо. Эльза нахмурила брови. Тут звякнул телефон. Она молча сняла трубку. Она никогда не говорила дурацких слов, по сути в никуда: «Але», «Здрасьте», «Я слушаю», «Квартира такая-то». Даже «ку-ку» не говорила. Если кому чего надо, сами скажут.

— Кто это? — нервно потребовали в трубке. — Але! Але!

— Это я, тетя Валь, — ответила Эльза. — Чего тебе?

Звонила сестра мамы.

— Девочка, здравствуй. Ты помнишь, какой сегодня день? Ты уж прости, что напоминаю.

— Помню. Ну и что?

— Хочешь, можем встретиться. Приезжай ко мне. А? Пора мириться, девочка.

— Посмотрим.

— Приезжай. Блинов напеку. Рыбка красная есть — в заказе достала. Твоя любимая.

С тетей Валей Эльза за этот год ссорилась по-крупному раз десять. И каждый раз после обидных монологов они пытались мириться. Вернее, пыталась тетя Валь. А сегодня как раз был мощнейший повод для родственного воссоединения.

Тетя Валь была старой девой, жила одна в чистенькой, вылизанной в квартире: Эльза не любила поэтому гостить у нее.

— Договорились? Придешь? Только позвони перед выходом. Чтобы я блины поставила, — просительно сказала тетя Валь. Помолчала и добавила: — Надо быть ближе друг к другу.

— Ладно.

Эльза положила трубку. Поговорили. Чего сегодня все лезут к ней в душу? Напоминают заботливо? Вопросы задают — помнишь, не забыла? Думают, она — обезьяна, лишенная памяти?

Эльза помнила о сегодняшнем дне весь год. Каждый день. И летом, и осенью, и в снег, и в дождь, и во время страшных скандалов с отцом. Но какой толк в ее памяти?

Год назад, восьмого мая, Эльза позвонила домой между третьим и четвертым уроками. Первый и последний раз в жизни она звонила домой из школы. Была причина для этого звонка, можно сказать, экстренный момент.

В комнате, где обычно восседала старая, седая секретарша директора, с остекленевшими глазами и вечной жесткой химией, пусто было — повезло: сумеречный день пробивался сквозь железную решетку на окне. Зачем в школе по всему первому этажу в окна вделаны решетки?

Мать подошла не сразу, на третий гудок. Это разозлило Эльзу. Она знала — телефон стоит рядом с матерью: протяни руку и сними трубку.

— Дочка? — спросила мать тихим голосом.

— Я, ма, я, ты просила, я звоню, — быстро проговорила Эльза. — Отец дома?

— Он ушел. Как твои дела?

— Тип-топ. А ты как?

— В порядке. Не волнуйся.

Бог мой, Эльза и не думала волноваться. С чего бы ей волноваться? На улице — весна, завтра — День Победы, всенародный праздник, она с командой решила смотаться в парк Сокольники, поглазеть на народное ликование. Настроение боевое.

— Ладно. Ты там не скучай, ма. Почитай чего-нибудь.

— Дочка, ты не могла бы сегодня прийти пораньше? — спросила мать.

— Ты же знаешь, у меня шесть уроков. Последний — алгебра. Не хочу на Антошку нарываться. Не отпустит.

— А ты объясни Антонине Ивановне, что мама просила. Она отпустит, — сказала мать.

— Ладно. Попробую. Но не обещаю. Отец-то когда придет?

— Не знаю. Ты же знаешь, в каком он сейчас настроении, он ничего мне не сказал, — мать как всегда защищала отца.

— В настроении, не в настроении. Он же обещал сегодня не уходить, — раздраженно пробубнила Эльза.

Мать промолчала. Эльза слышала, как бурлил школьный коридор, как с визгом и криками носились малыши из начальных классов. Надоел ей смертельно этот разговор с матерью, зачем только она позвонила?

— Дочка?— испуганно позвала мать.— Ты где? Дочка!

— Да, здесь я, здесь. Мне пора, ма.

— Что, уже звонок?

— Да,— соврала Эльза.— Ну, все?

— Приходи пораньше. Я тебе расскажу про Токмаков. Ты же любишь про Токмаков?!— в тихом голосе матери Эльза уловила отчаяние.

— Ладно, ладно. Договорились, ма. Пока.

Эльза шмякнула трубку.

Ни у кого Эльза не собиралась отпрашиваться. Последним уроком у них сегодня, восьмого мая, была физра, а не алгебра. И вообще у них сегодня было не шесть уроков, а пять. И после пятого урока она потащится к Панку слушать новые записи.

Зачем она только звонила из школы домой? Да мать утром попросила. Ну и что? Странно попросила: «Дочка, позвони мне сегодня обязательно. Позвонишь?» Ну, так что из этого? В чем, собственно, трагедия? Попросила — и попросила. Она, Эльза, примерная дочь, выполнила материнскую просьбу. Все. И на этом хватит. Никаких Токмаковых переулков.

Школьные коридоры были залиты серебристым светом пасмурного дня. Со стенгазет, висящих на стенах, плоско, плакатно пестрели слова: «Да здравствует День Победы!», «9 мая — День Победы!», «С праздником, дорогие товарищи!»...

Эльза сползла с подоконника и начала двигать мебель: стулья, стол, драное, с прожженной обшивкой кресло. Потом вытянула из мутной воды тряпку-рубашку, еле-еле ее отжала, бросила на унылый пол. Тряпка чвакнула, растеклась кляксой. «Господи! Как неохота!» — подумала Эльза.

Надо было залезать во все углы, под книжный шкаф, тахту, выгребать оттуда хлопья старой, свалявшейся, как шерсть больной собаки, пыли.

Надо было, наверно, для начала промыть стекла книжного шкафа — тусклые, заляпанные десятками рук. Все, кто приходил к Эльзе в гости, искали на этих полках детективы и фантастику. Сроду у нее в доме не водилось подобной дребедени!

Надо было вытряхнуть из двух ваз — они стояли сиротливо на подоконнике — сухие, мертвые давным-давно цветы. Астры и окаменевшие розы. Астры еще осенью притащил Панок, а потом полез целоваться. Розы она своровала, на спор, на глазах у команды и всего честного, равнодушного к подобным подвигам народа. У памятника Пушкину. Кажется, еще прошлым летом произошло это историческое событие?

Надо было разобрать завалы одежды на стульях, что-то перевесить в шкаф, что-то отнести в ванную комнату, что-то проветрить на балконе. И все проделать быстро, радостно, с чувством: «Ах, я какая умная, хорошая! Все у меня в руках горит!»

Эльза злилась и продолжала чвакающей тряпкой возить по полу. Черт побери. Сегодня, восьмого мая, никакого нет настроения: с от-

цом поскандалили, тетя Валя зовет мириться — на фиг она сдалась...

В квартиру позвонили. Эльза, натыкаясь на ведро, стулья, кресло, выбралась из комнаты и, пройдя по узкому, черному, как тоннель, коридору, открыла дверь.

На пороге красовались Гиви и Панок.

— Здорово, Эльза,— сказали они оптимистически.— Мы к тебе. Фазер на хате?

— Нет,— машинально ответила она. Не хватало сегодня еще этих двух козлов! Не желает она их видеть больше двух минут.

Но они, здоровилы, ввалились, просочились в квартиру, протопали по коридору — завсегда-тай, маршрут знают, добрались до комнаты и заржали — иго-го! го-го! га-га!

— Ты чего, мать, рехнулась? Служба быта на дому, бесплатная? Марافет наводишь?— возрадовались они, словно увидели не перевернутый вверх дном, а праздничный стол со свечами и десертом в фарфоровых вазах.

— Убираюсь,— отрезала Эльза.— Короче, что надо? Через час ухожу.

— Эльза, а мы новые записи принесли. Прогдегустируем?— сказал Панок и вывалил из сумки штук пять кассет в драное кресло.

— Я же сказала — ухожу. Выкатывайтесь. Концерт окончен — скрипки в печку.

Эльза взгромоздилась на подоконник снова и закурила.

Зря она закурила. Это была ее стратегическая ошибка. Панок и Гиви тут же вытащили свои пачки и закурили тоже. Уселись на стулья — на ее юбки, джинсы, лифчики, колготки: все ясно, они намерены здесь балдеть, долго и упорно.

— Хорошо,— вдруг уступила Эльза.— Поставьте вон ту кассету, красненькую. А потом — чтоб я вас долго искала.

Панок вставил в пыльный магнитофон кассету, загремела железобетонная музыка.

— Ты что, кого-нибудь ждешь?!— заорал Гиви, стараясь перекричать магнитофон.

— Жду!— проорала Эльза в ответ.

— Кого? Секрет?— подключился Панок.

— Какое вам дело?!— ответила она. Отчитываться перед этими? С какой стати?

— Хотим на него посмотреть!!!

— Идиоты!!!

— Эльза! Брось — от друзей — тайны — у-тю-тю!!!

Они заржали. Эльзе не понравилось, как они лезли ей в душу. Слишком самоуверенно гоготали, нахально, вольно сидели. Она внезапно почувствовала — у них на уме пенятся грязные мыслишки. Может быть, в другой раз она бы их поддержала, но не сегодня же — восьмого мая?

— Ты — классная чувиха!!— заорал Панок.— Мы тебя без боя не отдадим!! Давно не танцевали, френдуга!!

Панок вскочил и схватил Эльзу за плечи. У него были горячие руки. «Пьяный!» — ошпарило Эльзу. От Панка несло за версту спиртным. Как она не почувствовала этого раньше, с самого начала их сумбурного общения?

— Где нажрался, скотина?!— заорала Эльза, отталкивая Панка.

— У-тю-тю! Фазер на День Победы припас, а мы с Гиви обнаружили!

Панок ни с того, ни с сего начал слюняво целовать Эльзу в губы, шею, щеки. Он крутил ее, как тряпичную куклу, здоровый все-таки был Панок, гадость какая.

Сзади пристроился Гиви — он обнял извивающуюся парочку, тяжело дыша Эльзе в затылок, хлопая то и дело простуженным носом. Со стороны, наверное, мерещилось: восторженные детки веселятся, радуются жизни, переполненные добрыми чувствами, симпатией друг к другу.

Страх захлестнул Эльзу. Никогда в жизни она не испытывала такого страха. Последние две недели она и так была слаба, теперь же совсем, с каждой секундой теряла остатки сил: у нее подламывались ноги, руки начали мелко трястись. Панок с треском оторвал верхнюю пуговицу на ее халате.

Внезапно музыка оборвалась. Эльза воспользовалась тишиной и закричала отчаянно:

— Помогите!! Люди!!! Помогите-е-е мне-е-е!!!

Откуда только появились силы — нечеловеческие, неистовые, будто внутри включили одновременно тысячу моторов? Она оторвала от себя Панка, стяхнула с плеч Гиви, выбежала в коридор, распахнула дверь:

— Подонки!! Выметайтесь!!

— Идиотка,— пробурчал Панок, бочком прошлепав мимо,— недотрога фигова.

— Дура ты, Эльза, и не лечишься,— изрек Гиви; он тащился за Панком, след в след, как верный пес.

Уже у лифта они бодро, нестройно заорали:

— Этот День Победы! Порохом пропах!! Это праздник!! С сединою на висках!!

Эльза слышала, как подошел лифт, как лягнула дверь, исчезла, провалилась песня.

Она стояла у открытой двери, прислонившись к косяку, ее трясла противная, крупная дрожь, она чувствовала: лицо и спина липкие, холодные от пота.

Из соседней квартиры в приоткрывшуюся дверную щель выглянула соседка Анна Ивановна.

— Чего орешь-то? — любопытствовала она.— Милицию вызвать?

— Пошла ты со своей милицией куда подальше,— рывкнула Эльза.

— Во, во, хулиганка,— заняла Анна Ивановна.— Во, что творит. Ни днем, ни ночью покою нет. То орут, то посуду колотят, то гитары щиплют... Табор!.. Ты же — девушка. Понимаешь, девушка...

Эльза подскочила к соседней двери и рванула ручку на себя. Если бы Анна Ивановна не оказалась проворной пенсионеркой, ее нос непременно остался бы снаружи.

— Хулиганка! Сейчас позвоню в милицию! — заорала соседка за дверью. Заорала всласть, в собственное удовольствие.— Вы все — нынешнее поколение, не люди, мутанты вы, вот кто! Му-тан-ты!

— Молчи, козлица,— прошипела Эльза, пристукнув дверь ногой.

По квартире гулял сквозняк. Бумажки, пыль, обрывки газет кружились по комнате. Эльза с треском захлопнула окно, плюхнулась в кресло. Под ней хрустнули кассеты Панка. «Черт! — Эльза выбросила их одну за другой на пол.— Забыли, идиоты!»

Так она сидела, тихо, без движения, долго-долго. Ей казалось, шевельнись она сейчас, что-то надломится в мире, вместо серого мягкого дневного света навалится ночь, или яростный ветер выбьет легко и мощно стекла в доме, или она, Эльза, несгибаемая, железная девочка, заплачет. Что она делала ровно год назад, восьмого мая, когда ушла из школы?

...После уроков Эльза три часа просидела у Панка, в его дебильной квартире с мещанским пузатым хрусталем в горке, коврами и бабкой, которая каждые пять минут заглядывала в комнату. Плевали они с Панком на бабку, слушали новые записи. Панок, правда, глупо закатывал глаза, качал головой, будто китайский болванчик, и мотал туда-сюда ногой. Туда-сюда, в рыжем от пыли и долгого ношения тапке. Туда-сюда. Туда-сюда.

Эльза не слушала музыку. Она вся была напряжена: сжав кулаки, опустив голову, выжидала время. Зачем? Зачем? Время, почти осязаемое, сочилось в груди по капельке — кап-кап, настоящая вода, а не время... Эльза не хотела идти домой.

Что ее могло там ждать? Тишина, полумрак, больная мать, тусклый свет ночника: люстру включать категорически запрещено — яркий свет раздражает больную. Отчего именно сегодня матери захотелось пораньше увидеть Эльзу?.. Видите ли, мать мечтала вдариться в воспоминания о Токмаковом переулке. О том месте в Москве, где родилась, выросла, вырзела в розовощекую крепкую девушку с вороной косой и кротким взглядом робкой горлинки.

Эльза тысячу раз слышала все эти ностальгические рассказы: про довоенные керосинки, бесконечную, уходящую за горизонт коммуналку, банные дни на кухне, когда в корытах и тазах плескались сначала женщины, потом дети, последними мужчины. Про тетю Валю, самую упорную из маминой семьи, поступившую в вуз учиться на инженера. Про дядю Егоркина, соседа-алкоголика, доброго и смешного, как дворовая собака. Про седую крысу — хитрейшее животное, таскавшее с подоконников куски хлеба, колбасы, сыра — коммуналка жила в полуподвальном помещении. Про праздники, когда все дружно пили и ели, а потом танцевали под гармошку во дворе. А еще про то, как в восьмиметровой комнате теснились мать, ее сестра Валя, старший брат и отец с матерью — Эльзины дед и бабка. Дед часто приходил навеселе и безобразно ревновал бабушку, рвал на части ее скромные платья. Зато трезвый он был работающий и добрый, играл с детьми, однажды, перед самой уже войной, принес им банку с рыбками — веселы-

ми гуппи. Бывало, дурачился — умудрялся ловко встать на голову в их восьмиметровке и зубами брать под общий хохот катушку с пола. ...Дед погиб на войне: служил в санитарной роте, и шальная пуля настигла его. С фронта писал он бабушке: «Забери детей из эвакуации». Сестер — мать Эльзы и тетю Валю отправили в первые же дни войны вместе со школой куда-то под Смоленск. Бабушка успела забрать их — чирыйных, завшивленных, голодных — из страшных прифронтовых мест: теть Валя и мать Эльзы при встрече обнимали колени замученной своей матери, целовали ей руки... А через две недели в те места, куда была эвакуирована их школа, вошли немцы. Говорят, школу всю угнали в Германию... Старший брат матери и тети Вали после отцовской похоронки ушел на фронт, было ему семнадцать лет. Вот так пережили войну: бабушка с девочками в родных рязанских местах — Христа ради по родственникам; брат — на фронте: Бог уберет, жив остался.

А потом, в сорок четвертом, вернулись они втроем — мать и девочки — в свой светлый Токмаков переулочек начинать новую жизнь. Ехали с Рязанщины в переполненных поездах, бабушка как самое дорогое берегла швейную машинку — потом машинка кормила их много лет, бабушка принимала заказы на дому, начиная от шитья нижнего белья и кончая перелицовкой пальто. Мать Эльзы всю дорогу до Москвы топталась на мешке с несколькими буханками хлеба — те превратились в труху. Тетя Валя продиралась на станциях за кипятком и чудом возвращалась всякий раз в товарный вагон, в сизый от людских испарений воздух, пред потухшие, безразличные ко всему глаза сестры и матери... Они добрались до своего Токмакова переулка, под сень вековой лиственницы, тихо обрадовались родной восьмиметровке и зажили, зажили незаметно.

Мать Эльзы прожила жизнь, будто из советской повести или скучных, читанных-перечитанных рассказов. И вот это-то должна была выслушивать Эльза.

Ну какое, скажите, дело Эльзе до той жизни, до Токмакова переулка, до розовощекой, толстокосой послевоенной девушки? Разве та — смешная, непонятная — ее мать?!

У нее, Эльзы, — своя жизнь. Раз-два-три. Интересная, наполненная. Друзья — мальчики, команда. Любимый парень — Черт. Высокий, гибкий, черноглазый. Она любила его давно. Много думала о нем, про себя твердо решила, что однолюбка, верный человек, как жена воина или тоскующая рыбацка. Никогда и никого больше не полюбит. Только корешки из команды говорят, что по вечерам его последнее время видят с другой чувихой. Это невозможно — ведь Эльза решила посвятить стройному красавцу Черту жизнь.

Подумаешь, Токмаков переулок... Нужны большие рассказы про него. Мать еще давным-давно звала ее погулять в этот самый Токмаков. Но как-то не получалось. Не выходило. Не складывалось. Мать говорила,

что там — особый воздух, особый свет, иные, чем по всей Москве, люди. Там после дождя от деревьев исходит манящий лесной дух, а цветы на самодельных клумбах благоухают земляникой.

Эльза не могла представить себе этот рай. Ее злило то, что мать последнее время только и вспоминает детство, юность, чугунные утюги и жареную картошку с луком, вкуснее которой, если верить матери, нет ничего на свете.

Еще мать говорила что-то о корнях, о памяти... Мол, надо помнить, и помня — жить. Это пусть мать помнит о своем убогом Токмакове, а у Эльзы — нет памяти, сплошной сегодняшней день, команда, Черт, красивые прогулки по Пушки и Пешков-стриту, современная музыка, куртки с заклепками и вареные импортные джинсы; ну, немного семейной хроники — отец со своими дорогими гитарами, тетя Валя — мамина сестра, на каждый день рождения дарящая Эльзе дорогие снегосшибательные духи, мать — стирающая, готовящая обеды, ужины, завтраки, с сумками, в поношенных сапогах и тысячу лет назад связанном берете, с темными, вечными кругами под глазами.

Паршивая, в общем-то, хроника, дохлая. Для личного пользования.

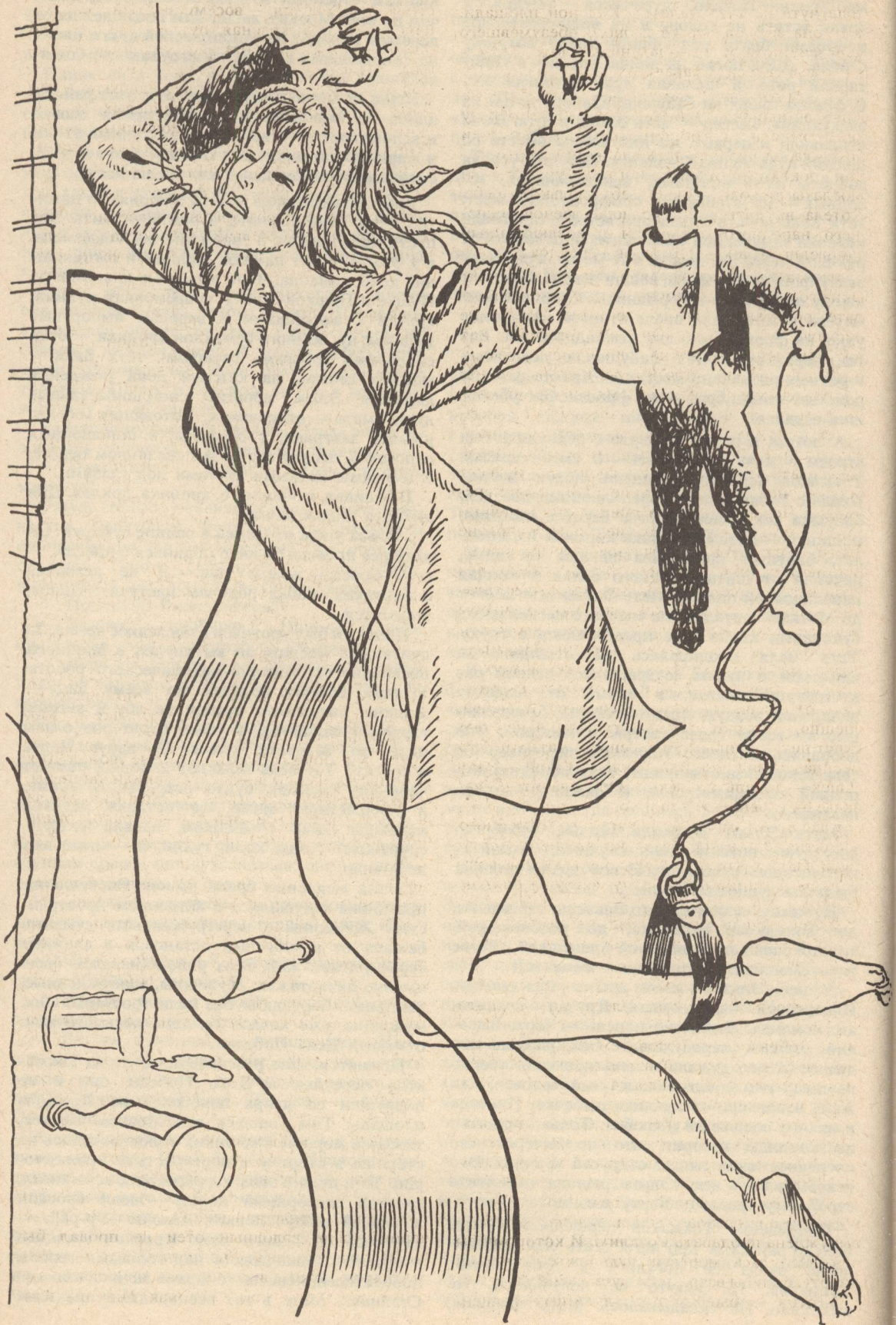
...Эльза ушла от Панка в ранние сумерки. Он хотел ее проводить, вяло поднялся с кресла.

— Брось, — велела она. — Я не девчонка в бантиках. Бабка родичам настучит, Панок. Взбесятся.

Панок ей был противен в последнее время. За считанные месяцы он вытянулся в длинного, нескладного, скованно-механического робота. У него волосы полезли по всему лицу — жидкие, нахальные; прыщи на лбу и висках, глазки — слюдяные, глупые. Будет она с ним идти по вечерней улице. А вдруг Черта встретят? Тот ведь хмыкнет холодно, резанет черными глазами, будто острыми лезвиями, и проществует мимо, не оставив никакой надежды: а-а, с Панком начала ходить, с урюком? Ходи, ходи, гуляй, я — мимо вас, дети мои...

Эльза медленно брела домой. Наступление праздника ощущалось в ветренном пространстве. Женщины с перегруженными сумками бежали от автобусных остановок в длинные серые пятиэтажки. В их районе навалом было именно пятиэтажек. Мужчины, возбужденные, хмельные, борздили без цели тротуары. Они, мужчины, уже начали сегодня, восьмого мая, отмечать День Победы.

Помнится, мать рассказывала, что из Токмакова переулка в День Победы она и ее подружки со двора понесли на Красную площадь. Там сошлась вся Москва. Глухое, тяжелое море человеческих голов моталось из стороны в сторону в перекрестьях прожекторов. То и дело в этих перекрестьях вспыхивал, сверкал серебряный дождь — люди бросали в черный воздух деньги, мелочь. «Ур-ра!» — катилось из одного края Красной площади в другой. Подкидывали над головами героев, победителей, ненасытно ждали великого вождя Сталина... Мать в тот всенародный праздник



девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года чуть не затоптали на Красной площади. Как она выбиралась из черного обезумевшего человеческого моря — помнила плохо. Повезло — выбралась. Слава Богу.

Еще мать рассказывала, что почему-то на Красной площади, в День Победы, она ни разу не вспомнила о погибшем отце. О своей жизни помнила, за нее боролась слабыми от недоедания локтями, тощими ногами, уродливыми мослатыми коленями. О себе, только о себе. Хотела вырваться из грозного, всепоглощающего народного ликования в возлюбленный заповедный рай — Токмаков переулок...

У дома Эльза долго стояла, смотрела на окна. Окна горели ровно, обычно — на кухне и в комнате родителей. Что-то держало Эльзу, не пускало в подъезд. Она представила, как поднимается на лифте на родной восьмой этаж, открывает дверь, полминуты шуруя ключом в заедающем в последнее время замке; как мать посмотрит на нее длинно, тоскливо с тахты и тихо скажет: «Что же ты, дочка? В школе задержали? Я так ждала тебя. Я хотела рассказать тебе о...». И снова произнесет ненавистное Эльзе сочетание «Токмаков переулок»... Через час-другой придет отец, пробормочет: мол, опять собрание, задержали, не театр, а сплошные заседания с оргвыводами, поставит чайник на плиту. Мать тяжело, без слов встанет, но будет видно, что это вставание — подвиг, прошаркает на кухню, чтобы пить со всеми вместе чай. По-семейному, так сказать, в узком родственном кругу... В комнате после матери останется тяжелый воздух — кислый, прогорклый. Эльза откроет форточку — от двери к окну перебежит не дыша, спешно, с крепко сжатыми губами. А чай они будут пить с сушками и вареньем: мать еще два месяца назад купила килограммов десять сушек — теперь на всю жизнь хватит. А варенье — варенье тетявалино.

Как в эти минуты натянутого семейного чаепития Эльза тосковала по команде, Черту, Гиви, Панку, Козлову, Горохову, по непредсказуемым шатаниям по городу, ветру за спиной. Свободе!

Эльза вошла в подъезд, вызвала лифт и поднялась на восьмой этаж...

Затрезвонил телефон. Эльза молча сняла трубку.

— Добрый день, позовите Генриха Сенеке-римоича, — попросили вежливо.

— Кого-кого? — обалдела Эльза. «Розыгрыш», — решила она.

— Это администрация бассейна? — продолжали вежливо ее пытаться.

— Это морг, — разлилась Эльза и шмякнула трубку.

Так может шутить только Чуня. Из-за которого она влезла в долги. И из-за которого вынуждена продавать Розалию. И которому бы она вцепилась мертвой бульдожьей хваткой в аорту, если бы встретила случайно на улице.

У отца их было четыре, любимых, бесцен-

ных, трогательно хранимых гитары: черная, стройная Розалия — восемнадцатый век, испанская гитара; красная, пузатая, но страшно обаятельная Маргарита — с медовым, глубоким голосом; светлая, как летнее солнце, Софи — девятнадцатый век, и двухгрифовая Лариса — в завитушках, коричневых, лихих, будто влажные волосы танцовщицы. Имена гитарам отец — профессиональный музыкант — дал сам. Они сопровождали его всю жизнь. Вернее, половину жизни.

Незадолго до прошлогоднего восьмого мая мать рассказала Эльзе про отца правду. Мать — странно — в ту, прошлую весну рассказывала много семейных историй. Откуда они повывлезали на свет, разве о таком рассказывают?

Отца, оказывается, перед самой войной арестовали, «забрали», как тогда говорили, и он семь лет провел в лагерях, в Сибири. «А чего его?» — испугалась Эльза, даже коснулась пальцами материнкой сухой руки. «Сталин, — вздохнула мать. — Ты же знаешь про сталинское время, дочка... Мы с отцом познакомились спустя полгода после его возвращения. Он был кудрявый, как цыган, с белыми зубами, веселый, добрый, жил на Арбате, в такой смешной круглой комнате, учился в консерватории. Мы решили пожениться через год. Бегали на концерты раз в неделю, отец работал в ансамбле гитаристов. Я была совсем девчонкой, будущее представляла, знаешь, светло, радужно». «Вы любите друг друга?» — спросила тогда, год назад, Эльза. «Наверное. Но, в общем-то, как-то само собой все сложилось. За меня сватались, и не один, но никто не нравился, а отец... Он был близким. Как Токмаков переулок».

Ага, вот почему Эльзин отец не любил Дня Победы! Однажды к ним позвонили пионеры. «Поздравляем Вас с Днем Победы! Спасибо за детство счастливое наше!» — отрапортовали они, сунув отцу гвоздику и открытку.

Отец застыл на пороге с глупым, пустым лицом, терпеливо выслушал пионерские излияния и сказал: «А я не ветеран, детки. Даже не инвалид. Позвоните в пятьдесят вторую, там Соловьев — воевал». «Мы его уже поздравили, дядя, — ответили празднично настроенные пионеры. — А где же вы были в войну?» У отца побелело и дрогнуло лицо, он, ничего не ответив, захлопнул дверь, заперся в комнате и начал дергать струны черной Розалии. Эта гитара была у отца для самого мрачного настроения... В каждый День Победы он сидел дома, отключив телефон и звонок над дверью, листал книги или спал — в этот день не включали ни телевизор, ни радио.

Эльза знала с самого раннего детства, что гитары отца — страшно дорогие, любая из них могла покрыть годовой долг их семьи. Но гитары были неприкосновенны; даже в самый черный день голодный отец не продал бы их. В свое время, чтобы купить гитары, отец откладывал все лишние деньги, урывал от семьи, мать ворчала: «Ты, как пьяница или

наркоман». Гитары шли к нему в руки по невероятному везению, сумасшедшему счастью. Они, все четыре, прибились к отцу одна за одной — праздничные, великолепные, царские лодки. Они принесли в дом свои сладкие, страстные, томные, нервные голоса. И отец пылал к ним юношеской любовью. Для него они были живыми — Розалия, Софи, Маргарита, Лариса. Ларисой звали мать Эльзы.

А вот она, Эльза, решила продать Розалию. И продаст все гитары, если будет нужно. А что? Ей необходимы деньги, большие деньги — на шмотки, кассетник, косметику. Она хочет быть не хуже других в школе и не намерена ходить в одном и том же сто лет подряд... Отцу пока хватит и трех остальных гитар. Между прочим, он же сам снес какому-то спекулянту месяц назад Брокгауза и Эфрона — за бесценок отдал, четыреста рублей. Эльза узнавала: красная цена редкому словарию пара тысяч. Куда он истратил четыре сотни? На Татьяну Семеновну — Таньку-синеглазку. Он, видите ли, начал ухаживать. Он влюбился в семьдесят лет. Дурак старый.

Пусть попробует приведет только Таньку в их дом. Он узнает, почем фунт лиха. Видела Эльза — и не раз — нынешнюю отцову любовь: зубы железные, на голове — химический баран, платье — синтетика, шестидесятые годы, кримплен, липнет к негнушимся коленкам. Бог мой! Чучело!

Отец продал Брокгауза и Эфрона, а она продаст Розалию... Ведь на самом деле — ей надо рассчитаться с долгом. Тяжелым, как камень, когда о нем вспоминаешь, темнеет в глазах и больно пульсирует в висках.

А долг появился из-за Чуни. Две недели назад. Будто два десятилетия назад, так она ощущала.

Он был суетливый, лысоватый парень, этот Чуня. С круглыми, будто фарфоровыми глазками и гладко выбритым лицом.

Чуня любил поесть-попить, выmaterиться нежно и ласково, вовсе необидно, ловко сажал на колени, руки у него были мягкие, плавные. Поначалу его ухаживания казались дружеской шуткой, невозможно было вообразить, что отношения с этим домашним, теплым Чуней могут зайти дальше шлепков, глупых анекдотов и дурацких подхихатываний...

Они познакомились в феврале, в парке, в вечерний час собачников, когда среди деревьев мелькают разномастные тела собак, слышится порывание, возня, и то тут, то там взвизгивают соскучившиеся по воле друзья человека.

Эльза шла через парк, таща неудобную хозяйственную сумку с неприхотливыми продуктами: буханкой черного черствого хлеба, молоком в пакете, ломтем мокрой вареной колбасы в сырой бумаге.

Эльза обычно возвращалась из своего недолгого похода по магазинам улицей, под мутными фонарями, но сейчас ей хотелось до чертиков курить (в табачных киосках лежала только

махорка, за которой клубилась длинная очередь), и она хлопала по раскисшим от ранней оттепели дорожкам, высматривая курильщицков.

Тут-то и подвернулся Чуня. Он шел, как дурачок, в красивой шерстяной шапочке, зеленом шарфе и бирюзового цвета куртке, весело дымя только что зажженной сигаретой, посвящая рыжей юркой собачке, то и дело тыкающейся в его ноги. «Эдик! Эдя! — звал изредка Чуня. — Не грызи гадость. Кому сказано? Фу!»

Эльза, подавив смехок — до чего забавной парой показались ей Чуня с Эдиком, — попросила закурить.

Чуня оказался обладателем импортных сигарет. И, галантно открыв пачку перед Эльзой, начал сыпать шуточками, избитыми, сотни раз слышанными, но отчего-то в его устах смешными.

Чуня был из бесполезной породы балагуров: мог трепаться, если ему смотреть в рот с обожанием, целыми сутками. У него в запасе всегда были бесконечные анекдоты и броские, надолго запоминающиеся афоризмы. «Мать, елы-палы, чего торчишь, как шпрота в рукомыльнике?» — говорил он, поднимая белесые, детские бровки. Или: «Концерт окончен, скрипки в печку, я пошел домой, мать».

Эльза ни с кем не чувствовала себя так спокойно и легко, как с ним — добродушным, голубоглазым Чуней.

Ему было года двадцать три, работал он в какой-то непыльной конторе, Эльза никак не могла понять, женат ли Чуня: тот все время отшучивался по поводу личной жизни. Да и вроде бы незачем ей выяснять его подноготную. Слава Богу, ежедневно в феврале — марте по часу-полтора они кружили по парку в сопровождении bestолового Эдика, перекидываясь шуточками и покуривая. Чуня раскланивался со знакомыми, будто каждый второй ему кум, сват и брат. Чуня оказался своеобразной знаменитостью района, но больше всего Эльзе нравилось, что у Чуни никогда не стояло проблем с сигаретами: кури — не хочу. При Эльзином суровом денежном режиме и почти полном отсутствии табачной продукции в ларьках это было существенным подспорьем.

Однажды они зашли к Эльзе домой.

— Слушай, мать, хочешь выпить? — предложил добродушно Чуня. — У меня получка сегодня — затарился.

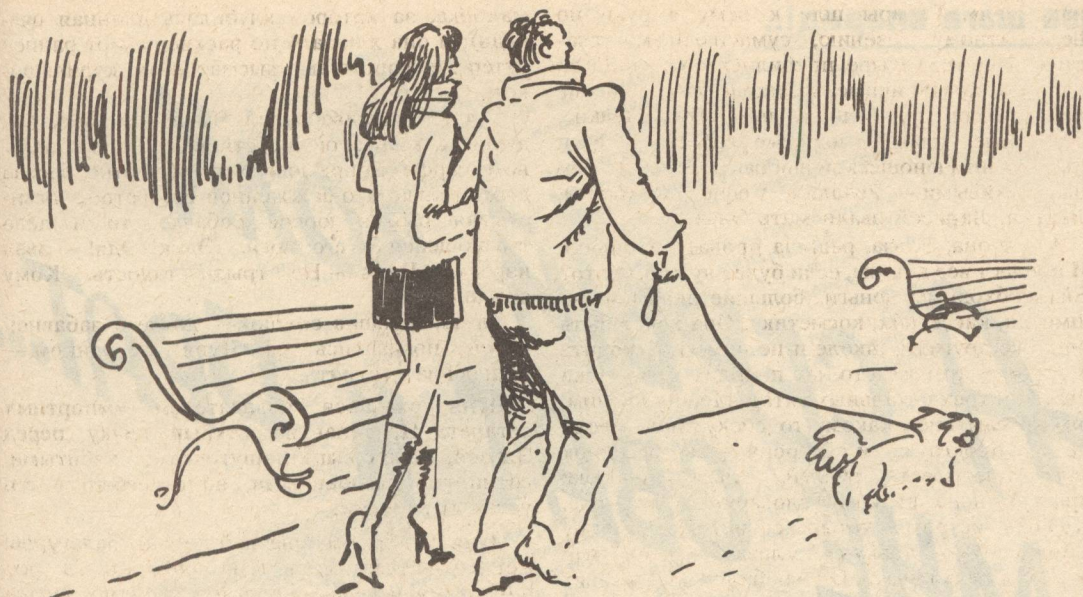
Он приоткрыл борт куртки: с Чуниной груди слепо мигнуло бутылочное стекло.

«А что? — подумала Эльза. — Бьют — беги, дают — бери».

— Давай, — быстро согласилась она.

И вот они уже сидели на кухне, на фоне стен в разноцветные цветочки и ягодки: еще совсем недавно их рисовала мать во время ремонта. На столе стояла обычная, без изысков закуска: сыр, вареная колбаса, овощной салат из банки. Эльза презирала все женские выпендривания, ути-ти, застольные хлопоты. Пили портвейн.

Как оказалось, Чуня затарился не одной



Рисунки Александра КОРШАКЕВИЧА

бутылкой, а двумя. И искренне радовался нынешнему улову: какая редкость, оказывается, взять без очереди хороший марочный портвейн, по пять тридцать. Ты, мать, меня не поймешь, трудового человека. Портвейн — это сила и зелье богов.

Эльзе сначала казалось: ничего не стряется, если она выпьет потихонечку сначала один стакан, а потом — так же потихонечку — второй. Но когда на дне второй бутылки остались жалкие капли, голова ее налилась пульсирующим жаром, поплыла, отделяясь как бы от тела, движения стали неточными, вялыми. Эльзу сместило, что она, как сомнамбула, не владеет своим телом.

Чуня дружелюбно усадил ее на свои мягкие, короткие бедра, дружелюбно похлопал по плечам:

— У-у, какая ты, у-у, щупленькая девочка... Сейчас массажик сделаем.

Он начал перебирать ее острые позвонки на худой спине, втирать мягко и вдавливать. С каждым разом движения его становились вольнее, назойливее, руки ползли на плечи, с плеч — на груди.

Потом все получилось как-то само собой. Они пошли в Эльзину комнату, и Чуня, не снимая горячей ладони с Эльзиной груди, спрашивал:

— А фазерок-то не нагрянет? Мать, представляешь, фазерок нас застучает. Вот картинка-то Репина «Не ждали»...

— Пу-усть, — тянула пьяная Эльза. — Чего мне фазерок сде-екает...

То, о чем она иногда думала, будто бы не про себя, а про другую, светлую, наивную девочку, произошло быстро и легко.

Про светлую девочку она думала: вот явится принц, ну, не принц, а мужественный, красивый человек, осыплет цветами, задарит подарками, а она — от него, от него по лугу, шелковистой траве эдакой молоденькой лошадкой. А он будет ее догонять, и все ближе, ближе, неумолимо приближаться. А она споткнется и красиво так, картинно упадет в траву, раскинет невинные руки. А он встанет рядом на благородное колено, правой рукой возьмет ее левую руку, положит на свою грудь, на мужественное, любящее сердце, и... Страсть с любовью пополам захватит их. Светлая девочка даст робкое согласие, он — мужественный, достойный, нежно и сильно обнимает ее...

В общем, чепуховину она представляла и думала. Детский сад, вторая группа.

(Окончание следует)

А СЕРЫЙ ВОЛК МНЕ СВАТ И БРАТ...

Значит, так. Однажды веселым, светлым утром вдруг подумалось: а почему бы не поискать настоящих мужчин среди егерей? Во-первых, еще классики писали про рыцарей лесных дебрей (помните, у Чехова — ах, как она его любила, картузик его белый все высматривала!). Во-вторых, охота — чисто мужское дело, еще первобытный красавец «с обрывком шкуры мамонта вокруг могучей талии» пользовался особым успехом среди девушек — медвежий окорок приволочет или еще чего-нибудь вкусенького. А риск какой! А сила! А смелость! Охотник часто молчит; то ли плохо умеет разговаривать, то ли зверя боится спугнуть. Молчание — это тоже чисто мужское, тем более, что пока настоящая женщина молчит — настоящий мужчина успеет выговориться. Короче, егерь — это не хуже Тарзана и не слабее снежного человека. А теперь вперед — в туман, за лесом, на газике и с ружьем наперевес...

Вот они, голубчики. Двое под мелким дождем — серые на сером фоне. Что, спрашивается, вы тут потеряли? Конечно, браконьеры, кто же еще? Край леса, погода самая собачья, ветер. Егеря Валера и Володя, шофер Витя, газик, ружье — все в полной готовности.
— Хлопцы, добрый день, зайди курить бы дали, голодные мы

тут... — ишь, какие ловкие, разыгрывают, знаем, знаем. Утверждают, что электрики. Вроде у них тут авария — у-ух, не пережить!

Егеря Валера меня утешает: оказывается, поведение у незаконцев было что ни на есть браконьерское, и то, что они оказались действительно электриками при исполнении, — чистая случайность.

Вообще-то вначале мне Валера жутко не понравился. Ехала к нему и думала: главный егерь Дзержинска сейчас с тозовкой бегаёт сейчас с тозовкой за спиной и авторучкой (для протоколов) за поясом. Весь такой обветренный, омтый дождями, мощный, но элегантный. И вдруг — здарсьте, приехали: открываю дверь, а он сидит за большим бюрократическим столом, обложенный бумагами, бумажками и бумаженциями.

А всем известно, что настоящие мужчины в уютных кабинетах не сидят. Я уже хотела повернуть назад, но командировку-то отменить надо? И вот, пока ставились штамп и подпись, выяснилось, что Валера в кабинете совершенно случайно, надо же шел мимо и решил — надо же когда-то отчет написать. И мы уже больше в кабинет не возвращались.

Конечно, то, что Дзержинское охотничье хозяйство лучшее в Белоруссии — это хорошо. Директор, значит, толковый. Но нас показателями и процентами не возьмешь — не те времена. Нам

Например, выяснилось: что он в одиночку ходит на медведя (двух уколошил); что военная его специальность — сапер, который, как известно, ошибается один раз; что он был в экспедиции на Чукотке;

что «Валера Тихонов никогда мимо не стреляет» (это не он сказал).

Короче, Валера — это то, что нам надо.

— А взятки егерям дают?

— У нас егеря стойкие.

Конечно, поди их проверь, в темном лесу, вооруженных и при исполнении.

— Хорошая у тебя работа: гуляй по лесу, дыши свежим воздухом, дичь к завтраку имеешь...

— Не спорю, неплохая работа, только некоторым нашим дома поджигают, и стреляют в них, и шантажируют. А дичь имеем, как все, по лицензии, да и отстреливать много невыгодно: на следующий год в кого-то палят будешь — в тень прошлого года кабана?

Ловил Валера и больших чальников на незаконной охоте. И ходили в суд зампред РАПО и начальник мехколонны, и сотрудники МВД... Понятное дело, браконьер с ружьем — не благородная девица: «приходит-ся применять силу». Валера — за парное контролирование, запрещает егерям задерживать браконьера в одиночку: риска им

и так хватает. И еще — егерь не имеет права на бурные эмоции. Я все склоняла Валеру к разговору о силе, смелости. Но в ответ — уклончиво: «Хороший егерь должен уметь убеждать и только потом — хорошо стрелять».

— Ну, сам-то неплохой стреляешь, а когда медведя убил, так небось, ножку на него поставил и так сфотографировался?

— Ножу на зверя ставить — это неуважение к нему. Даже убитый он этого не заслужил.

— За что ж его, дикого, уважать?

— У нас с ним единоборство, и то, что я его убил, а не он меня — чистая случайность.

— А с зайцем у тебя тоже единоборство? Хорош — ты с ружьем, а он — бедняк, маленький ты!

— Заяц убежать может, а так не могу.

Ну, хитрюга, умеет выкручиваться. Такого с наскака не возьмешь. Егерствовать начал, как паспорт получил. Задержал полторы тысячи браконьеров. А всего-то ему — тридцатник, как говорится, мужчина в расцвете лет.

— Ну, наверное, и штрафы ты дерешь...

— С кого как. К одному браконьеру домой приехали, а у

нужен человек живьем: чем он дышит, дорогой? Валера молчал. Нет, конечно, он очень интересно рассказывал про отстрел, отлов и отсев, но про собственные подвиги — ни-че-го. Это ужасно утомляло. Хотя, с другой стороны, радовало безмерную скромность украшает настоящего мужчину.



него пенсия 120 да еще большие родители — что с него возьмешь: червонцем отделался. А вот с одного куркуля-любителя дичи за такое же «дело» сотню врезали.

...Газик скачет по бугоркам и ухабам, как необъезженный мустанг. Холодно. В такт газика на его сиденье скачут бинокль, два ружья, я и егеря. Сквозь мелкий дождик видно, как через ситечко: на травке — мама-лосиха, папа-лось и лосеночек — семейная прогулка, так сказать. Правда, у одной лосихи бывает до пяти «полутчиков жизни» (хорошо ей!), и муж и рогом не ведет; у них так принято, в лосином матриархате. «Этот лось — ее самый любимый», — серьезно комментирует Валера. Хочется посмотреть на эту большую любовь поближе. И я медленно выпихиваюсь из машины. Но парнокопытные, видно, улавливают мою черную зависть к их большой любви и начинают удаляться. «Твоя белая куртка их пугает», — говорит Валера. А его самого не боится никто: «Вон мой знакомый лось». Друзья они, оказывается.

— Валера, а у егерей есть профессиональные болезни?

Сейчас начнет заливать про огнестрельные и ножевые раны от браконьеров.

— Простудные, в основном. Пролежишь несколько часов в засаде, побегашь под дождем и снегом...

Какие-то несолидные болезни для настоящего мужчины. Не звучат они эхом побед, не звучат. Так хочется накинуть на егеря романтическую голубую дымку, но Валера упорно сопротивляется. Грубую мужскую реальность никак не запихнуть в девичьи мечты.

— Каким, по-твоему, должен быть настоящий мужчина?

Господи, боже мой, ну скажи ты про силу и смелость, ну как же без них!

— Честным должен быть, порядочным, хозяином своего слова. Настоящим профессионалом в деле — работа прежде всего.

А личная жизнь? Все работа, работа — тоска, когда ж про любовь?

— Профессионал сможет и настоящим главой семьи быть. Рыцарство должно быть в почете.

Ну, уже теплее.

— Рыцарь — какой он, по-твоему?

— Главное — духовное начало, верность десяти библейским заповедям.

Что-то новое в рыцарстве.

— А как же заповедь о непротавлении злу?

— Это я отрицаю. Злу надо противиться.

Ну, это уже веселее. Сопротивление злу — иначе зачем в доме три ружья и три карабина? Столько оружия я еще не видела у одного человека... Да, опасные люди эти егеря. А вдруг твой любимый егерь увидит тебя с другим парнем за беседой о международной обстановке, например? Как в таком случае поступает настоящий мужчина? Прабабка Кармен нас, девушки, предупреждает... Жутковато егеря любить, чревато последствиями. Безоружный инженер как-то надежнее. Правда, у инженера какая романтика — аврал, конверсия, выговор? А у егеря...

— Валера, а как там, на Севере?

— Как в книжке — белое безмолвие, оторванность от цивилизации, люди живут в балках из досок, дети не знают, как яблоко выглядит, пьют все по-черному...

Стой-стой! Не уклоняйся от розовой колени.

— А на золотых приисках ты бывал?

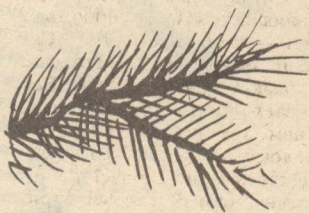
— Да, и по золоту ходил. Мужички золото везут только так, раз плюнуть. Надо...

Ладно. Его, Валеру, хоть в шелка заверни, романтического героя из егеря не выйдет. Жизнь знает не по молодежным журналам. А может, так и надо? Какой это, к черту, мужик, если он не стоит обеими ногами на земле, крепко так, намертво вбитый в землю, в травы ее благоухающие и в жидкую грязь? Если не умеет он зарядить ружье и защитить? Если хлюпает носом и верещит, а не молча вглядывается в бесконечную даль? Если...

Между прочим, среди егерей много холостяков. Не всякая вытерпит всенощные у окна, когда его черт знает где гоняет ветер. После этого и медвежати-на не сладка.

Но, строго между нами, разве по-настоящему любят мужчин, сидящих дома и подающих тапочки? Такая уж это порода — мужская, скорее ближе к волку, чем к домашней декоративной собачке...

Нина ПРОКОПЧИК



Рисунки Александра КОРШАКЕВИЧА



ЕМНОГО КОЛДОВСТВА, И РЕЗУЛЬТАТ — НА ЛИЦЕ

Ну, это ж надо! Когда больше всего на свете хочется быть красивой, когда счастье — быть не хуже Анжелки из 10 «А», когда просто позарез необходимо, чтобы кое-кто в тебя по уши втрескался — на лице вскакивают эти препротивные прыщики, которые просто житья не дают. И мама при этом заявляет: «Не страшно, вырастешь — сами пройдут». «Сами» они, оказывается, проходят годам эдак к двадцати пяти. Вас устраивает такая перспектива? При чем тут какие-то «зрелые годы», когда очень надо выглядеть на все сто именно сейчас!

Конечно, самый верный вариант — специалист-косметолог. Но если нет денег, времени или возможности, попробуем усовершенствовать себя сами. Итак...

Кто это там тяжело вздыхает? В магазине, мол, пусто, нет самого элементарного, а коммерческие цены кусаются... Забудем про мамини кремы, про сторульбые туалетные воды — все это не для нас. Уже потому, что рассчитаны они на тот самый «зрелый возраст», о котором и думать-то тошно. А для нас — старинные советы, проверенные не одним поколением.

Моя костромская бабушка уверяла, что раньше (а ее юность прошла еще до революции) красавиц было больше. Бабушка полагала, что в те годы девушки лучше спали, больше бывали на свежем воздухе и не то чтобы баловались табаком, но попросту не бывали в накурном помещении. ...А вы знаете герлу, которая не выпускает сигареты изо рта и при этом цвет лица — позавидовать можно, да? Я тоже таких знаю — счастливцы, хотя и до вполне определенной поры, о которой мы пока не думаем.

Моя бабушка умывалась исключительно дождевой или талой водой (на худой конец — кипяченой), нередко — в смеси с молоком или одеколоном. Слегка подрумянивалась свеклой (а не накладывала жирные румяна в жару), находила не вредной светлую

рассыпчатую пудру (не знаю, как сейчас, а тогда в нее добавляли рисовую муку, очень полезную для кожи) и частенько похвалялась, что в ее семьдесят с хвостиком ей дают всего-то пятьдесят, а уж в молодости-и-и!..

Макияж способен приумножить наши предести. Но плохую кожу не скрыть ни маскирующим карандашом, ни французской пудрой, ни тональным кремом. Как прихорашить себя с помощью макияжа, мы еще непременно поговорим, но начать нужно все-таки с основы. А это, как вас ни разочарую, — прежде всего диета и правильный уход. Так что не стоит забывать бабушкины секреты.

ДИЕТА КРАСОТЫ

На завтрак готовим салат, для которого обязательны геркулес или манная крупа, мед, орехи, фрукты или ягоды.

1. Размочить две столовые ложки геркулеса в четырех столовых ложках кипяченой воды. Через 5 минут добавить 2 тертых яблока, по столовой ложке меда и сливок.

2. В ту же порцию размоченного геркулеса добавляем 200 граммов

любых свежих ягод и 2 столовые ложки орехов.

3. 2 столовые ложки манной крупы замочить в 4 столовых ложках холодной кипяченой воды. Через 5—10 минут кладем 2 натертых яблока, 2 ст. ложки сока лимона или апельсина, или грейпфрута, или клубники, смородины, а также по 2 столовых ложки орехов и сгущенки.

Тонизирующий напиток готовить из обычного чая и сбора лекарственных трав, взятых поровну. Заваривают и пьют как чай.

1. Шиповник и рябина поровну.
2. На 1 часть рябины — 3 части крапивы.

3. Равные части листьев малины, ежевики, земляники, черной смородины, зверобоя, чебреца, цветков липы измельчают на кофемолке. Заваривают на 1 стакан кипятка — 1 чайную ложку сбора и столько же чая.

Обед может быть самым обычным (но вы, конечно, помните при этом, что не прибавит красоты жирное, острое, мучное, сладкое). Секрет же таков: перед обедом за 15—20 минут выпейте стакан минералки. А еду начните с салата, заправленного майонезом или любым растительным маслом:

1. В натертую сырую свеклу добавить толченый чеснок и заправить майонезом.

2. Молодые листья крапивы обдать кипятком, промыть холодной водой и нарезать вместе со свежим огурцом. Заправляем сметаной.

3. Молодые листья крапивы и одуванчика (обработав, как в предыдущем рецепте) нарезать, добавить ложку клюквенного или яблочного сока, ложку рассола квашеной капусты и заправить растительным маслом.

На подник постарайтесь выпить стакан сока или стакан воды, в которой варились свежие овощи.

На ужин у нас — фруктовый салат с ложечкой меда и витаминный чай. Можно добавить 100 граммов нежирного творога или 100 граммов нежирной отварной говядины.





Такая диета может продолжаться от 2-3 дней до 2-3 недель. Вы увидите, что действительно стали краше, а кроме того, что улучшились кожа и волосы, стала стройнее талия, поднялся жизненный тонус.

Если диета покажется вам нереальной, покажите ее маме, сестре — вдруг в их лице найдутся союзники? Тогда успех гарантирован. И, чуть не забыла, — даже одно из диетических блюд и напитков, добавленное в ваш рацион, даст эффект. Правда, не такой явный и быстрый, как хотелось бы. Но...

О «внутренней» жизни мы позаботились, теперь поддержим себя снаружи. Самые смекалисты, должно быть, уже догадались, что любое из наших блюд — или даже компонентов — не худшая маска. Ну, а для тех, кто уже сыт по горло, — чудодейственные лосьоны, которые делаем так.

Стакан спелой земляники настаиваем 30 дней в 150 граммах

водки, или — 3 столовых ложки цветка ноготков (3 столовых ложки сухих) заливаем 100 мл салицилового спирта. Через сутки процедить. Готовить раствор: 1 столовая ложка нашей настойки на стакан кипятка. Смазывать угри теплым раствором утром и вечером.

А вот лимонное молоко, магически действующее на любой тип кожи: тщательно растираем в стеклянной посуде яичный желток, добавляя по каплям сок большого лимона, затем — растирая 100 граммов сливок и столько же спирта («тройного» одеколona, водки). Молочко довольно долго хранится в темном прохладном месте.

Древние кудесники приписывали необыкновенные свойства крокодилему помету. Возможно, это и так, но достать в наших широтах сей продукт крокодильего про-



изводства не легче, чем сумку из крокодиловой кожи. А она, между тем, способна произвести не меньший эффект на окружающих. Доступней снабдься из сушеной змеиной или хотя бы лягушачьей кожи, упоминаемые еще халдейскими чернокнижниками и не забытые нашими средневековыми знахарями. Но я предлагаю нечто еще более демократичное, хотя и не лишнее чар: 2 столовые ложки лимонного сока, по столько же сока огурца и водки плюс треть стакана отвара ромашки. Протирать лицо два-три раза в день.

Вы видите, что в запасниках красоты — много трав. Постарайтесь собрать их за лето сами. Древние знатоки убеждают, что собирать травы и цветы лучше всего до обеда, когда обсохнет роса. Погода должна быть ясная. Современные косметологи напо-



минают, что нельзя делать травяные запасы в городской черте, вдоль дорог. Астрологи же говорят, что нынешний год по-прежнему год высокоактивного солнца, то есть надменное светило принесит более вреда, нежели пользы. Оберегайтесь злого дневного солнца. Веснушки и пигментные пятна высветляйте лимоном, соком огурца, одуванчика, кислым молоком. А тем, кто хочет носить ровный, приятного цвета «загар», советую ополаскивать лицо насы-



Небольшую картошку разрезать надвое, одну половину бросить назад через левое плечо, второй — смазать бородавку и зарыть в сухую землю. Успех обещают, когда иссохнет картошка. Надежней проделывать эти процедуры, когда месяц идет на убыль (тогда серпик в виде буквы «с», старый). Начинать же новое дело — ну, к примеру, садиться на нашу диету, стричь волосы — лучше, когда луна идет в рост.



щенным раствором календулы (обычных ноготков), ромашки, звкалппта или простой холодной чайной заваркой.

Все-таки наши бабушки понимали в красоте больше, чем мы думаем, в наивности своей полагая, что стоит купить большущую коробку «красилок» невероятных цветов и с импортной «лэйбой» — так все проблемы наружности отпадут сами собой. Увы...

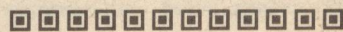
А взять те же гадкие бородавки, свившие гнезда на руках! Современная наука косметология предлагает их выжигать жидким азотом — больно, вздуваются и гноятся волдыри... Бр-р-р! А бабушка выводила их совсем без боли. Обмазав ниточку фаршем, нужно обвязать ею бородавку, тут же снять и закопать в землю. Когда нитка сгниет — бородавка исчезнет. Или знахари делают так,



В почте «Паруса» немало трогательных просьб выслать притирку от веснушек или дефицитный лосьон, или за любые деньги — крем от Ива Сен-Лорана. Откровенно говоря, меня эти просьбы не трогают. Потому что ни одно из средств само по себе не волшебное. Ухоженность, привлекательность приносит только твой труд, твоя целеустремленность, твое желание действовать, а не мечтать, разглядывая профессиональных манекенщиц с экрана, лежа на диване и уплетая сладости.

Дурнушка лишь та из нас, которая смирилась со своей участью. А мы беремся за себя. Не так ли?

Лариса ЛАРИНА



MUSIC

NOVOSTY

РОК-ОБЛЕПИХА (интервью с Владимиром Рекшаном)

Владимир Рекшан — лидер легендарной питерской рок-группы «Санкт-Петербург» (не путать с попсовым «Санкт-Петербургом» В. Киселева), автор повести «Кайф полный», член Союза писателей СССР и прочее, прочее, прочее...

— Володя, что такое «Кайф полный»? Ностальгия ли по минувшему времени, коммерческое предприятие, протест против дня сегодняшнего или что-то еще?

— Это ни то, ни другое и ни третье. В первую очередь, это способ освободиться от истории, связанной с моей юностью и юностью моего поколения. Окружение, в котором я нахожусь, периодически подталкивает меня к форме существования как бы «живой мумии»: «Да, ты помнишь?.. Это было когда-то... 20 лет назад...» А я хочу жить сегодняшней жизнью. И страшней тоже. Если захочется — написать рок-н-ролл. Если не захочется — писать книжки и издавать их. То есть, это форма освобождения. Потому что вся эта история подпольного рок-н-ролла висела, как кандалы на ногах. А теперь вот написал, освободился, живу дальше.

— Для тех, кто не успел прочитать «Кайф полный», расскажите в двух-трех словах историю становления советского рок-н-ролла.

— Кстати, по образованию я, кроме всего прочего, историк, поэтому даже историю нашей музыки делю на периоды.

Первый — это «доисторический», приблизительно середина 60-х г.г., когда в страну прорвались первые образцы жанра и, как ответ, начали появляться рок-группы. В принципе, «Санкт-Петербург» — первая мощная русскоязычная группа, которая добилась успеха. Хотя уже многие играли собственные сочине-

ния, «Петербург» играл только свое. Но на «Петербурге» и закончился, в принципе, доисторический период. Второй — это «первоисторический», с середины 70-х годов до середины 80-х г.г. Начался он с первых записей «Машины времени», то есть, рок-музыка уже стала фиксироваться на пленке. На концерте человек сыграл — воздух поколебался, перестал — стулья поломали, разошлись и вроде ничего не осталось. А запись — это уже начало нового «исторического» периода.

Третий период, я бы сказал, «экспортно-импортно-коммерческий». Люди поехали за границу, рок-н-ролл попал в кино. Но тут наметилось деление. Одни занимались большим шоу-бизнесом (какие-то ВИА, какие-то «Земляне»), и был подпольный рок-н-ролл, который худо-бедно, но существовал. Между ними была стена. Где-то в 85-86 г.г. эта стена была сломана, и на год-два началось победное шествие рок-музыки. И вдруг какой-то отток публики с концертов, из залов. С чем связано? Мне думается, с активизацией шоу-бизнеса, который первые года два-три все же проморгал. А потом пошло. Прокручивать по радио и телевидению, на стадионах настоящую рок-музыку, сформировавшуюся в подполье, нет смысла — коммерчески невыгодно. Поэтому советский шоу-бизнес — нормальный шоу-бизнес, бизнесмены с легким бандитским уклоном — перерождивались и начал делать суррогат рока и рок-групп. Все очень похоже: люди с такими же волосами, гитарами, барабанами — но это суррогат. Есть он в литературе, есть в музыке, в живописи, есть и в рок-н-ролле. И сейчас этот суррогат — попс, маскультура — повернули всю рок-музыку немножко обратно. Вот идет третий период: доста-

точно успешно люди выезжают на Запад. Им там дарят гитары, они получают мелкие суточные, гордятся, что за границу поехали... А ленинградский рок, как настоящий рок, выезжает за границу мало. Внутри страны ему сейчас сложно, потому что приходится противостоять шоу-бизнесу.

— Как чувствует себя сегодня Ленинградский рок-клуб?

— Он сейчас находится в нищенском существовании. Но мне кажется, рок-клубу и не нужно противостоять советскому шоу-бизнесу. Рок-клуб, если он клуб, должен заниматься клубной деятельностью. Это, как Английский клуб — музыканты приходят, общаются, выпивают чашку чая, кофе... И мне кажется, что это основное.

— Знаете, Володя, я затрудняюсь сказать, кем читатели знают Вас лучше: музыкантом, писателем, но уж точно, что совсем не знают, как незаурядного спортсмена. А кто Вы сейчас?

— Сейчас сложно. С одной стороны — как бы молодой писатель, с другой — стареющий музыкант и совсем уж старый спортсмен. Приходишь в Дом писателя — там на тебя смотрят как на юношу. Заходишь в рок-клуб и должен там трясти своими сединами. Поэтому я не знаю, кто я сейчас.

— Кем в нашей стране быть интереснее и легче?

— Что значит интереснее? Я как-то не разделяю. Рок-н-ролл — это одно... А спорт такой же рок-н-ролл, азарт в нем, может, даже покруче. Но легче всего и интереснее из спорта, литературы и рок-н-ролла — это собирать облепиху на Алтае. Пять лет подряд ездил, собирал облепиху.

Вот это лучше всего.

Вита РОМАНЕНКО

КОЛЪ, АССЪ

Заметки о киевской группе «Коллежский Ассессор»

Короче!

Для начала — о самом начале:

1. Время и место встречи:
год 1982, город Киев.

2. Состав:

Василий Гойденко (гитара, вокал, клавишные),
Глеб Бутузов (гитара),
Алексей Киевцев (бас),
Александр Рыдненко (барабаны).

3. Имя: «Коллежский Ассессор».

В 1989 году «критик всех времен и народов» (цитируя незабвенную «Программу А») Артем Троицкий назвал киевскую группу «Коллежский Ассессор» первой в списках лидеров советского авангарда. Неплохой конец... Да, не удивляйтесь, именно конец. В мае 1990 года «Коллежский Ассессор» прекратил свое существование. А потому и статья моя сегодня будет грустной и удручающей.

Внутренние разногласия и принципиальные расхождения во взглядах на музыку (это достаточно отчетливо просматривается в их последних работах) привели группу к распаду, что, в свою очередь, послужило причиной появления на свет трех новых

и совершенно не зависимых друг от друга коллективов.

Впрочем, название как таковое сохранилось, изменения затронули только...

Хотя стоп! Лучше все по порядку.

Несколько лет назад, году, кажется, в 88-м, популярный, во всяком случае на тот момент, киевский самиздатский журнал «Отрыжка» писал:

«Существует в нашем гадо-стном месте достаточно интересное и год от года крепнущее явление. Зовется оно — «Коллежский Ассессор». «Коллежский Ассессор» — группа, на которой сломает зубы еще не один музыкальный критик. Творчество этого коллектива — это реализация наимизернейших эмоций музыкантов, каскад необычных художественных приемов, а также издевательство над номенклатурным быдлом».

Наиглавнейшее в жизни «Коллежского Ассессора» — «Коллежский Ассессор»... Все это в прошлом. В прошлом остались и регулярные ежедневные встречи в кафе большого кирпичного универсама, что находится, как и следовало предполагать, в Киеве, рядом со станцией метро *N. K* слову, я специально не даю названия станции, дабы возбужденные поклонники, не дай бог, не разобрали сие творение киевских архитекторов на сувениры.

Все это уже в прошлом, как и восемь альбомов, выпущенных группой за восемь лет, и компакт-диск (СД), еще, правда, не выпущенный, но уже дожидающийся своего часа на отнюдь не пыльных полках брюссельской студии Артема Троицкого. Так что приятного вам прослушивания, дорогие брюссельчане!

Сегодня же «Коллежский Ассессор», как уже неоднократно говорилось раньше, в прежнем виде не существует. В настоящее время группа выглядит следующим образом:

«Коллежский Ассессор»:

Нью-«К. А.» (Василий Гойденко и Александр Рыдненко) — то же самое, что и «К. А.» в прошлом, только без слов и СД;
«Годзадва» (Глеб Бутузов и К⁰) — саунд конца 60-х — начала 70-х г.г., англоязычные тексты в интерпретации истинных авангардистов;

Алексей Киевцев название для своего детища еще не придумал и музыку, соответственно, держит пока в секрете.

Ну вот, в общем-то, и все.

И бог его знает, применимо ли в данном случае бессмертное высказывание «Лучше меньше, да лучше...» Посмотрим.

А пока, как говорит один мой хороший знакомый:

— Продолжение есть!

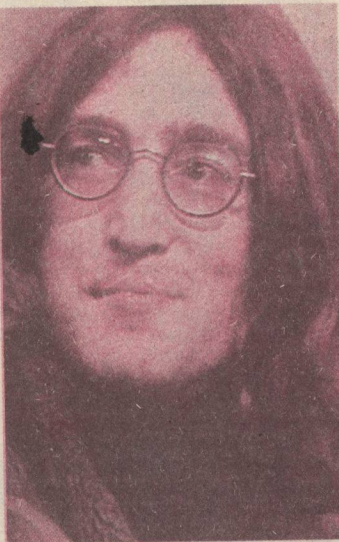
Юлиан МАВР

Джон

Леннон

Высказывания о себе,
Йоко и «Битлз»

Земляничные Поля — реально существующее место. Сначала мы жили на Пенни Лейн, а потом переехали в пригород. Рядом располагались Струберри Филдз, где была колония для подростков. Я часто бывал там с друзьями. Нас всегда ждали в Земляничных Полях. Земля-



ничные Поля — это образ, который останется навсегда:

Легко жить с закрытыми глазами.

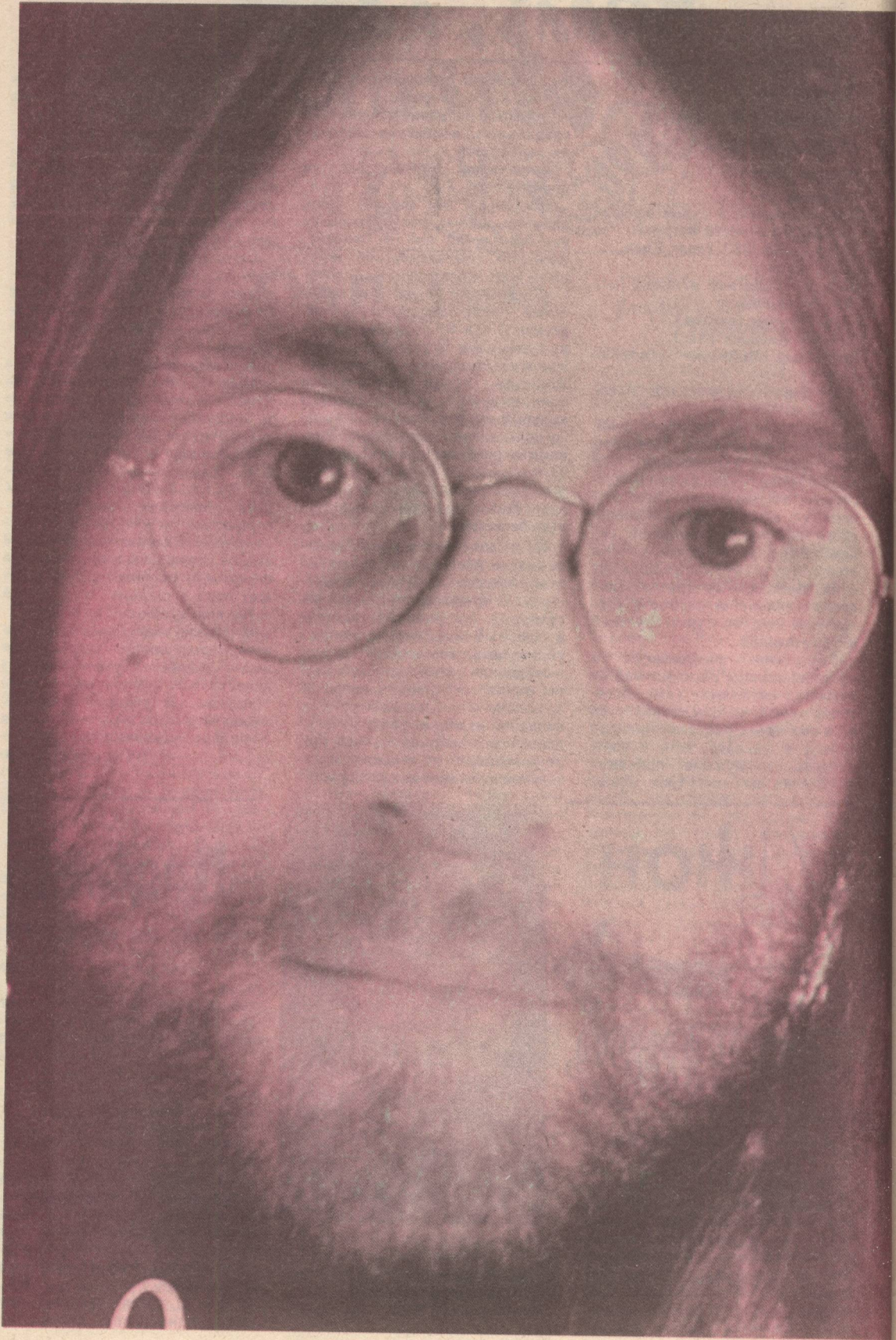
Дословно

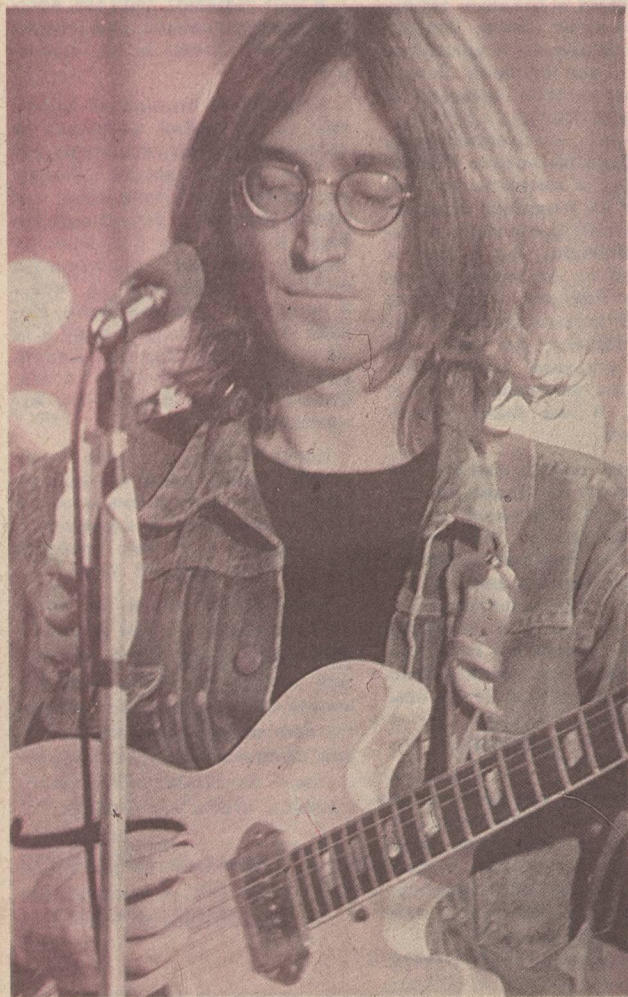
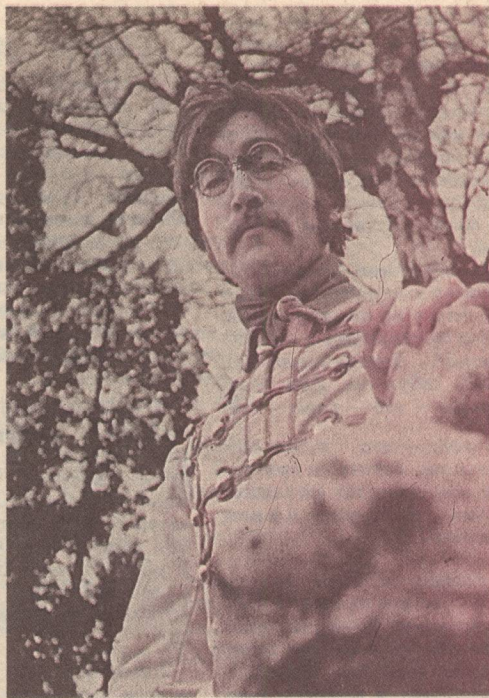
Вокруг тебя — лишь непонимание.

Разве сегодня я не повторил бы это вновь! В этой фразе — мои чувства. С детства я был склонен к самоанализу. В начале следующего куплета — строка:

Нет никого, мне кажется, на дереве моем.

Этим я хотел сказать, что окружающие были далеки от





того, что заставляло меня задуматься. Я был очень скован и стеснителен, я считал себя то гением, то маньяком.

Окружающие часто смотрели на меня как на ненормального. Я всегда обладал интуицией или одухотворенностью — как угодно. Реальность всегда воспринималась мной с оттенком галлюцинаций.

Позже огромное влияние на меня оказал сюрреализм. Тогда я понял, что я не сумасшедший, но просто принадлежу к категории людей, воспринимающих мир таким образом. Для меня сюрреализм — это реальность.

Рок-н-ролл — это современный фольклор. И хотя он пришел из Америки, это не так уж важно: мы делали свою музыку, и в нем все менялось...

Мы хотели затмить Элвиса и считали, что это нам по силам, потому что нас было четверо. Никто из нас не смог бы этого в одиночку. Пол был недостаточно жестким, я недостаточно нравился девочкам, Джордж был слишком тихим, а Ринго — ударником. Но хоть кто-то из нас должен был понравиться каждому. Так и случилось. Мы были цезарями. Кто мог сказать хоть слово против, когда на нас зарабатывали миллионы! Все хотят сохранить наш имидж — этот бред с домами, авто, женами, секретаршами, пьянками, наркотиками, проститутками и поклонниками. Не иначе ты спятил, Джон. Джон, дурашка, хочет все это у нас отобрать.

Если «Битлз» и шестидесятые что-то оставили после себя, так это совет научиться плавать. И затем — плыть. Люди, цепляющиеся сейчас за «Битлз», прозевали смену эпох. Нельзя теперь жить только этим. Теперь это лишь иллюзия.

Меня разочаровывает каждая запись «Битлз». Это касается и моих сольных пластинок. Вера в то, что мы лучшая группа мира, сделала нас тем, чем мы были, но стоит мне сейчас услышать любую запись, и я захочу переделать ее. Это и есть то, что движет искусство.

Когда я начинал, рок-н-ролл был революцией для людей моего возраста и положения. Нам было нужно что-то громкое и понятное, чтобы прорваться через давившие на нас стандарты. Начав с подражания американцам, мы скоро обнаружили, что это был наполовину кантри-энд-вестерн, наполовину черный ритм-энд-блюз.

Двойной альбом я предпочитаю всем, потому что моя музы-

ДЖОН ЛЕННОН ДОСЛОВНО

ка там лучше. Общая идея «Пеппера», может, и значительней, но на двойном я был самым собой. Записывая гитару в «Я так устал», я чувствовал себя лучше, чем упражняясь со всеми этими сложностями. Я не очень люблю их, но «Пеппер» был вершиной, это так.

Я по-прежнему люблю Литл Ричарда и Джерри Ли Льюса. Они похожи на художников-примитивистов. Чак Берри — один из лучших рок-поэтов. Как автор текстов он намного опередил свое время. Мы все у него в долгу, в том числе и Дилан. Слова его песен поразили нас, хотя мы и наполовину не поняли их.

Ливерпуль... В нем не было ничего значительного. Это был очень бедный и трудный город. Но его жители имели чувство юмора, поэтому им и удавалось переносить все лишения. Остроумие — черта этой ирландской вотчины.

Ливерпуль космополитичен, именно сюда привозили блюзовые пластинки матросы, возвращавшиеся из Америки. Поклонников кантри-энд-вестерна в Ливерпуле больше, чем в любом другом месте, за исключением разве что Лондона — там всего больше. Я слушал кантри в Ливерпуле задолго до того, как впервые услышал рок-н-ролл. Кантри был увлечением ребят постарше, а мы были новым поколением.

Что будет, «когда мне стукнет 64»? Надеюсь, мы будем симпатичной парой старичков, живущих где-нибудь на побережье Ирландии и перелистывающих альбом газетных вырезок нашего прежнего сумасшествия.

Когда мы ехали в автобусе в кожаных куртках и с гитарами в «Каверну»,* нас непременно провожали взглядом. Тогда нам это нравилось. Это было частью нашего бунта и способом ползать обывателей.

Генри Форд продавал свои машины, потому что умел их рекламировать. Я продаю мир, и мы с Йоко, в сущности, ведем большую рекламную кампанию. Может быть, это вызовет у лю-

дей смех, а может быть, заставит задуматься. Мы с ней — мистер и мисс Мир.

Язык и песня для меня — это попытка описать свой сон.

Я не отношусь к тем, кто думает: раз наши мечты не сбылись в 60-е годы, значит, то, что мы тогда говорили и делали, ничего не стоило. Да, на земле нет мира, несмотря на наши усилия, и все-таки я считаю, что движение хиппи, лозунги мира и любви были значительным явлением. Если кто-то встает и улыбается, а потом получает пощечину, это не уменьшает ценности улыбки, не отменяет ее. Ведь она была!

В детстве я все время сочинял музыку, играя на губных гармошках, аккордеоне, пианино — на всем, что попадало под руку. Я пел, подражая другим, но настоящим Дудочником из «Сказки о Крысолове» был для меня рок-н-ролл. Услышав его, я бросил все. Не размышляя об этой музыке, просто влюбился сразу и бесповоротно.

Я хочу выразить себя так, чтобы это что-то значило для людей в любой стране и на любом языке.

Когда вы за что-нибудь уцепились (а мы любим цепляться за соломинку), вам кажется: вот в чем смысл жизни. Людям искусства везет: соломинки все время улетают у них из рук. Но беда в том, что большинство людей находит соломенную шляпу и цепляется за нее... Я понял: это бессмысленно. Нельзя все время носить одну и ту же шляпу, надо уходить и менять одежду — это лучше всего. Смысл жизни в постоянных изменениях.

Когда я мог, я всегда писал о себе самом. Меня никогда не тянуло описывать жизнь каких-то людей, живущих в конкретных квартирах и т. д. Мне нравится музыкант от первого лица.

Золотые пластинки не могут доминировать в моей жизни — искусство выше этого. Иногда мне приходится напоминать эту истину самому себе. Потому что тут есть опасность для всех нас, для каждого, кто занят творчеством, — опасность чрезмерного желания, чтобы нас любили.

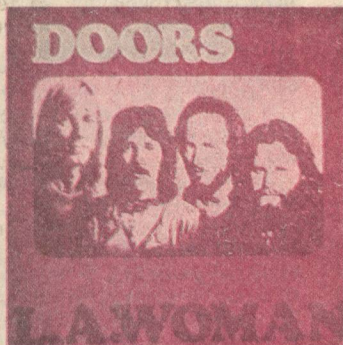
Подготовил
Максим ЖБАНКОВ
(По материалам
зарубежной прессы)

* Ливерпульский клуб, место выступлений «Битлз» в 1961—62 г.г. (Прим. пер.)

ВЕТРЫ

НА КОНТИНЕНТ

ДЖИМ MORRISON (С ПРАВА)



Вот он, новый перевод замечательного американского рок-поэта Джима Моррисона.

Джим Моррисон (Джеймс Дуглас Моррисон, 8 декабря 1943 г.—3 июля 1971 г.), лидер группы «Двери» — еще один из героев «бурных» шестидесятых.

В то время хиппи — «детипетцы» — искали новые горизонты в сельских коммунах, свободной любви, восточных религиях и наркотических путешествиях.

Джим Моррисон прошел весь этот путь. Достигнув невероятной популярности, тем не менее остался одиноким, легко ранимым мечтателем.

Всю жизнь он хотел «уехать в Париж» писать стихи. Город его мечты стал для Моррисона и городом смерти.

Он похоронен на парижском кладбище Пер-Ла-Шез — последнем прибежище художников, музыкантов и прочих, прочих знаменитых чудаков...

Братья МАВРЫ

ХРУСТАЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ

Прежде, чем в грезы уйти, ускользнуть,
Дай мне еще поцелуй.
Это блаженства чарующий путь...
Только один поцелуй,
Только один поцелуй.
Светлые дни — это радость и боль,
Тело дождем укрой.
Бегство твое — лишь безумная роль,
Чувствую встречу с тобой,
Чувствую встречу с тобой.
Где, мне поведай, свобода твоя?
Улицы — это луга...

Дай мне возможность забыться, и я...
Плачешь зачем ты пока,
Птицей парю в облаках?
Плотно набит мой хрустальный корвет
Тысячами подруг,
Тратой безумной минувших лет,
Массой соблазнов, мук...
А когда мы вернемся домой,
Я черкну тебе адрес свой.

Джим Моррисон

Перевел с английского
Петр МАВР

КОНКУРС!

Мы предлагаем вам конкурс. Сделайте литературный перевод предложенного стихотворения Джона Леннона на русский язык и пришлите нам. Приз победителю — публикация его перевода в «Парусе» с фотографией автора и третья часть гонорара Братьев Мавров от первого выпуска нашей газеты. На конверте, в графе «кому», делать пометку «Music Novosly». Заявки принимаются до 1 сентября 1991 года.

Бр-р...
(Братья МАВРЫ)

P.S. Не забудьте приложить свое фото.

HERE THERE AND ANYWHERE

To lead a better life
I need my love to be here
Here, making each day of the year
Changing my life with a wave of her hand
Nobody can deny that there 's something there
There running my hands there her hair
Both us thinking how good it can be
Someone is speaking but she doesn't
Know he's there
I want here ev'rywhere
And if she's beside me
I know i need never care
But to love her is to meet ev'rywhere
Knowing that love is to share
Each one believing that love never dies
Watching her eyes and hoping Im always there
To be there and ev'rywhere
Here there and ev'rywhere.

J. LENNON

Она так и написала в письме: «**Ненавижу свою фамилию!**» И просила не «разоблачать» ее в журнале. Фамилия как фамилия, ничего в ней ужасного нет, а девочка чуть не плачет: «**И кто только выдумал такую дурацкую фамилию?!**»

И она не одна. «**Мне моя фамилия не нравится и моя тоже**», — вздыхает Нина К-на из Болохово Тульской области. «**Фамилия приносит мне много неприятностей. Она редкая, и многие произносят ее неправильно**», — это уже Наталья К-на из Кременчуга.

«**У моих подруг очень звучные, красивые фамилии, а вот моя какая-то слишком уж неизвестная в истории**», — пишет из Севастополя **Вероника БЕЛИКОВА**. — **В школе, когда читали «Человека в футляре», все смеялись над моей фамилией и говорили, что общее что-то есть, хотя я полная противоположность чеховскому Беликову! Но ведь это не объяснишь одному классникам...**».

Вот так страдал капитан Лебядкин в «Бесах» Ф. Достоевского: «Я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, — почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбарон, а между тем я только Лебядкин, от лебеда, — почему это?».

«Нелюбимая» фамилия, оказывается, может стать трагедией всей жизни? Смотря как к этому относиться! Вот другое письмо, из Новоградка Гродненской области. «**До сих пор я не знал, куда мне обратиться за разъяснением моей фамилии. Ни в школе, ни в армии у ребят я так и не добился толку. Дело в том, что фамилия моя — ЧУВАК. Это слово распространено среди ребят, например, чтобы позвать: «Эй, ты, чувак, иди сюда!» или «Вот мы с чуваками...» и т. д. Еще я слышал, что слово «чувак» в переводе с какого-то языка — баран кастрированный. Конечно, я в это не очень верю и не хочу верить. Но если это так, то тут уж ничего не поделаешь, придется смириться...**».

Не откладывая в долгий ящик, отвечу Сергею. Мой хороший приятель носит ту же фамилию — Чувак. И о баране он тоже слышал. Мы с ним перерыли уйму словарей и энциклопедий и нигде не нашли тому «переводу» подтверждения. Выручила восьмидесятилетняя бабушка приятеля. У нее сохранился наградной лист мужа, участника гражданской, где черным (вер-

ФИО

«**НЕНАВИЖУ
СВОЮ
ФАМИЛИЮ!**»



нее, синим) по белому написано: «Объявить красноармейцу Чувяку В. Г. революционную благодарность...» В украинском языке слово «**чувяки**» означает разновидность обуви — своеобразные мокасины из сыромятной кожи. Пара — чувяки, один — чувяк. Часто случается, что мягкое украинское «я» в белорусском произношении начинает звучать твердо — чувак.

Не знаю, как ты, Сергей, а мой приятель этим разъяснением был полностью удовлетворен.

И коль зашел такой разговор, расскажу еще несколько случаев «из жизни».

Звонок в дверь. Открываю: «Где ваш сосед Володин, ему повестка из военкомата?» «Нет здесь никакого Володина, в этой квартире Дурново живет», — отвечаю. Посильный еще раз сверил адрес, пожал плечами и ушел. Вечером встречаю соседа, разговорились. Оказывается, это он — Володин! «Старик, совсем мою первоклашку в школе задергали — «во! во! Дурново!» Ну, жена и уговорила... Теперь я Володя Володин».

Это ж надо, такую родовитую, княжескую фамилию Дурново (!) поменять на маловыразительное «Володин»!!! Дело, конечно, хозяйское.

А вот в одном комсомольском офисе еще пару лет тому назад на соседних дверях висели таблички «Бумага NN» и «Лапато NN». Правда, хозяин одного кабинета настойчиво называл себя «Бумаго», а другой — «Лапато». Это, я вам доложу, был анекдот! Ну, не выпячивали бы они это «о», все бы свыклись, и дело с концом. Были ж у нас в институте на курсе Метла и Скамейка, и вроде ничего, никто особенно не скалился.

Но если живет в душе у человека капитан Лебядкин, то он из-за одной буквы или ударения в фамилии готов свою жизнь в трагикомедию превратить. Вот и появляются в нашем обиходе вместо «некругленьких», конечно, но вполне понятных «анималистических» фамилий Козел, Баран, Петух ужасные суррогаты типа Кóзел, Бáран, Пétух.

Наше вам с кисточкой, дражайшие Лебядкины, мне вас не жалко — не будьте кретинами!

В прошлый раз («Пусть назовут горшком!» № 12, 1990 г.) мы говорили о дурацких именах, о безвкусной моде на псевдокрасивые и вычурные имена. Но это дело хотя и труднопоправимо, все же зависит от нас самих — нужно просто не давать неблагозвучных, выпендренных имен своим детям, а им — своим

внукам. Совсем другой случай с фамилией. Ее, как правило, не выбирают. Она пришта к нам живыми нитями истории нашей семьи, наших предков. Не каждый решится из-за неблагозвучности своей фамилии разорвать эту связь с родственными и дорогими ему людьми.

Хорошо, если связь такая есть. Но, как пишет **Александр РЫНДИН*** из Барнаула: «*Подавляющая часть молодежи не знает своих корней, в лучшем случае деду с бабушкой, и то не всегда...*» Он прав, редко в каком письме встречаются попытки хотя бы фрагментарно восстановить ростки своего родословного древа по линии отца или матери. И хочется крикнуть: пока не поздно, пока живы бабушки и дедушки, а может, и прабабушки и прадедушки, — спросите, какие фамилии и имена носили ваши предки! Спросите и запишите. Откуда они были родом, чем занимались? Ведь в каждой семье живут свои скромные предания и легенды! Вы сразу почувствуете себя не одинокой песчинкой в пустыне, а частью своего рода, народа, у которого есть многовековая история и культура. И это все ваше! Будь вы русский, украинец, белорус, татарин, удмурт, якут, узбек, казах, через родовую пуповину семьи вы связаны со своим народом. Как зябка и одиноко быть песчинкой в пустыне и как уверенно и достойно чувствовать себя живой частью целого народа...

Вот **Андрей ОСТАПЕНКО** из Орехово-Зуева пишет, что от двоюродной тети слышал, мол, их род **СКОБЕЛЕВЫХ**, — дворянский. Еще он знает — «*в одной из последних русско-турецких войн прославился генерал Скобелев*». Конечно, приятно относить себя к знаменитому дворянскому роду, к которому принадлежал и славный генерал от инфантерии, участник Бородинского сражения Иван Никитич Скобелев. Но из истории известно, что очень часто крепостные крестьяне «наследовали» фамилию своего родовитого барина. «Чей человек будешь? — спрашивал бойкий писарь забритого в рекруты парня. — Скобелева...» И писарь вносил в реестр — Скобелев Иван сын Степанов. Так у дворового мужика появлялась дворянская фамилия. Не хочу сказать, что Андрей не из дворянского рода — это нужно очень долго и трудно прове-

* Рында — царский телохранитель, второе значение — корабельный колокол.



реть. До революции издавались специальные гербовники, куда были занесены все родовитые фамилии, а после революции о своем происхождении лучше было помалкивать. Вот и оборвались многие связующие нити старинных родов. Одно хочу сообщить Андрею: славный Иван Никитич Скобелев, сын крестьянина-однодворца выслужился от простого солдата до генерала и попал в своеобразную Книгу рекордов Гиннеса тех времен — книгу «Русские знаменитые престолудины... Престолюдины! Значит, не важно, какого роду-племени быть, а главное — какого стать.

Эти слова отсылаю всем, кто в своих письмах просит «подыскать» им подходящую родословную, как я опрочметчиво сделал это для Игоря Сабурова из Москвы (№ 8, 1990 г.). Надеюсь, у Игоря с чувством юмора все в порядке. И впредь я буду рассказывать о ваших однофамильцах, представителях древних родов, но прошу понять меня правильно — свою принадлежность к ним вы должны будете взвесить на деликатных весах такта и остроумия.

Возвращаясь к Андрею Остапенко, подведе итог:

СКОБЕЛЕВ — от слова «скоб-ла», «скобель» — кривой нож с ручками для строгания дерева.

ОСТАПЕНКО — от имени **Остап**, полное **Евстафий** (см. № 12, 1990 г.).

Кстати, сразу убью тысячу зайцев и отвечу на многие письма, если попрошу вас не задавать таких вопросов, как «*что означает фамилия Иванов, Петров, Сидоров, Кузьмин и т. д.?*» Все они, легко ответите вы, произошли от соответствующих имен Иван, Петр, Сидор, Кузьма и т. д. Другое дело, если фамилия образована от имени старосветского, архаичного, теперь не употребляемого и потому вам неизвестного. Например, как у **Тани Макеевой**, что живет на ст. Юргалым Курганской области. Ее фамилия происходит от имени **МАКЕЙ**. И еще. Таня много написала о своей однообразной и безрадостной жизни и задалась вопросом: «*может быть, я страдаю из-за фамилии, а может, таков мой рок!*» Не думаю, что фамилия может так фатально влиять на жизнь, хотя **Евгений ГОЛИКОВ** из подмосковного Троицко-Антропова попутно утверждает, что «*имя, кроме всего остального, формирует человека с раннего возраста, а точнее — с того момента, как его стали называть по имени. Звуковые сочетания букв воздей-*

ствуют на психику и т. д.». В общих чертах Женя знает об этом из статьи, когда-то прочтенной в «Советской культуре». Далее он пишет, что хотел бы узнать о своей фамилии и имени, «об их истории и значении, корнях и крови». О корнях и крови воздержусь, а о значении — пожалуйста.

ГОЛИКОВ — от «голик» — венник без листьев, который привязывали к длинному шесту для обозначения фарватера реки и дороги в завьюженной степи. С 17 ст. известен на курской земле купеческий род Голиковых, один из которых, историк-самоучка Иван Голиков, написал «Деяния Петра Великого».

СЕДАВНЫХ Оля из Березников Пермской области пишет: «Мне не нравится моя фамилия, потому что она трудно выговаривается. Некоторые путают ударение и очень часто неправильно пишут гласные, а поправлять их ошибки неудобно. P.S. Отец часто говорит, что мы произошли от польских шляхтичей». Вот это «P. S.» и помогло мне найти в польском языке слово «оседлый», упрощенно — *sedawny*. Так, по-видимому, называли себя польские шляхтичи, сосланные в Сибирь после подавления восстания Т. Костюшки и К. Калиновского и осевшие там. «Чей это ребенок?» — спрашивали местные. «Да тех поляков, «седавных»...»

«У меня довольно оригинальная фамилия — СМЕРТИН, когда-то она доставляла массу проблем. Всегда было неудобно называть свою фамилию. Сейчас привык, да и не один я ее ношу», — пишет Игорь из Джамбульской области.

СМЕРТИН — первое, что приходит в голову... конечно, смерть, но в др.-славянском есть слово «смерчъ» — кедр, можжевельник, красная ель. **СМЕРЧИН** — **СМЕРТИН**, такой переход «ч» в «т» вполне возможен, как и **СМЕРДИН** — **СМЕРТИН** (может, кто-то из предков тоже постеснялся слова «смерд», которое в древности значило всего лишь «крестьянин»). Близка и фамилия **СМЕРКИН** — от слова «смерок» — палочка, которой измеряли ногу, чтобы потом по ней выбрать обувь. Пусть Игорь решит, что ему ближе.

И совсем не пойму, чем не угодили 13-летней Наташе из Воронежа родители, передав ей по наследству нормальную русскую фамилию **ПРОНЯЕВА**? Она образована от мужского уменьшительного имени **ПРОНЯ**, т. е. **ПРОКОФИЙ**. Что ж тут плохого? На твоём месте, На-

талья, я бы не привередничал — не гневи бога!

КОЛМАКОВА Софья из Алма-Аты. На Смоленщине колмаками называют колдунов. Вот и думай, что хочешь!

ГОМОЛКО Виктор из Гомеля. **Гомолка** (укр.) — ком, шарик из хлеба, который давали в рот детям, как теперь соску.

СИДЯКОВА Света из Симферополя попыталась мне помочь, сообщив, что ее предки из Курской области, «а мама говорит, что мы кацапы — обрусевшие украинцы». Уточню, что **кацапы** — украинское прозвище великороссов — старообрядцев, сбегавших на Украину от преследований за веру, от украинца — козел: бритому украинцу бородатый русский козлом казался. **Сидьба** — засада сибирских охотников на зверя, человек в засаде — **сидяк**, отсюда и **СИДЯКОВЫ**. Может, предки были охотниками? А может, от **сидня**, что, как Илья Муромец, сиднем на печи сидел?

ЖУРОВА Ира из Светлогорска. **Жур** (бел.) — белый овсяный кисель.

ВОЛКОВА Лариса, КОЖАНОВА Наталья, ОСЕЛЕДКОВА Татьяна — подруги из Ореха Оренбургской области. Ну, Лариса, ты не права! А подругам отвечу: **КОЖАНОВА** — от «кожан» — летучая мышь; **ОСЕЛЕДКОВА** — думаю, от «оселедец» — чуб, который носили на выбритой голове казаки.

БОНДАРЧУК Наташа из Киева, **БОНДАРЧУК Лариса** и **КАЛЬЧЕНКО Надя** из Крыма. **БОНДАРЧУК** — от «бондарь» — мастер, делающий деревянную посуду. А вот с Надей тяжелей... У Даля есть слово «каль» — осьмина (мера, равная 1/8), а также — мешок, котомка. У казаков была **кальша** — торба с овсом, которую они лошади на голову вешали. А дальше — свобода фантазии!

ЛУЧАК Оксана из Иркутска. В ст.-славянском «луч» — щепка, лучина; «лучак» (русск.) — копьё; «лучить» — соединять, метить, попадать. Одним словом, **лучак** — это или меткий стрелок из лука, или подставка для лучины.

КОЛТАКОВ Сергей (г. Шахты). «Колтак» — небольшая льдина в море (архангельское слово), у финнов и эстонцев корень «калт» обозначает лед. Может быть, «колтак» — тот, кто, сидя на носу лодки, разбивал пешней льдину, освобождая путь судну.

ГОМЗА Игорь из Вышгорода. «Гомза» — так в древности на Руси называли кошель с деньгами, от слова «гомзить» — ко-

пить, беречь. Человек-гомза — скуповатый, рачительный, бережливый хозяин.

БРАГИНА Ольга, НИКИТИНА Ира, БУЛДАКОВА Ира из удмуртского поселка Яр. **Брага** — 1) домашнее пиво или хлебный напиток; 2) канат, которым втащивали корабль на верфь. Думаю, в первом случае могло прижиться как кличка для пьяницы, во втором как профессиональная принадлежность. С Ингой, по-моему, все ясно? Имя есть такое, **НИКИТА**! Аль не слышали?! **БУЛДАКОВА** — видимо, от «булдыга» — дубина; «булдырь» — шишка на голове, ну, и «забулдыга» — это понятно... Но М. Фасмер в своем «Словаре» утверждает, что все эти слова образовались от датского «bold» — отважный. Вот и думай, как хочешь! Правда, у Даля «булдачить» — заниматься промыслом живодеров, кошкодавов, собачников. Если все объединить — дубину, шишку, забулдыгу, отвагу — это и будет... Прости, Ира, может, я и не прав!

КАЛАЧЕВ Игорь из Чехова-4, **КАЛАШНИКОВА Ирина** из Благовещенска Амурской области. **КАЛАЧЕВ** от слова «калач» — белый пшеничный хлеб с ручко-дужкой или сутулый человек. А пек калачи **калашник**, на торгу даже был специальный **калашный** ряд, где торговали калачами.

ПЫТЕЛЬ Елена из Уфы. В белорусском языке слово «пытель» означает «вальцовая мельница», а мука очень мелкого помола, которую на ней мелют, называется «пытлеванка». Значит, **Ленина** фамилия — белорусского происхождения и была дана ее предку как прозвище, связанное с мукомольной профессией.

КАРПУШКИНА Светлана и **ЧИРКОВА Нина** из Барнаула. У В. Даля есть слова «карп, карпушка» — короб, коробочка. Рыба карп здесь, по-моему, ни при чем. Но, может быть, фамилия от уменьшительной формы имени **КАРП** — **КАРПУША**? В природе есть маленькая птица из утиных — **чирок**, отсюда, по-видимому, и фамилия **Нины** — **ЧИРКОВА**.

МАСЛЯНИЦЫН Виктор из Ленинграда. «Масло» — от немецкого «maz-slo» — намазывать. Праздник окончания зимы, праздник яркого весеннего солнца, которое символизируют круглые, намазанные маслом блины, на Руси называется **масленицей**, отсюда — **МАСЛЯНИЦЫН**, может быть, родившийся на масленицу.

КАРЛЫШЕВА Наташа из Брат-

ска-2 пишет, что в их городе она встречала только две семьи, которые носят такую же фамилию. В России XVI—XVII вв. Карлами называли служивых людей, выходцев из Германии или Скандинавии, а еще — лилипутов. Могло так случиться, что кто-то из предков Наташи был маленького роста и получил прозвище **КАРЛА**, а может, приехал в Россию издалека.

ЗАКУТИНА Лена из Павлодара жалуется, что в школе ее часто дразнят «закуской». Между тем, разгадка фамилии Закутина довольно проста, стоит взглянуть в словарь В. Даля: «**закуть, закуток**» — отгороженное место в амбаре, куда ссыпали зерно или картофель. Лена! Если не нравится такое объяснение, давай будем считать, что Закутина от слова «**кутить**» — шумно и щедро веселиться, гулять за столом. Загулять, закутить — Закутина. Пойдет?

КИБАЛЬЧИЧ Саша из Кривого Рога. Опять нас выручит Даль: «**кибалка**» — матерчатая шапочка, которую женщины надевали на волосы, заплетенные в «куклу» или «фигу». Второй вариант от немецкого слова «**кибель**» — рудоподъемная бадья, а **кибальчич**, следовательно, рудокоп. Пожалуйста, на выбор!

КАЛЫПИН Костя из Набережных Челнов пишет, что «*наверное, есть какая-нибудь организация, чтобы узнать, кто были твои предки, ну там, в т. д. Скажите, куда обратиться?*». К сожалению, Костя, я не знаю такой организации. Единственное, чем могу помочь, это по твоей фамилии сделать предположение, чем занимался твой предок. Видать, был он древним металлургом маленького роста, ибо в старину форма для отливки пуль и других мелких предметов называлась «**калып**».

КАРАНДИНА Марина из Калининграда подбросила орешек не простой. Только в книге Н. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» удалось найти что-то близкое — **КАРАНДЕЕВ**. Карандей — слово тюркское в основе, но значение его затемнено. Могу предложить лишь версию. **КАРАНДИН** от тюрк. корня «**карын**» — обладающий большим животом, пухляк.

МАКСАНКИНА Наташа из Алма-Аты пишет, что «*перерыла все словари и не нашла ничего, чтобы разъяснить происхождение этой фамилии*». Давай, Наташа, сначала выделим корень — «**макса**». В упомянутой выше книге Н. Баскакова дается разъяснение по-

хожей корнем на твою фамилию **МАКСШЕЕВ**, которую автор отсылает к тюркскому слову «**максушей**» — грамотный человек. писец, знахарь. Но у Даля есть слово «**макса**» — рыбки потроха, печень. Склоняюсь больше к последнему — оно могло быть прозвищем, правда, не очень лестным, человека, занимающегося рыбной ловлей.

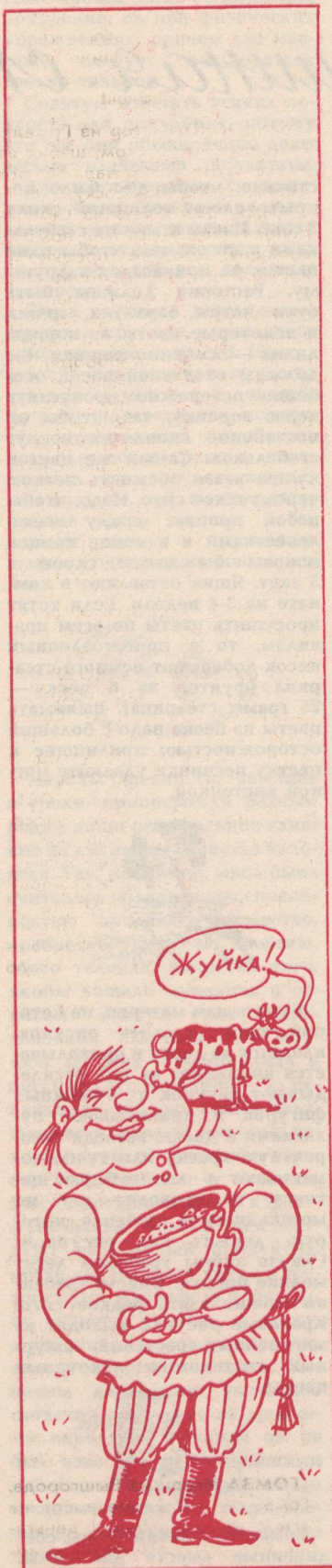
Как видим, от прозвища, клички предка получил фамилию целый род. Это я пробую подступиться к фамилии **Татьяны ЖУЙКО** из Павлодара-10. «*Фамилия моя украинская, но я считаюсь русской*», — предупреждает она. Не виню Таню за ее национальное «самоопределение», ведь за семьдесят лет апологеты теории слияния народов довольно преуспели в пропаганде своей псевдоидеи. Воспитанные на нигилизме и презрении к своим нациям удмурт и белорус, мордвин и украинец, татарин и якут спешили причислить себя к «великому» народу...

А фамилия Татьяна, и правда, происходит от украинского слова «**жуйка**» — жвачка, которую жуют коровы. Но мне кажется, что фамилия эта пошла от человека, страдавшего большой любовью поеть, вечно жевавшего что-то. Односельчане и прозвали его **ЖУЙКОЙ**, а был он по фамилии, скажем, Сидорук. И вот на сельском сходе встал вопрос, кого избрать местным головою. «Сидорука!» — крикнул кто-то. «Которого? Их в нашем селе семеро...» «Да Жуйку!» С тех пор и пошло...

Редакция «Паруса» только после первой публикации (№ 8, 1990) получила около 2 000 писем с пометкой «ФИО». И многие из них заканчиваются словами: «*Прошу ответить мне письменно. Конверт с адресом прилагаю...*». Понимаю, откуда это желание получить ответ в конверте — все та же ложная стыдливость за «некрасивую» фамилию.

Письма продолжают идти. Ответить каждому лично нет сил, а через журнал — возможности. Может быть, нам (мне и вам) поможет ВКТЦ «Парус»? Но его услуги платные. Как на это посмотришь, дорогой читатель? Не подумаешь ли, что «Парус» становится вовсе коммерческим изданием?

Чесь ДУДА-ВОРОНИЧ



И вспомнившая старину...

ДОСУГ ДАМ И ГОСПОД



Для писанок употребляют куриные яйца. Их надо выдуть, а именно: сделать на каждом конце яйца толстой иглой по отверстию. Потом надо дуть изо всех сил в одно из отверстий, а из другого отверстия все содержимое яйца вытечет. Когда яйцо уже выдудо, надо его хорошенько выполоскать, набирая в него воду и выдувая ее. Высушить яйцо и приступить к обклейке.

На изнанку материи (бархат, атлас) кладут непременно воск выкройку, карандашом очерчивают и вырезают. Намазывают четвертушку яйца гуммиарабиком и наклеивают четвертушку материи, хорошенько натягивая, чтобы она плотно пристала. Как все четверти материи будут наклеены, швы заклеивают золотыми или серебряными звездочками. Теперь намажем один из концов яйца гуммиарабиком и приклеим ленточки в виде розетки.



Из сушеных метелок, трав, тростника, ковыля и цветов можно составлять прелестные букеты. Травы для этого связываются пучками, вешаются метелками вниз и сохраняются таким образом до употребления. Цветы сушатся особым способом. Нужно добыть белого речного песка, самого чистого и мелкого. Его тщательно промывают, высушить на солнце и просеять. Затем нужно взять узкий деревянный ящик и насыпать в него этого песка

столько, чтобы дно было покрыто слоем толщиной около 3 сант. Цветы втыкаете стебельками в песок, так, чтобы один цветок не прикасался к другому. Растения должны быть сухи. Астры, бархатки, циннии и некоторые цветы из породы лилий — особенно хороши. Вы должны остальной песок особенно осторожно пропустить через воронку, так, чтобы он постепенно скопился вокруг стебельков. Самый же цветок лучше всего обсыпать песком через тонкое сито. Надо, чтобы песок проник между всеми лепестками и в конце концов покрыл бы цветы слоем в 3 сант. Ящик оставляют в комнате на 3-4 недели. Если хотят просушить цветы по всем правилам, то в приготовленный песок добавляют немного стеарина (фунтов на 6 песку — 25 грамм стеарина). Вынимать цветы из песка надо с большой осторожностью; прилипшие к цветку песчинки удаляйте мягкой кисточкой.



Бумага или материя, на которой хотят сделать рисунок, кладется на доску и прикальвается кнопками; на ней раскладывают рисунок из бумажных фигурок и прикальвают булавками к доске. Разведя акварельную краску или тушь, помакивают в нее зубную щеточку и проводят ею по металлической гребенке, которую держат над рисунком. Сквозь зубцы гребенки летят мелкие брызги. Вместо гребенки можно взять редкое сито. Красивые рисунки выходят из засушенных растений, ажурных листиков и некрупных цветов.



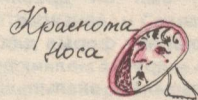
Возьмите с ветки сосны соединенные вместе две иглы,

около конца свяжите ниткой. Теперь для ручки можно взять или отрезок ветки бузины, или какую-нибудь трубочку, в которую надо воткнуть приготовленное перо. Если обмакнуть его в чернила и подержать немного, то этим пером вы можете написать 10—15 строк, прежде чем вам придется снова обмакнуть ваше перо в чернила.



В длинный флакон из хорошего белого стекла опускают кусочек чистого свежего фосфора величиною с горошину или с лесной орех и наливают на две трети оливковым маслом. Затем флакон плотно закрывается стеклянной притертой пробкой. Если в таком виде подержать флакон некоторое время, потом, открыв на секунду, снова плотно закрыть его, то внутренность флакона загорается приятным фосфорическим светом, по интенсивности своей вполне заменяющий обыкновенный ночник.

добраго здравия



Если вы боитесь, что у вас покраснеет нос на вечер, куда вы собираетесь ехать, то постарайтесь вызвать в нем раздражение заранее. Для этого сильно натрите нос полотенцем, обмокнутым в горячий колымак крем или в другой горячий свежий жир, покуда нос не сделается очень красным. Затем, вытерев его, сильно напудрите и перед отъездом сотрите лишнюю пудру. Проделав это, вы можете быть спокойны.

Женщины всегда заранее чувствуют приливы крови к носу перед тем, что он покраснеет. Предупредить это можно: очень крепко нащипать то место за ушами, где проходят

большие сосуды, и добиться сильной красноты щек, тогда кровь прихлынет к нащипанному месту и нос останется белого цвета.



Если собрать лепестки лилий во время цветения последних, то ими можно воспользоваться, как хорошим средством от ожогов. Нужно лепестки сложить в бутылку с большим горлышком, залить оливковым маслом и дать настояться. Затем эти лепестки нужно прикладывать к обожженным частям тела.



Лимонный сок, смешанный с водой, образует прекрасный лимонад, который считается не только приятным напитком для больных, но еще и прекрасным средством от сердцебиения по ночам, и в большинстве случаев действует успокоительно, в особенности, если выпить 1 или 2 стакана такого лимонада на ночь перед сном.

Лимонный сок, смешанный с водой, прекрасно помогает также и от опьянения.

Теплый лимонад, выпитый перед сном, служит прекрасным потогонным средством. На стакан воды кладут чайную ложку сахара, сок с одной половины лимона и добавляют его кипятком.



Полнота — самый большой враг красоты. Наиболее успешное средство для избавления от чрезмерной тучности — пребывание на открытом воздухе. Питаться следует очень умеренно и, главным образом, зеленью. Утром лучше всего ничего не есть. Массаж и ванны

тоже чрезвычайно полезны для похудения, но при физических упражнениях, причем для массажа следует пользоваться только тальком.

Советую избегать всяких лекарств для похудения, потому что все они обыкновенно дают весьма плачевные результаты.

Для постепенного сокращения кожи, отвисающей на похудевших местах, рекомендуется частое смачивание этих мест холодной водой или холодные компрессы.

Глаза мутные, окруженные темными кругами, доказывают приближение старости. Иногда это признак малокровия, тогда следует обратиться к доктору, но могу посоветовать, помимо его предписаний, прибавить еще следующий режим: спать вдоволь, много гулять на чистом воздухе, соблюдать диету: свежие яйца, зеленые бобы, шпинат, свеклу и другие кушанья, содержащие много железа.



Народы древности, римляне и греки, приписывали разным родам пищи решительное влияние на духовные свойства человека. Так, например, мясо быка считалось обладающим способностью придавать мужество, храбрость, силу и энергию. Мясо телянка, напротив того, якобы лишало мужества и отнимало всякую силу сопротивления. Свинина — по мнению древних — располагала к пессимизму. Баранина — к меланхолии. Молоко и яйца являются источниками живости, находчивости и предприимчивости ума, особенно у женщин. Масло предрасполагает к флегматичности. Яблоки способствуют наибольшей продуктивности умственного труда и живости ума. Картофель порождает лень, тупость и скуку, а горчица, как говорят, усиливает и обостряет память. Конечно, картофелю указанное свойство приписано не древними народами, которым он не был известен, а позднейшими наблюдателями, изучавшими пищевые припасы с точки зрения их морального влияния на человека.



Чтобы приготовить дешевым домашним способом сильно действующую бумагу для мух, достаточно намазать простую писчую бумагу смесью толченого перца с паточкой.



Бутылка чистой воды разводится двумя чайными ложками порошка салициловой кислоты, смоченными в этом растворе тряпками заворачивают куски масла, которое при употреблении надо хорошенько сполоснуть. Раствор не надо держать на солнце.

советы из бонбон'ерки



Взять десятка два яблоков, очистить их и выбрать семечки, взять толченых сухарей из черного хлеба и насыпать не толстый слой их в глубокое блюдо, смазанное маслом, сверху положить нарезанных ломтиками яблоков и снова засыпать сухарями, и продолжать делать так, пока блюдо будет полно. В середину можно положить несколько кусков сливочного масла, — поставить в печь и дать хорошенько испечься яблокам. Каждый ряд яблоков следует пересыпать мелким сахаром. Такой пирог можно подавать со сливками.

Материалы с небольшими сокращениями и с сохранением орфографии и пунктуации перепечатаны из журналов «Дело и потеха» (№ 6, 1908, № 1, 1916 г.), «Ученик» (№ 31, 1911 г.), «Дамский мир» (№ 12, 1912 г.), «Домашний очаг» № 18, 1907 г.), «Домашний советчик» (№ 1, 1906 г.), «Домострой» (№ 22, 1894 г.).



10 УРОКОВ БОЛЬШОГО ТЕННИСА

Ведет мастер спорта Борис Сытков

УРОК 3. ПОДАЧА

Подача — единственный удар в теннисе, успех которого полностью зависит от игрока. Освоение подачи требует одного — правильной координации движений.

Так же, как и при овладении другими ударами, начинающий с первых шагов должен стараться выдерживать правильный рисунок движения, и если это не получается, то движение необходимо разучивать поэтапно.

Исходное положение. Ноги поставлены на ширину плеч (примерно 45 см для человека среднего роста, для тех, у кого рост 190 см и выше, — несколько больше). Ступни расположены под определенным углом по отношению к задней линии корта. Вес тела равномерно распределен на обе ноги.

Позиция ног при подаче в правое поле: левая нога под углом 45° по отношению к задней линии корта, правая нога почти параллельна левой (рис. 1а).

Позиция ног при подаче в левое поле: левая нога почти параллельна задней линии, правая нога слегка развернута (носок направлен назад — рис. 1б). Струны ракетки — перпендикулярны земле.

Спокойное и мягкое подбрасывание мяча благоприятно сказывается на общей

координации движений.

Петля или фаза движения, во время которой сгибается предплечье, начинается в момент, когда мяч приближается к верхней точке подброса (рис. 2).

Петля выполняется мягко, но нельзя ослаблять внимание и разжимать пальцы на ручке ракетки, особенно мизинец и безымянный, которые, расслабляясь, позволяют ракетке поворачиваться в руке так, что игрок этого не замечает и не чувствует. В этом случае хватка не будет обеспечивать правильной подачи, поскольку завершающая фаза движения считается неверной. Графическое изображение конца петли изображено на рис. 2б, в.

Петля — это пружина удара, фаза движения, во время которого плечо, локоть и рука тянут ракетку вверх и вперед.

Правая рука равно как и все туловище в момент соприкосновения ракетки с мячом, вытянута. Обратите внимание на три важные детали:

- 1) левая рука практически перпендикулярно поднята по отношению к земле, в начале петли начинает опускаться и постепенно сгибается на уровне пояса;
- 2) плечи как бы слегка покачиваются, увлекаемые поднятием правой руки и опусканием левой;
- 3) плечи, которые были развернуты перпендикулярно сетке, по мере того, как совершается удар, поворачи-

ваются параллельно сетке, чтобы обеспечить наиболее удобный переход вперед руки и плеча, находящихся сзади.

При резаной подаче, которую можно советовать начинающим, соприкосновение ракетки с мячом происходит тогда, когда правое плечо у игрока, играющего правой рукой (у левши — левое), вытянуто вверх.

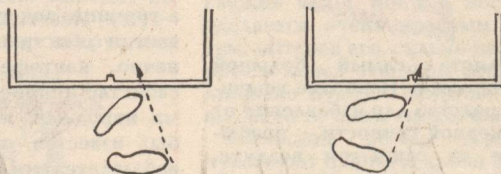
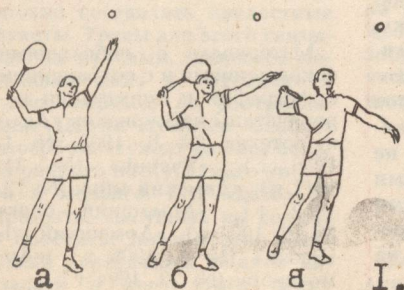
Несколько важных советов. До тех пор, пока вы не овладеете координацией движений, пробуйте стоять двумя ногами на земле во время всего исполнения подачи (рис. 3). Пятка стоящей сзади ноги должна отрываться, чтобы облегчить вытягивание передней ноги и всего туловища.

Не жалейте времени на отработку подачи. Не ограничивайтесь просто «введением мяча в игру», а поскорее превратите подачу в удар атакующий.

Думайте о месте, куда направите мяч, — ваши шансы на успех увеличатся вдвое.

Вот пример, как добиться успеха тому, кому не удается овладеть всем движением в целом.

Займите исходное положение, поднимите ракетку до того, как начнете подавать, как это вы делаете в начале петли (рука полусогнутая); руку, которая подбрасывает мяч, вытяните вдоль туловища, кисть установите на уровне бедра, несколько выдвинув ее вперед. Не напрягайтесь и не торопитесь, делайте затем движение — петля, удар, подбрасывание и правильное сопровождение мяча.

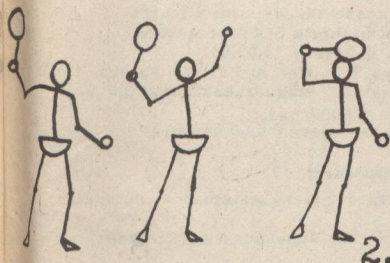


Действуя таким образом при каждой новой подаче, вы можете не опасаться последующих ошибок, если положение руки, держащей ракетку, будет правильным (рис. За, б).

Можно пойти еще дальше в понятии упростить движение, установив руку в середине петли (полезно особенно для девушек) — рис. Зв. Как только игроку станут удаваться серии хороших подач, он обязательно должен вернуться к движению в целом, чтобы найти координацию и ритм, обеспечивающие прогресс.

В следующий раз мы рассмотрим не менее важный элемент — удар справа. А сейчас только подчеркнем следующее. В теннисе удар справа — самый естественный и, в силу этого, как правило, самый эффективный. Его следует отрабатывать особенно тщательно из-за относительной легкости и быстроты овладения.

И еще. Нам бы очень хотелось знать, насколько нужны и полезны такие заочные уроки, как их сделать интереснее в будущем. Пишите нам о своих спортивных увлечениях, о том, какие материалы вы хотели бы прочесть в спортивной рубрике «Паруса». Наш взгляд, эта тема у нас пока в тени. А как вы считаете? Ждем писем с пометкой «10 уроков тенниса».



игроотека

БЕЛОЕ КРАСНОЕ ВИНО

То, что мы вам предлагаем, можно рассматривать и как тест, и как логическую головоломку. Придумал сие В. Вектор из Киева.

Облюбуйте самую, на ваш взгляд, загадочную несуразность из этих десяти:

1 — атмосферный окурок, 2 — ваза с видом изо рта, 3 — ежик

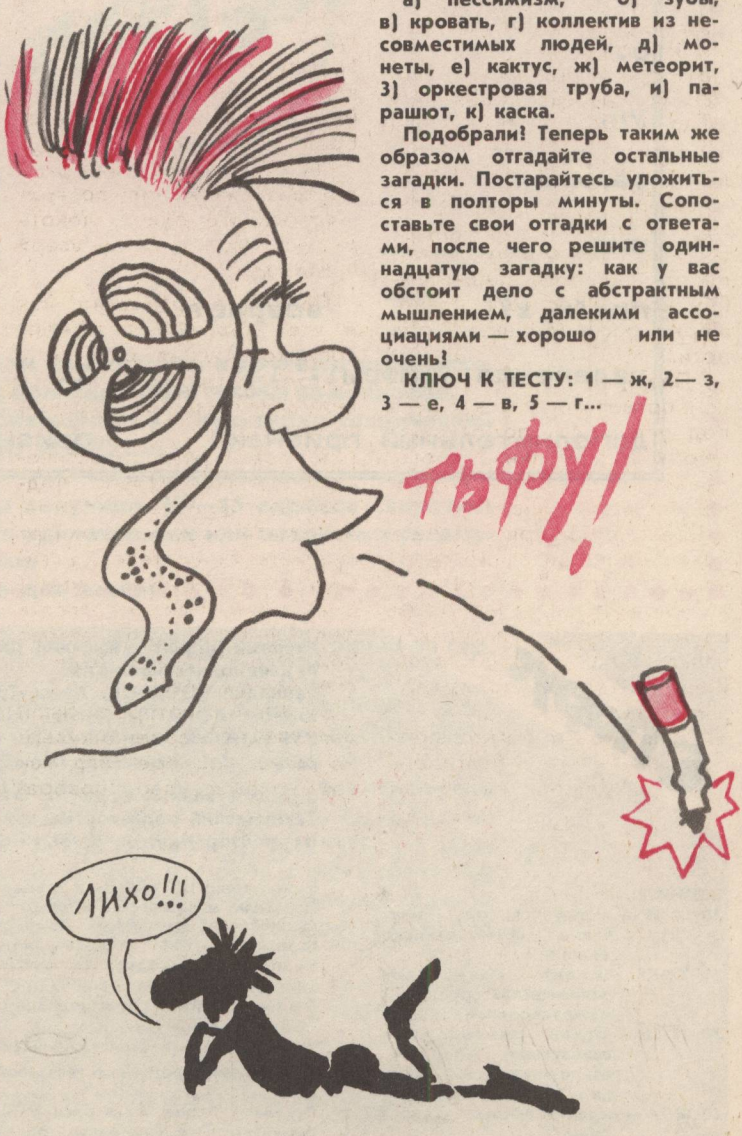
под наркозом, 4 — мост через ночь, 5 — шарикоподшипник с кубическими шариками, 6 — горсть вечных конфет, 7 — таблетки от безденежья, 8 — интеллектуальное ведро, 9 — яма вверх дном, 10 — туземцы уверяют: на черный день белого красного вина не пасешься.

Облюбовали! Теперь засеките время и подберите для облюбванной загадки отгадку из этой десятки:

а) пессимизм, б) зубы, в) кровать, г) коллектив из несовместимых людей, д) монеты, е) кактус, ж) метеорит, з) оркестровая труба, и) парашют, к) каска.

Подобрали! Теперь таким же образом отгадайте остальные загадки. Постарайтесь уложиться в полторы минуты. Сопоставьте свои отгадки с ответами, после чего решите одиннадцатую загадку: как у вас обстоит дело с абстрактным мышлением, далекими ассоциациями — хорошо или не очень!

КЛЮЧ К ТЕСТУ: 1 — ж, 2 — з, 3 — е, 4 — в, 5 — г...



ЧИТАТЕЛЬ — ЭВМ — ЧИТАТЕЛЬ

обратная связь

В последние полгода КТЦ «Парус» перезнакомил между собой тысячи желающих подружиться по переписке. Приятно получать от вас благодарности. К сожалению, не редки и обиды: «Не понимаю, отчего вы не шлете ответ на мое письмо. Подружка отправила свой за-

прос вашей ЭВМ на неделю позже, чем я, но ей давно уже письма от новых друзей идут, а я без всякого результата жду обещанного... Таня С., г. Вологда».

К счастью, девушка догадалась указать дату отправки своего первого письма нам. Это позволило без труда найти в книге регистрации но-

АНКЕТА ДРУЗЕЙ

дата регистрации анкеты (чч/мм/гг) / /

№ абонента страна

почт. инд обл.

р. г.

ул. д. к. кв

фамилия

имя

пол (м, ж) возраст

увлечения (шифры): 1. 2. 3.

дополнительный признак признак поиска *

Парус

ЗВОНИТЕ:

- 20-24-00 — отдел писем, изучения общественного мнения
- 20-27-08 — отдел социально-политических проблем и международной жизни
- 20-22-56 — отдел молодежных социальных инициатив; отдел культуры, морали и образования
- 20-28-54 — отдел прозы, секретариат

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Алесь ГАВРОН (ответственный секретарь), Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Алексей КРИВДЕНКО, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНДЕН, Валерий ПЛЮСКОВ (зам. главного редактора), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ

Художественный редактор Александр КОРШАКЕВИЧ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь ЛОБОЙКО

Учредители: ЦК ВЛКСМ и трудовой коллектив журнала «Парус»

Издатель: издательство «Полымя» Госкомитета БССР по печати

Сдано в набор 14.01.91. Подписано к печати 13.03.91.

Формат 70×108 /₁₆. Offsetная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15.

Уч.-изд. л. 8,6. Заказ 24. Бумага книжно-журнальная. Цена 80 коп.

Тираж 437 974 экз. [1-й завод: 1—300 000 экз.].

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства

«Белорусский Дом печати»

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

Присланный в редакцию текстовой и графический материал не возвращается.

Рукописи более 4 авторских листов (96 машинописных страниц) не рецензируются и не рассматриваются.

мер, под которым оно числится, а значит, и заполненную карточку, с которой умная ЭВМ «считывает» Танин возраст, закодированные увлечения и дополнительную информацию: эта девушка хотела бы переписываться только с юношами. Вот машина и пытается подобрать ей адреса парней от 17 до 20 лет, которые «хорошо бы разбирались в людях, увлекались вязанием и коллекционировали фотографии актеров...» Странно! Еще бы! Дело в том, что девушка указала в письме лишь свои увлечения, достаточно редкие для ребят. Ну, а машина ищет друзей по совпадению увлечений...

Чтобы ускорить и облегчить вам налаженный нами контакт с ЭВМ, предлагаем всем желающим самостоятельно (но разборчиво!) заполнить карточку и прислать ее нам вместе с квитанцией о денежном переводе и подписанным конвертом.

Внизу, на свободной строчке укажите 3 увлечения, которые у вас с вашим будущим другом обязательно должны совпадать.

Если нет возможности заполнить карточку — напишите нам, как обычно, письмо о себе и о будущем друге по переписке. Постараемся помочь вам его подобрать!



ПАРУС
друзья
ПАРУС

Если ты мечтаешь о друге по переписке, мы с помощью ЭВМ готовы помочь тебе. Обращайся в культурно-технический центр «ПАРУС»!

Ты получишь 10—15 адресов сверстников с одинаковыми или похожими увлечениями, но для этого:

- 1) Заполни карточку, напечатанную на стр. 64.
- 2) Перечисли на расчетный счет № 609683 в Московском отделении Жилсоцбанка г. Минска 3 рубля.
- 3) Вложи квитанцию о перечислении денег, конверт со своим домашним адресом (для ответов), вырезанную карточку или письмо о себе в обыкновенный почтовый конверт и присылай по адресу: 220600, г. Минск, ул. Короля, 12, центр «Парус».

Главное: не забудь указать свой возраст и три увлечения, которые у тебя с будущим другом обязательно должны совпадать. Они смогут стать фундаментом, основой настоящей и крепкой дружбы.

6-16

Цена 80 коп.



Парус

A

Парус

Б

Парус



Парус

A

Парус

Б

ISSN 0235-2737 Индекс 70795 «Парус», 1991 г., № 4 1-64.